THE NEW CONAN NOVEL BY
L. SPRAGUE DE CAMP & LIN CARTER

CONAN
THE BUCCANEER

Annotation

На этот раз Конан служит корсаром у королевского дома Зингары. Когда пропала Чабела, дочь короля, то именно Конана отправился на ее поиски, во время которых он отыщет корону Кобры, побывает в плену у чернокожих амазонок, а в конце сразится с могущественным Тот-Амоном за трон Зингары.

- Лайон Спрэг де Камп и Лин Картер
  - 1. КРОВАВЫЙ СОН
  - 2. СТАРЫЙ ЗИНГАРСКИЙ ОБЫЧАЙ
  - 3. НОЖ ВО МРАКЕ
  - 4. ГИБЕЛЬ «КОРОЛЕВЫ МОРЯ»
  - 5. БЕЗЫМЯННЫЙ ОСТРОВ
  - 6. НА КРАЮ СВЕТА
  - 7. ПЫЛАЮЩИЕ ГЛАЗА
  - 8. ЖАБОПОДОБНАЯ ТВАРЬ
  - 9. КОРОНА КОБРЫ
  - 10. ВЕТЕР В СНАСТЯХ
  - 11. ЧЕРНЫЙ БЕРЕГ
  - 12. ГИБЕЛЬНАЯ ПАУТИНА
  - 13. ГОРОД ЖЕНЩИН-ВОИТЕЛЬНИЦ
  - 14. КОРОЛЕВА АМАЗОНОК
  - 15. ПОД КНУТОМ
  - 16. ЧЕРНЫЙ ЛАБИРИНТ
  - 17. ДЕРЕВО — ЛЮДОЕД
  - 18. КРУШЕНИЕ «ВЕСТРЕЛА»
  - 19. В КОРОЛЕВСТВЕ ВСЕ СПОКОЙНО
  - 20. КОРОЛЬ ТОТ-АМОН
  - 21. АЛАЯ КРОВЬ И ХОЛОДНАЯ СТАЛЬ

Лайон Спрэг де Камп и Лин Картер
«Конан-корсар»

1. КРОВАВЫЙ СОН

За два часа до полуночи принцесса Чабела проснулась. Обернув полное нагое тело прозрачным покрывалом, дочь короля Федруго Зингарского лежала напряженная и дрожащая. Она вглядывалась в темноту, и холодный ужас страшного предчувствия пробегал по напряженным нервам. Снаружи дождь стучал по крышам дворца.

О чем он был, этот темный и страшный сон, из призрачных лап которого едва вырвалась ее душа?

Теперь, когда этот ужасный сон кончился, она едва могла вспомнить его детали. Была темнота, и злые глаза сверкали сквозь мрак: блеск ножей — и кровь. Кровь везде: на простынях, на кафеле пола, стекающая под дверь — алая, густая, медленно текущая кровь!

Содрогнувшись, Чабела оторвалась от тяжелых воспоминаний. Взгляд ее привлек слабый свет: он шел от тонкой свечи, стоящей на низком алтаре в углу комнаты. На алтаре стояла еще небольшая икона Митры, Повелителя света и главного божества Кордавского пантеона. Решив узнать сверхъестественное указание, она, дрожа, встала на кафельный пол. Закутав чувственное, оливкового цвета тело в кружевное покрывало, принцесса пересекла спальню и преклонила колени перед алтарем. Ее черные волосы струились по спине подобно жидкой темноте полуночи.

На алтаре стоял небольшой серебряный сосуд с ладаном. Она открыла его и бросила немного порошка в пламя. Густой запах нарда и мирра наполнил комнату.

Чабела сложила руки и согнулась, как при молитве, но молча. Мысли ее смешались, при всем старании она не могла овладеть собой, чтобы успешно общаться с божеством.

Она подумала, что уже много дней призрачный ужас таится во дворце. Старый король стал казаться далеким, чужим, поглощенным неведомыми проблемами. Он удивительно постарел, как будто жизнь его высасывала пиявка. Некоторые из его декретов не походили на прежнее правление. Временами казалось, что чей-то чужой дух смотрит через его старые глаза, говорит его медленным резким голосом или ставит волнистую подпись под продиктованным приказом. Мысль была абсурдной, но все же была.

И вот теперь, эти ужасные видения ножей и крови, густые, зримые тени, которые смотрят и шепчут!

Внезапно мысли ее прояснились, как будто свежий ветер с моря согнал туман с ее сознания. Она подумала, что смогла бы назвать чувство призрачного страха, подавляющее ее. Это было так, как будто какая-то темная сила стремилась захватить контроль над всеми ее мыслями.

Ужас наполнил ее: от отвращения содрогнулось ее округлое тело. Ее полные юные груди, гордые сферы, бледно-загорелые, вздымались и опускались под кружевным покрывалом. Она простерлась перед маленьким алтарем, ее черные волосы рассыпались сверкающими кольцами по кафелю. Она молилась:

— Повелитель Митра, защитник дома Рамиро, милосерднейший и справедливейший, враг неправды и жестокости, помоги мне, молю тебя, могучий Повелитель Света! Помоги мне в час беды моей, скажи что мне делать, молю тебя!

Поднявшись, она открыла золотую коробочку рядом с сосудом на алтаре и достала четыре десятка тонких полированных палочек из сандалового дерева. Некоторые из этих божественных стержней были короткие, некоторые длинные, некоторые были изогнуты и круглые, другие плоские и прямые.

Она бросила их наугад на пол у алтаря. Звук упавших палочек громко разнесся в тишине.

Внимательно вглядывалась она в беспорядочно лежавшие палочки, и черный колокол ее волос обрамлял юное лицо. Ее глаза округлились от страха.

Палочки обозначали: Т О В А Р О.

Девушка повторила имя. «Товаро», — медленно сказала она.

— Иди к Товаро… — решимость вспыхнула в ее темных глазах. — Я так и сделаю! — поклялась она. — Сегодня ночью! Я вызову капитана Капеллеза.

Когда она двигалась по комнате, всполохи бури снаружи освещали комнату. Она сорвала украшения с шеи, сняла перевязь с рапирой со стены и взяла теплый плащ. Она скользила по спальне быстро, экономя движения.

Стеклянными глазами смотрел с алтаря Митра. Не прозрачный ли разум светился в его взгляде? И не выражение ли слабого сожаления на его губах? Не был ли далекий гром его голосом? Кто знает…

В течение часа, однако, дочь Федруго покинула дворец. Так началась цепь фантастических событий, которые столкнули могучих воителей, страшных волшебников, гордых принцесс и древних богов на краю мира.

2. СТАРЫЙ ЗИНГАРСКИЙ ОБЫЧАЙ

Поднялся ветер, гоня перед собой стену дождя. Теперь, после полуночи, влажный морской бриз завывал на мокрых аллеях, ведущих из порта. Он раскачивал раскрашенные вывески над дверьми кабаков и таверн. Вымокшие дворняги дрожа прятались от дождя и ветра под лестницей.

В этот поздний час все пирушки закончились. Всего несколько окон светилось в домах Кордавы, столицы Зингары на Западном океане. Тяжелые облака закрыли Луну, их лохматые обрывки проносились по мрачному небу, как приведения. Это был темный, тайный час — время ночи, когда люди с решительными лицами сговариваются об измене и перевороте; когда убийца в маске крадется по мрачным улицам и обнаженный кинжал сверкает в его руке. Ночь для заговора, ночь для убийства.

Сквозь шум ветра и дождя послышался звук и лязг клинков в ножнах. Отряд ночной стражи — шесть человек, закутанных в плащи, в низко надвинутых от непогоды шляпах, с пиками и алебардами на плечах — шел по ночным улицам. Они двигались тихо, изредка обмениваясь тихими репликами на текучем зингарском языке. Они внимательно глядели по сторонам в поисках выломанных окон и дверей, прислушивались, ловя звуки беспорядка, и спешили, думая о бутылках вина, которые они осушат, вернувшись из патруля.

После того, как патруль миновал старый сарай с наполовину обвалившейся крышей, две темные фигуры, неподвижно стоявшие внутри его, ожили. Одна из них достала из под плаща маленький фонарь и открыла его окошко. Поток лучей от его свечи высветил пятно на полу сарая.

Нагнувшись, человек с фонарем раскидал мусор, под которым оказалась каменная дверь с приделанным куском цепи, кончавшимся бронзовым кольцом. Оба мужчины взялись за кольцо и потянули. Дверь поднялась со скрипом несмазанных петель, фигуры исчезли в отверстии, и дверь со стуком вернулась на прежнее место.

Узкая каменная лестница вилась вниз в темноту, слабо пробиваемую светом фонаря. Старыми и стертыми были камни этой лестницы. Сырость и плесень были на ее закругленных ступеньках. Запах веков висел в воздухе.

Два человека в темных плащах спускались медленно и осторожно. Их лица скрывали шелковые маски. Как ночные призраки чувствовали они путь, и влажный морской бриз снизу, из темных туннелей, выходящих в открытое море — раздувал их плащи, как крылья гигантского нетопыря.

Высоко над спящим городом глядели в пасмурное небо башни замка Риллагро, князя Кордавы. Поскольку некоторые обитатели не спали, свет был виден в высоких узких окнах.

Глубоко внизу этого громадного замка, при свете высокого золотого канделябра в форме сплетенных змей, над пергаментом сидел человек.

Невозможно оценить стоимость роскошного убранства его убежища. Стены из грубого камня были увешаны богатыми гобеленами. Холодные плиты пола были покрыты толстым, мягким ковром, сверкающим алым, золотым, голубым, изумрудным и фиолетовым цветами — искусное изделие из далекой Вендии.

Табурет, на котором стоял серебряный поднос с освежающими напитками и фруктами в серебряной вазе, был украшен великолепно исполненными резными фигурами.

Гигантский, выгнутый стол, за которым читал человек, был в стиле северной империи Аквилонии. В чернильнице из золота и хрусталя лежали павлиньи перья для письма. Роскошная

шпага лежала поперек стола, придерживая бумаги.

Сам мужчина был средних лет, около пятидесяти, но стройный и элегантный. Его красивые, в черных чулках ноги были обуты в прекрасные туфли из великолепно выделанной кордавской кожи, с алмазными застежками, которые сверкали, когда он нетерпеливо перебирал ногами. Его стройный торс облегал бархатный дублет, через прорези рукавов которого просвечивала персикового цвета подкладка. Снежно-белые кружева пенились на его груди. На каждом пальце холеных рук сверкал огромный алмаз.

Возраст мужчины выдавала морщинистая шея и темные круги под быстрыми, холодными и темными глазами. Мужчина, очевидно, старался скрыть свой возраст: волосы, мягко лежащие на плечах, были окрашены, а пудра смягчала линии его аристократического лица. Но косметика не могла скрыть увядающую кожу, бесцветность усталых глаз, морщинистую шею.

Рукой в перстнях он играл пергаментами — официальными документами с алыми сургучными печатями и лентами, подписанными прихотливо изогнутой подписью. Его нетерпение выдавало переступание ногами и частые взгляды на изящные водяные часы. Он также бросал взгляд на тяжелый шкаф в углу.

Позади человека, за столом стоял молчаливый кушитский раб со скрещенными на груди мускулистыми руками. Золотые серьги сверкали в его ушах, свет свечи отражался на мускулах его могучего торса. Обнаженный ятаган был задвинут за алый пояс.

Со скрежетом маленьких шестеренок прозвонили часы. Было два часа по полуночи.

С глухим проклятьем человек за столом сбросил вниз пергаменты, которые изучал. В это же время шкаф отодвинулся, открыв тайный ход. Два человека в черных плащах и масках стояли у выхода. Один из них держал фонарь: пламя свечи искрилось на влажных плащах вошедших.

Сидящий мужчина положил руку на эфес рапиры, лежащей на столе, а Кушат вынул ятаган. Однако, когда двое вошли в помещение и сбросили маски, он успокоился.

— Все в порядке, Гомани, — сказал он негру, и тот снова скрестил руки на груди и безразлично уставился в пространство.

Двое вошедших сбросили на пол плащи и поклонились сидящему за столом. Первый из них отбросил капюшон, открыв лицо с ястребиными глазами, гладко выбритыми скулами и тонким ртом, и, сложив руки на груди, склонился над ними.

Другой мужчина поставил свой фонарь, сделал реверанс, с придворным изяществом взмахнув шляпой с перьями и пробормотав:

— Мой господин князь! — Когда он вновь встал прямо и небрежно стал поигрывать алмазным эфесом длинной шпаги, стало видно, что это был красивый высокий мужчина, черноволосый, с желтоватой кожей и резкими чертами лица. Его черные усики были так тонки, что казались нарисованными художником. В нем чувствовалось фальшивое благородство: несколько театральная напыщенность и значительный налет авантюризма.

Виллагро, князь Кордавский, ледяным взглядом окинул худого зингарнца.

— Господин Зароно, я не привык ждать, — заметил он.

Снова изящный поклон:

— Тысяча извинений, ваша светлость! Ни за что на свете не желал бы я вызвать ваше неудовольствие.

— Тогда, господа, почему вы опоздали на полчаса?

Грациозный жест.

— Сущая безделица. Глупость.

Человек с выбритой макушкой объяснил:

— Кабацкая драка, господин князь.

— Драка в общественном месте? — воскликнул князь. — Вы что, подлецы, рехнулись? Как

это произошло?

Вспыхнув, Зароно с ненавистью посмотрел на священника, тот бесстрастно вернул взгляд.

— Ерунда, Ваша Светлость! Ничего такого, что могло бы вас побеспокоить…

— Об этом судить мне, Зароно, — сказал князь. — Не исключено, что наш план может быть выдан. Вы твердо уверены, что этот беспорядок не был провокацией?

— Ничего подобного, мой господин, — усмехнулся Зароно. — Вы, возможно, слышали о грубом варваре по имени Конан, который был назначен командовать зингарским капером, несмотря на то, что он грязный киммериец с далекого севера?

— Я ничего не знаю об этом плуте. Продолжайте.

— Как я сказал, это ерунда. Но, войдя в таверну Девяти Вырисованных Шпаг, где я должен был встретить присутствующего здесь святого Менкара, я заметил жарящееся в камине мясо, и так как я пришел на пустой желудок, то решил разом убить двух зайцев. Поскольку человек моего происхождения не может терять время на пустое ожидание, я крикнул кабатчику Сабрану и приказал поставить передо мной жареный окорок. Тогда этот киммерийский лопух выступил против меня, утверждая, что это его обед. Джентльмен вряд ли сможет стерпеть, чтобы каким-то иностранцам отдавалось предпочтение…

— Что же случилось? Ближе к делу, — потребовал князь.

— Поговорив немного, мы перешли к делу, — Зароно скривился, дотронувшись до синяка под глазом. — Парень силен, как бык, хотя должен признаться, я порядком попортил ему физиономию. Перед тем как я собрался показать деревенщине скорость моего клинка, кабатчик и посетители схватили нас и выкинули на улицу — не без некоторых усилий, так как каждого из нас держали пять-шесть человек. В это время пришел святой отец Менкара и постарался нас успокоить. Это с одной стороны, а с другой…

— Я все понял: по всей видимости, это просто случайность. Но впредь вам надо будет подумать, прежде чем затевать ссоры. Избавьте меня от этого! А теперь к делу! Я полагаю, это…

Зингарец закрутил усы.

— Простите мои плохие манеры, Ваша Светлость: я представляю Вам святого Менкара, служителя Сета, которому я предложил присоединиться к нам, и который усердно трудится теперь на нашем поприще.

Бритоголовый снова сложил руки и поклонился. Виллагро благосклонно кивнул.

— Почему вы настояли на личной встрече, святой отец? — спросил он. — Я предпочитаю действовать через агентов, подобно Зароно. Что случилось? Достаточно ли ваше вознаграждение?

Застекленевшие глаза лысого стигийца выражали полное безразличие.

— Золото ничего, однако для этой жизни необходим набитый кошелек. Наши священники знают, что мир — лишь иллюзия, маска на голом лице Хаоса… Но простые, господин князь, теологические рассуждения — обычай нашей страны, но мое присутствие здесь связано с вашим обычаем, так? — Стигиец слабо улыбнулся, давая понять, что он пошутил.

Князь удивленно поднял брови.

— Я имею ввиду план Вашей Светлости, — продолжал Менкара, — убедить доброго, но старого короля Федруго отдать вам руку принцессы Чабелы, перед тем, как он мирно закончит свое существование в этом мире. Я имею в виду хорошо известное изречение: «Заговор и измена — любимые обычаи Зингары».

Гримаса Вилларга дала понять, что он находит шутку не слишком веселой.

— Да, да, священник, все это мы понимаем. Какие новости? Как продвигается захват мыслей нашего предмета?

— Довольно плохо, мой Повелитель, — пожал плечами Менкара. — Мыслями старого и

больного Федруго завладеть легко. Но у меня возникли проблемы, однако.

— Я слушаю!

— Когда мысли короля подчиняются моим желаниям, я могу полностью управлять им. Я могу заставить его отдать вам руку принцессы, но принцесса — не без основания, ссылаясь на разницу ваших возрастов — отказывается.

— Так возьми и ее мысли под контроль, тупоголовый идиот! — прорычал Виллагро, разгневанный намеком на свой возраст.

Холодные огоньки вспыхнули в глазах Менкара и потухли.

— В нынешнюю ночь я и пытался это сделать, — промурлыкал он. — Мой дух вторгся в сны отдыхающей принцессы. Она молода, сильна и полна жизни. С огромным трудом я достиг контроля над ее желаниями — но когда моя тень захватила власть над ее спящей душой, я почувствовал, что теряю власть над Федруго и оставил ее. Я быстро освободил девушку, чтобы восстановить власть над ее отцом. Она в ужасе проснулась, и хотя ничего не запомнила из моих внушений, я несомненно встревожил ее. Затруднение в том, что я не могу одновременно контролировать короля и принцессу…

Он отшатнулся, увидев сверкнувшее в глазах князя пламя.

— Так это был ты, паршивый пес! — вскричал Виллагро.

Удивление и страх вспыхнули в глазах Менкара.

— Что вы имеете в виду, мой господин? — пробормотал он.

Зароно был удивлен не меньше священника.

— Возможно ли, что мой хитрый шпион и мой осторожный колдун не слышали того, о чем говорит пол города, — задыхаясь от гнева, закричал Виллагро — Возможно ли, чтобы никто из вас, идиотов, не знал, что принцесса исчезла из города? И что все наши планы превратились в ничто.

Князь Виллагро выполнял свои планы осторожно. Федруго был стар и немощен. И чтобы упрочить мирное процветание, королевская дочь Чабела должна была выйти замуж. Кто же более всего достоин ее руки и трона, чем Виллагро, старый вдовец, самый богатый и влиятельный вельможа после короля в королевстве?

В подвале под своим древним замком разрабатывал Виллагро свой план. Для своих целей он выбрал корсара Зароно с благородными предками, но темным прошлым. Он поставил перед ним задачу найти мага с гибкой совестью, который мог бы влиять на мысли и желания стареющего монарха. Для этой цели Зароно выбрал Менкара, священника-мага незаконного стигийского культа Сета. Побег Чабелы, однако, разрушал все планы Виллагро. Какой смысл контролировать мысли короля, если принцесса не будет присутствовать на обручении?

С железным самообладанием Менкара поспешно успокоил князя.

— Сможет ли это успокоить Ваше Сиятельство, но те знания оккультных наук, которыми обладаю я, могут помочь быстро определить нахождение принцессы, — сказал он.

— Так сделай это, — сказал мрачно Виллагро.

По приказу священника, кушит Гомани принес из комнаты пыток бронзовый треножник и уголь. Ковер был свернут, обнажив каменные плиты. Из-под рясы Менкара достал кожаную сумку со множеством отделений внутри. Из нее он взял кусок светящегося зеленого мела и начертил на полу фигуру, похожую на змею, держащую хвост в зубах.

К тому времени Гомани развел огонь в треноге.

Священник вылил на сверкающие угли зеленую ароматную жидкость из прозрачного флакона.

Со змеиным шипением острый аромат наполнил комнату. Бледно-зеленые спирали дыма сплетались и расплетались в сонном воздухе.

Менкара сел в зеленый меловой круг. Канделябр был унесен, и комната погрузилась в жуткий мрак. Остались три источника света: красное пламя углей в треножнике, зеленовато светящийся змеиный меловой круг и желтые глаза священника, сверкающие, как зрачки ночного животного.

Голос Менкара становился все сильнее и распевнее.

— Иао, Сетех… Сетех, иао! Абрафакс нурими мизрает, Сетех!

Резкие магические слова рождались и умирали, и было слышно ритмическое медленное дыхание стигийца. Желтые глаза его закрылись и он впал в транс.

— Митра! — прошептал Зароно, но прикосновение князя заставило его замолчать.

Кольца дыма становилось гуще, они сталкивались и складывались в светящиеся, ядовито-зеленые участки. Зрители вглядывались в ожившую внутри облака сцену. В сиянии был виден маленький корабль, по оснастке каравелла, плывущий по ночному океану. На капитанском мостике стояла девушка, ее округлые формы были видны через тяжелый плащ, прижимаемый ветром к ее молодому телу.

— Чабела! — вздохнул Виллагро.

Как только его слова нарушили тишину, облако потускнело и распалось. С шипением потухли угли. Священник упал вперед, ударившись лбом о плиты пола.

— Куда она направляется? — спросил Виллагро, когда глоток вина вернул к жизни мага.

— В ее мыслях я прочитал имя Асгалуп, — сказал Менкара, — не знает ли Ваша Светлость, причин, по которым она должна искать Асгалуп?

— Там сейчас находится брат короля Товаро, — задумался князь. — Будучи послом, он ездит из одного города Шема в другой, но сейчас он там. Я знаю точно! Она примчится к Товаро и будет умолять его вернуться в Кордаву. С присутствием этого парня здесь, бог знает как могут измениться наши планы. Так что же нам делать, если ваша власть не может одновременно распространяться на принцессу и короля?

Зароно протянул руку к серебряному подносу, пробормотав:

— С позволения Вашей Светлости? — после кивка Виллагро он выбрал себе фрукт.

— По-моему, — сказал он, проглатывая кусок, — мы должны найти другого мага.

— В этом что-то есть, — согласился князь. — Кого вы предлагаете, святой отец?

Стигиец смотрел без всякого выражения.

— Глава нашего ордена, — сказал он наконец, — самый могучий волшебник, который может помочь в этом плане — великий Тот-Амон.

— Где этот Тот-Амон находится?

— Он живет в родной Стигии, в оазисе Хаджар, — ответил Менкара. — Должен, однако, вас предупредить, что таланты великого Тот-Амона нельзя купить за простое золото. — Кривая улыбка появилась на его губах. — Золото может купить маленького человека, как я: но Тот-Амон — признанный властитель магов. Тот, кто повелевает духами Земли, не нуждается в материальном богатстве.

— Тогда, что же может прельстить его?

— Одна мысль близка его сердцу, — сказал Менкара. — Много веков назад культ Митры боролся здесь, в западных королевствах с культом моего божества, Сета. Так повернулась судьба, что мой культ пал, и защитники Митры одержали победу. Защитники Змея стали вне закона, и весь мой орден отправился в изгнание. И если теперь, Ваша Светлость поклянется разрушить храмы Митры и на месте построить храмы Сета, вознести Сета выше всех богов западного королевства, тогда, я клянусь, Тот-Амон поможет вам своей властью.

Князь закусил губу. Боги, храмы и священники для него не значили ничего до тех пор, пока храмы и их управляющие исправно платили подати. Он пожал плечами:

— Да будет так, — сказал он. — Я поклянусь всеми вашими богами и демонами со странными именами. А теперь ваши задачи: сначала вы выйдете в море. Пойдете к юго-востоку и встретите судно с принцессой. Схватите ее и разрушите корабль, не оставив живых свидетелей. Твой «Петрел», Зароно, легко осилит маленькую «Королеву моря».

Позаботившись о даме, вы продолжите путь в Стигию. Вы, Менкара, будете вести переговоры с могучим Тот-Амоном и будете моим послом к нему. Когда вы введете его в курс дела и заручитесь согласием, вы возвратитесь в Кордаву с ними и принцессой. Вопросы есть?

Так началось выполнение двойной миссии.

3. НОЖ ВО МРАКЕ

Небо на востоке побледнело. Буря кончилась. Рваные черные облака проносились по мрачному небу. Несколько тусклых звезд, загоревшихся на западе, иногда проглядывали через разрывы туч и отражались в грязных лужах на улицах Кордавы.

Зароно, хозяин клипера «Петрел» и тайный агент князя Кордавы, шел по мокрым улицам в отвратительном настроении. Его драка с могучим имперским корсаром не обрадовала его, не говоря уже о потерянном обеде. Задание, возложенное на него князем, еще больше расстроило его, и в довершение всего, глаза его слипались от недосыпания и невыносимого холода. Когда он обходил капающие карнизы и вытаскивал из луж край плаща, его губы кривились от кипевшей внутренней злобы. Он искал беспомощного прохожего, чтобы выместить свой гнев. Менкара тихо шел рядом.

Тщедушный маленький человечек, голые ноги которого виднелись из-под старой рясы, двигался по мокрой улице, стараясь ступать по булыжникам. Его сандалии скользили по влажным камням. Одной рукой он придерживал у тощей груди рваную накидку, а в другой держал горящий кусок просмоленной веревки, которая освещала путь.

Едва дыша, он бормотал молитвы Митре. Для него это был просто набор слов, набор бессмысленных звуков, мысли его были далеко. Так Минус, младший священник храма Митры, спешил по ветренным и мокрым улицам навстречу своей судьбе.

Минус встал до темноты, избежав встречи с начальством, покинул пределы храма и пошел по темной аллее. Он держал путь в порт на встречу с корсаром Конаном Киммерийцем.

Непредставительный человечек обладал трясущимся брюхом и слабыми ногами. Водяные глаза выдавались над огромным носом. Он был одет в поношенную рясу служителей Митры — ряса была грязная, с подозрительными бордовыми пятнами запретного вина. В молодые годы, когда на него еще снизошел свет Митры, Минус был одним из самых удачливых воров бриллиантов в пределах Хайбории. Именно тогда он и познакомился с Конаном. Небольшой любитель храмов, могучий корсар и сам когда-то был вором, и они долго были друзьями. Хотя Минус чувствовал, что его призвание священника было подлинным, ему никогда не удавалось укротить свои греховные аппетиты, которым он потворствовал в прежней жизни.

В хилой груди маленький священник прижимал документ, который Конан обещал купить. Корсару нужно было сокровище, а Минусу золото — в крайнем случае — серебро. Минус давно обладал документом. В былые дни, маленький человечек часто мечтал отправиться по начертанному пути за сокровищем, месторасположение которого он знал один.

Но с тех пор при нынешней его профессии казалось маловероятным, что ему удастся отправиться на поиски сокровища: так почему бы не продать карту?

Его мысли были полны розовыми видениями сладкого вина, горячего мяса и пухлых красоток, которых он надеялся получить на деньги Конана. Минус завернул за угол и наскочил на двух мужчин в темных плащах, отошедших в сторону, чтобы пропустить его. Пробормотав извинения, маленький священник поднял глаза на худого мужчину с откинутым капюшоном, и тогда в удивлении он забыл об осторожности.

— Менкара Сетит! — с изумлением вскричал он. — Ты здесь! Защитник Змея, как ты осмелился?

В праведном гневе возвысив голос, Минус стал звать стражу. Помня о задании, Зароно потянул спутника быстро уносить ноги, но стигиец вырвался и, сверкая глазами, прошипел:

— Маленькая свинья узнал меня! Быстро прикончи его или мы пропали!

Зароно колебался, но недолго, и выхватив тесак, ударил. Жизнь одного ничтожного священника не значила для него ничего: главное — не вдаваться в разъяснения со стражей.

Блеск стального лезвия в тусклом ночном свете пропал в одежде священника. Минус с воплем качнулся назад, задохнулся и упал на камни. Изо рта показалась кровь.

— Так будет со всем вашим племенем, — сказал стигиец, плюнув.

Нервно оглядываясь вокруг, Зароно поспешно вытер лезвие плащом лежащего и прорычал:

— Быстро сматываемся!

Но глаза стигийца заметили маленький выступ на груди Минуса. Он нагнулся и вынул из одежды священника маленький рулон пергамента. Двумя руками он развернул его.

— Что-то вроде морской карты, — пробормотал Менкара. — Мне кажется, подумав, я могу расшифровать…

— Позже, позже, — настаивал Зароно, — иначе нас поймает стража!

Менкара кивнул и спрятал свиток. Двое мужчин пропали в розовеющем тумане, оставив распростертого Минуса на камнях.

* * *

Выпив паршивого вина, не закончив с Зароно драку, и просидев в пустом ожидании несколько часов, Конан постепенно мрачнел. Теперь, беспокойный, как дикий кот, он бродил подымному залу таверны, почти касаясь головой потолка. Хотя раньше таверна Девяти Нарисованных Шпаг была переполнена, к этому времени оставалось только несколько посетителей, как например, трое пьяных моряков, развалившихся в углу. Из них двое пели песню без мелодии и ритма, а третий уснул.

Свеча-часы подсказала Конану, что рассвет близок. Минус опаздывал на несколько часов. Должно быть что-то помешало маленькому священнику, который никогда не опаздывал за своими деньгами. Говоря по-зингарски с варварским акцентом, Конан прорычал невозмутимому кабатчику:

— Сабран! Я пошел подышать свежим воздухом. Если меня спросят, я скоро вернусь.

Снаружи едва капал дождь. Облака рассеялись, и опять выглянула серебряная луна, освещая остаток ночи, но она почти пропала в лучах рассвета. Над землей поднимался туман.

С тяжелым сердцем Конан брел по влажной булыжной мостовой, собираясь обойти квартал, в котором находилась таверна. Про себя он ругал Минуса. Маленький святой мешок с отбросами заставил его упустить утренний бриз, который бы вынес «Вестрел» из Кордавского порта. Теперь придется брать буксир.

Тут Конан неожиданно остановился и замер без движения. Беспорядочная куча мокрой одежды на распростертых конечностях приковала его взгляд.

Он посмотрел направо и налево, ища на крышах, в дверях и аллеях следы притаившегося убийцы. Мягко откинув назад тяжелый плащ, он освободил меч в ножнах. В этом квартале старого города труп не был удивителен. Покосившиеся лачуги вдоль улиц служили прибежищем для воров, убийц и других человеческих отбросов. Но убийца часто прятался около своей жертвы и Конан давно уже выучился осторожности.

Тихо, как крадущийся леопард, Конан проскользнул в тени к неподвижной фигуре и осторожно перевернул его на спину. Свежая кровь тускло блестела в розовом свете восхода. Капюшон упал назад и обнажил лицо.

— Кром! — вскричал Конан, ибо это был экс-вор и священник Минус из Мессантии, которого так долго ждал Конан.

Конан быстро осмотрел тело. Карта, которую обещал Минус принести в таверну и продать ему, исчезла.

Поднявшись на ноги с мрачным бесстрастным лицом, Конан задумался. Кому выгодна смерть незначительного маленького священника с несколькими медяками в кармане? Только карта имела определенную ценность. Поскольку она пропала, то это наводит на мысль, что безвредный Минус был зарезан, должно быть, с этой целью, чтобы его убийца мог обладать этой картой.

Верхний край восходящего солнца окрасил в розовый цвет башни и коньки крыш древней Кордавы. В его свете взгляд Конана вспыхивал холодным голубым пламенем. И, сжав огромный кулак, гигант киммериец поклялся, что кто-то кровью заплатит за эту смерть.

Мягко подняв могучими руками маленькое тело, он поспешил назад в таверну. Ворвавшись в общий зал, он рявкнул кабатчику:

— Сабран! Комнату и хирурга, и живо!

Кабатчик знал, что когда Конан говорит таким тоном, он не любит проволочек, и поспешил проводить Конана с его ношей по лестнице на второй этаж.

Оставшиеся посетители проводили Конана удивленными взглядами. Они видели высокого мужчину, почти гиганта, невероятно крепко сложенного. Темное лицо в шрамах под широкой морской шляпой было чисто выбрито, и тяжелые солнечно-бронзовые черты были обрамлены квадратом нестриженых черных волос. Глубоко сидящие глаза под густыми черными бровями были голубые. Корсар нес тело в руках с такой легкостью, как будто это был ребенок.

Никого из команды Конана в таверне не было. Конан удостоверился в этом перед тем как назначить встречу, так как не хотел, чтобы весть о карте стала известна команде до того, как он будет готов сообщить об этом.

Сабран привел Конана в комнату, которую он держал для почетных гостей. Конан начал класть Минуса на кровать, но остановился, так как Сабран выдернул покрывало из-под тела.

— Никакой крови на мое лучшее покрывало! — сказал он.

— Дьявол побери твое лучшее покрывало, — прорычал Конан.

Пока Сабран снимал свое покрывало он осмотрел тело. Священник слабо дышал, пульс был неровный.

— По крайней мере, он жив, — пробормотал Конан. — Иди отсюда, человек, и принеси пиявок! И не стой здесь, как идиот!

Кабатчик тихо исчез. Конан обнажил тело и отыскал рану, из которой все еще сочилась кровь.

Вошел Сабран с зевающим врачом в ночном платье, с копной седых волос, выбивающихся из-под ночного колпака.

— Хороший доктор Кратос, — сказал кабатчик.

Врач снял повязку Конана, очистил рану и снова перевязал ее чистым бинтом.

— К счастью, — сказал он, — рана, кажется, не задела сердце и большую кровную артерию и лишь слегка повредила легкое. При хорошем уходе, он должен жить. Вы заплатите за него, капитан?

Конан согласно кивнул. Несколько капель вина частично вернули Минуса в сознание. Голосом тише шепота, он рассказал:

— Я столкнулся с двумя мужчинами… на улице… Один — Менкара, священник Сета… Я вскрикнул… Он сказал другому… убить меня…

— Кто был другой? — потребовал Конан.

— Он был весь закутан… шляпа и плащ… но мне кажется… корсар Зароно…

Конан нахмурился. Зароно! Этот насмешливый корсар, с которым он поссорился несколько

часов назад. Знал ли Зароно о его встрече с Минусом и напал ли на священника, чтобы овладеть картой? Все указывало на заговор с целью отнять секрет сокровища у Конана.

Он встал с лицом пылающим гневом.

— Вот, — громыхнул он.

Захватив в мешке полную горсть монет, он высыпал их в ладонь Кратоса. Другую горсть он протянул Сабрану…

— Вы, двое! Смотрите, чтобы с ним хорошо обращались, и он имел все самое лучшее, — сказал Конан. — Когда я вернусь, мы рассчитаемся точно и горе вам, если вы не будете стараться для него! Если он умрет, похороните его по полному ритуалу Митры. Теперь я ухожу…

Как демон он исчез из комнаты, скользнул вниз по лестнице и нырнул из дверей таверны. Он шел быстро, и тяжелый черный плащ задевал за высокие каблуки.

* * *

Когда вставшее солнце позолотило мачты и паруса кораблей, порт проснулся. Матросы сновали по снастям, офицеры отдавали команды через трубы, и скрипящие подъемные краны из дерева, приводящиеся в движение мускулами рабочих через блоки и лебедки, переносили балки с пристани на палубы.

Конан спустился прямо к кромке воды. В ответ на его вежливый вопрос, капитан портовой стражи сказал, что «Петрел» Зароно ушел час назад и давно исчез за косой, составляющей восточный край порта. Конан прорычал благодарность, вскочил на ноги и громыхнул по сходням своего корабля, под названием «Вестрел».

— Зентран! — заорал он.

— Да, капитан? — ответил помощник, руководивший погрузкой провизии в трюм. Зентран был маленький, круглый зингарец с длинными, загнутыми черными усами. Несмотря на свою комплекцию он двигался легко, как кот.

— Свистать всех наверх, проверить по списку, — приказал Конан. — Мы снимаемся как можно скорее!

Через несколько минут вся команда собралась на палубе. Большинство были урожденные зингарцы, но было немного других национальностей. Троих не было, за ними послали юнгу вытащить их из подвалов, где они могли проспать свою свободу. Остальная команда, подгоняемая Конаном, ускорила погрузку корабля.

Наконец, появились отсутствующие матросы, последний мешок был уложен, швартовы отданы. Восемь моряков сели за весла, чтобы вывести «Вестрел» в открытое море. Когда первый порыв морского бриза наполнил паруса, шлюп отошел в сторону и был привязан к кораблю.

Теперь с полными парусами «Вестрел» мчался по ветру. Белый пенистый след тянулся за кормой. Он мягко и ритмично покачивался на морской зыби, и крики чаек смешивались с плеском волн за бортом, со скрипом балок и снастей, и свистом ветра в парусах.

Конан стоял на мостике и, склонившись на перила, задумчиво разглядывал видневшийся на горизонте край мачты. Определив курс, назначенный Конаном и организовав дежурство, Зентран поднялся на мостик и встал рядом с Конаном.

— Итак, мой капитан, — начал он, — куда мы теперь?

— Ты знаешь черный «Петрел» Зароно? — спросил Конан.

— Эту здоровую посудину, которая вышла в море за час до того, как вы пришли на корабль? Ну, да, знаю. Говорят, что Зароно искусный мореход, но жестокий человек с черным сердцем. Он вращался среди благородных, но они отбросили его: говорят, что сделал что-то такое, чего даже

высокородные негодяи не могли стерпеть… Так он стал корсаром. У вас неприятности с капитаном Зароно? С ним трудно иметь дело.

— Я расскажу, если не будешь трещать, — Конан рассказал Зентрану коротко о Минусе, карте и Зароно. — Таким образом, если я поймаю его в открытом море, он у меня узнает вкус стали. Если «Петрел» и больше, то «Вестрел» быстрее, и лучше держит ветер.

— О, конечно, мы поймаем его, — сказал Зентран, воинственно крутя ус, — и я не сомневаюсь, что лично смогу зарубить шесть или семь бандитов Зароно. Но, капитан, не лучше ли незаметно следовать за ним, чтобы он привел нас к сокровищу?

Конан повернулся к помощнику, и горящими глазами посмотрел на него. Наконец, он улыбнулся и потрепал маленького человечка по плечу.

— Клянусь Кромом и Маннанаком, малый, — заорал он, — ты стоишь своих денег.

Он взглянул наверх, где несколько моряков, стоя на рее длиной почти в два ярда, ждали команды поднять марсель.

— Эй, вы! — крикнул он. — Оставьте это и обратно на палубу! — Он повернулся к Зентрану. — Мы не будем поднимать наш марсель, иначе бы Зароно увидел его, а мы можем плыть без него так же быстро, как и с ним. Кто здесь впередсмотрящий?

— Риего из Джериды.

— Пусть он. Посадите его на верхушку мачты и пусть он нам скажет, что видит.

Через минуту Риего уже стоял в корзине наверху, всматриваясь в юго-восток. Он крикнул вниз:

— Карак, дьявольски далеко, капитан. Я вижу его марсель, а когда волна поднимает его, виден черный корпус.

— Это «Петрел», — сказал Конан. — Так держать, рулевой. — Повернувшись к Зентрану, крутившему свои гигантские усы, он сказал — Днем мы будем держаться подальше, а ночью подплывем так, чтобы были видны огни. Если повезет, он нас даже не заметит!

Конан сурово улыбнулся, в его глазах светилось удовольствие. Он глубоко вздохнул. Это была жизнь: палуба, ноющая под ногами, полсотни суровых головорезов под твоей командой; море, чтобы плыть; битва, чтобы драться — и дикое, кровавое приключение впереди!

На всех парусах, но со спущенным марселем, «Вестрел» шел на юго-восток по следу «Петрела», слепящее солнце пылало в голубом небе и дельфины кувыркались в воздухе и падали обратно в море.

4. ГИБЕЛЬ «КОРОЛЕВЫ МОРЯ»

Каравелла «Королева моря», служившая королевской яхтой, прошла между берегом Зингары и Бараканскими островами. Этот архипелаг был известным пиратским гнездом — в основном аргоссцев — но, к счастью, в то время корсаров там не было. Корабль пересек границу Зингары и Аргоса.

Аргосский берег тянулся к востоку. Следуя приказам Чабелы, капитан Капеллез шел левым бортом, не придерживаясь береговых изгибов. Поэтому аргосский берег был далеко позади, и едва был виден с верхушки мачты.

Для такого курса было две причины: во-первых, необходимо было достичь побережья Схема около Когалупа как можно быстрее, во-вторых, необходимо было избежать встречи с аргосскими пиратами и корсарами.

С утра, однако, был замечен огромный черный карак. К полудню он подошел так близко, что удалось прочесть его название.

— Бояться нечего, госпожа, — сказал капитан Капеллез. — Приближающийся корабль всего лишь один из находящихся на службе Вашего Высочества. Это «Петрел» под командованием капитана Зароно.

Однако Чабела не была удовлетворена. Было что-то странное в постепенно приближающемся корабле, в его огромном черном корпусе. Конечно, это могло быть случайностью, что другой корабль следует тем же курсом.

Имя Зароно ее также не успокоило. Она едва знала его как приближенного, но сталкивалась с темными слухами о нем. Одна из ее подруг, леди Эстреллада, рассказала Чабеле, что Зароно околдован ее, Чабелы, чарами. Но принцесса не придала этому значения, потому что бесчисленное количество придворных кавалеров, как это всегда бывает, было околдовано принцессой. Всегда была возможность что тот или другой станет королевским приемником…

Теперь подозрения ее возросли. Уже третий день, как «Королева моря» покинула Кордавский порт, и слухи об ее исчезновении уже стали, должно быть, широко известны. Во дворце, очевидно, смятение.

Вероятно, отсутствие королевской яхты на обычной стоянке выдало способ бегства Чабелы. Поскольку было невероятным, чтобы она направилась к северу, к диким берегам Питленда, или на запад по безбрежным просторам неисследованного океана, было ясно, что она направилась к юго-востоку вдоль побережья континента. Там были Аргос, города-государства Шема и черное королевство Стигии.

Шум вокруг ее исчезновения, думала она, мог даже вывести короля Федруго из летаргии, в которую он был погружен. Он мог приказать Зароно возвратить его бежавшую дочь домой.

Чабела пробормотала благодарность капитану и отошла. Беспокойно пройдя по палубе, она оперлась о перила, украшенные дельфинами и фигурами богов с трезубцами. Как загипнотизированная, смотрела она на приближающийся корабль.

Разрезая форштевнем волны, «Петрел» подходил все ближе. Таким образом, подумала она, через полчаса он перехватит ветер и заставит маленькую яхту лечь в дрейф.

Чабела прекрасно разбиралась в кораблестроении. В отличии от отца, который не любил море и близко не подходил к «Королеве моря», она с малых лет была моряком. Только в последние годы, когда она простилась с детством, отцовский указ запретил ей делать морскую работу и висеть на снастях.

Принцесса вздрогнула, но заставила себя успокоиться. До сих пор другой корабль не

спешил, и в его действиях не было ничего угрожающего. Зингарский корсар, будучи в своем уме, вряд ли осмелится атаковать яхту короля Зингары.

И тут тень легла на освещенную солнцем палубу. И странно — тень эта была темно-зеленая: таинственно мерцающий чисто изумрудный покров.

Принцесса подняла голову, но не смогла найти причину появления туманности, покрывшей «Королеву моря», как плотный, но неосязаемый дым. Лица команды побледнели, глаза широко раскрылись от страха.

Началось нечто ужасное: щупальца зеленого мрака обвились вокруг ближайшего матроса, кричавшего от страха. Как извивающиеся конечности морского чудовища, темные щупальца прошли в него. Девушка поймала дикий взгляд на его бледном лице, искаженном от страха, увидела его дрожащие конечности. Казалось, что зеленые спирали проникли в его тело и растворились. Могучий матрос окаменел, его кожа и одежда покрылись зеленым налетом. Он стал похож на нефритовую статую. Чабела воззвала к Митре. Корабль стал массой кричащих, извивающихся людей, в безумии борющихся с извивающимися кольцами изумрудного тумана, которые обвивали их и проникали сквозь кожу, превращая людей в неподвижные зеленые фигуры.

Вокруг принцессы обвились зеленые плети. Ее кожа похолодела от страха, когда она почувствовала прикосновение неосязаемой материи. После прикосновения, волна парализующей дрожи прошла по ее телу. Когда спирали проникли в нее, холодная темнота спустилась на ее мысли и больше она ничего не помнила.

На палубе «Петрела» Зароно с болезненным ужасом наблюдал, как стигиец творит магию. Неподвижный, как пыльная мумия, маг сидел на корточках перед аппаратом, который он собрал, когда карак приблизился к «Королеве моря». Он состоял из маленького конического кристалла светло-серого цвета, венчавшего низкий алтарь черного дерева. Алтарь казался очень древним. Когда-то он был искусно украшен, теперь же от украшений почти не осталось и следа. А оставшиеся представляли собой маленьких обнаженных человечков, убегающих от огромного змея. Глаза змея прежде были двумя опалами, один выпал из гнезда и потерялся.

В ответ на тихие заклинания Менкара, кристаллический конус вспыхнул призрачным светом. Вокруг него образовался нимб пульсирующего изумрудного сияния, осветивший резкие черты мага, его лицо от этого стало еще больше походить на череп.

Когда нимб зеленого цвета пульсировал достаточно сильно, маг поставил перед лицом зеркало из черного металла, в оправе из сплетенных чудовищ. С возрастающим ужасом смотрел Зароно, как изумрудное сияние, казалось, растекалось по поверхности зеркала, а затем отразилось на далекой палубе «Королевы моря». Слабое на солнце, зеленое свечение было, однако, четко различным, и зеленый луч как бы связал оба корабля. Что-то происходило на каравелле, хотя Зароно из-за далекого расстояния не мог рассмотреть что именно.

Потеряв управление, «Королева моря» сбилась с курса и легла в дрейф с пустыми парусами. Зароно сбоку подвел свой карак. Стигиец вышел из состояния транса и мрачно стоял у перил. Его темные черты были цвета темного полотна и холодный пот был на его бесстрастном лице.

— Я выдохся, — вздохнул Менкара. — Это колдовство доводит мага до предела. И все же, это не великая магия, с ней легко бороться, если знаешь как… Но вот те дурачки, слишком мало думают о таких вещах. Идите, они совершенно безвредны для вас в течение часа.

— Они что, мертвы?

— Нет, просто приостановлена жизнедеятельность. Помогите мне дойти до каюты.

Зароно довел мага до каюты. Боцман принес алтарь с конусом.

Закрыв дверь каюты с магом, Зароно кружевным платком вытер лоб. Колдовство было великолепным, но это было страшное оружие. Он, Черный Зароно, куда больше любил звон шпаг,

свист стрел и копий, удары ядер катапульты, треск бронзового тарана, входящего в борт корабля. За свою жизнь он совершил немало злодейств, но, по крайней мере, это были обычные человеческие грехи, не то что эти, связи с темной и, возможно, неуправляемой силой неземного происхождения.

— Эриандо! — крикнул он коку. — Две бутылки вина, и самого крепкого, какое у нас есть в трюме!

Так была захвачена и вскоре погибла «Королева моря». Матросы с «Петрела» перешли к ней на палубу, взяли застывшую фигуру девушки и перенесли ее на капитанский мостик к Зароно. Другие обмотали мачты грудами тряпья и облили нефтью. После того, как все вернулись на «Петрел», он быстро отчалил.

Когда расстояние между судами стало безопасным, отряд лучников зажег стрелы и пустили их в «Королеву моря». Через несколько минут вспыхнули груды тряпья. Один за другим с треском вспыхивали паруса, и черные лохмотья разлетались в стороны. Пламя охватило корабль, похоронив живые, но неподвижные фигуры.

«Петрел» подняв паруса, пошел в сторону побережья Шема, оставив позади себя пылающие обломки.

* * *

Со смотровой площадки своего карака, Конан наблюдал дымный гриб, отметивший гибель «Королевы моря» и шептал молитву суровому киммерийскому богу Крому. «Вестрел» лежал за горизонтом к северо-западу, невидимый с палубы «Петрела»— хотя, если бы кому-нибудь из команды Зароно пришло в голову рассмотреть море в том направлении с верхушки мачты, он мог бы заметить верхушки мачты «Вестрела», когда тот поднимался на волне.

Со своего поста Конан видел катастрофу королевской яхты. Зачем Зароно остановился, чтобы уничтожить корабль своей страны, Конан и не мог даже представить. За этим, думал он, должно быть нечто большее, чем похищение карты сокровищ и стремление пресечь ползущие слухи. Но могучий Конан давно научился откладывать в сторону вопросы, на которые не находил ответов, пока дальнейшая информация не проливала на них свет, и не ломать впустую голову над ними.

Кто бы не были неизвестные жертвы на каравелле, он отомстит за них, когда придет время свести его собственные счеты с Зароно. Возможно, ему скоро представится такой случай.

5. БЕЗЫМЯННЫЙ ОСТРОВ

Закат сменил облачный небесный покров на роскошно пылающую звезду. Разрезая черными бортами пенившие волны, вспыхивающие алыми отблесками, «Петрел» свободно мчался на юго-запад, подгоняемый западным ветром. Далеко позади него и невидимый с его палубы, следовал за ним «Вестрел», стараясь держаться на таком расстоянии, чтобы не быть замеченным и на закате под тихими звездами.

В каюте капитана на огромном стуле с серебряной спинкой, украшенной необработанными рубинами, развалился Зароно. Букет крепкого шемитского вина наполнял обшитую деревянными панелями каюту. Качающаяся лампа, висевшая на цепях наверху, освещала колеблющимся светом приколотые к стенкам между стоек жухлые пергаменты. Лучи искрились на алмазных рукоятках шпаг и тесаков, которые тоже служили украшением стен.

Бледные черты Зароно были мрачны, холодные черные глаза закрыты. На нем была свободная рубашка с широкими рукавами из белого шелка, с кружевами на груди и запястьях. Его густые черные волосы были в беспорядке, и он был мертвецки пьян.

Когда в его дверь легко постучали, он пробормотал проклятье и слабым голосом разрешил войти. Вошел Менкара со свернутой картой в руке. Тощий маг окинул взглядом распластанную фигуру корсара с явным неодобрением.

— Еще колдовство? — пробормотал Зароно и кивнул. — Неужели ты никогда не оставишь простого смертного наслаждаться вином без того, чтобы не влезть своей постной рожей в его мысли? Ну, ладно, говори зачем пришел.

Не обращая внимания на этот взрыв пьяной злобы, Менкара развернул карту на столе перед Зароно и показал костлявым пальцем на линии шифрованного письма, которыми начертана загадочная карта.

— Я размышлял над картой этого священника Митры с тех пор, как мы ее получили, — сказал стигиец с неожиданным для его тихого и невыразительного голоса напряжением. — Береговая линия, показанная здесь, очевидно, Южная Стигия. Хотя язык мне незнаком, оказалось, что некоторые слова мучительно знакомы. Я напряг весь мой ум, расшифровывая надпись, в то время, как вы сидите здесь, напившись, как кретин.

Зароно вспыхнул и стал подниматься, держась рукой за эфес шпаги, но Менкара поднял руку и остановил его.

— Владей своими собственными чувствами, человек. Дело чрезвычайной важности. Слушай же, с помощью магии я изучил сравнительные языки, и я знаю, что древний Валусианский язык, подобно древним стигийскому и ахеронскому языкам, основывался на алфавите, каждый знак которого определял звук. Поскольку определенные части карты показывают страны, которые мы знаем как Шем и Стигию с городами Аскалун и Кхеми, мне удалось определить значения некоторых букв в надписи, где они, как можно догадаться, означают названия и этих мест. Другие надписи являются названиями таких исчезнувших городов, как Кампула и Пифон.

Музыка этих дьявольски-призрачных названий привела Зароно в трепет. Нахмурившись, он наклонился вперед, чтобы лучше слышать.

— Таким образом, — продолжал Менкара, — освоившись с этим древним языком через символы, представляющие известные названия, мне удалось, наконец, расшифровать надпись возле этого острова, которого я раньше никогда не видел на карте.

Зароно вгляделся в точку на карте, отмеченную тощим пальцем Менкара.

— Мне он тоже неизвестен. Умоляю, продолжай.

— Я расшифровал, — продолжал Менкара, — надпись вокруг этого острова, как что-то вроде Сио Джина-кисуа. Это слово взято из древнего стигийского языка сиудхина, или, по крайней мере, близко к нему. А сиудхина может быть переведена на зингарский как «то, что не имеет названия».

Черные беспокойные глаза Зароно сверкнули на его похожем на страшную маску лице.

— Безымянный остров, — прошептал он.

— Да, — прошипел Менкара с холодным удовлетворением в змеином взгляде. — Мы можем быть уверены, что «кисуа» означает остров, потому что такое же слово написано еще рядом с несколькими островами на карте. — Он указал еще на несколько точек. — Я полагаю, что пираты, вероятно, слышали легенды об этом призрачном Безымянном острове: о том, что это остаток древней Валусии, и сохранившиеся руины свидетельствуют о могуществе пралюдей — человеко-змей.

— Я только знаю, что морские легенды рассказывают об острове без названия, где лежат величайшие сокровища, собранные когда-либо в одном месте, — сказал Зароно.

— Это правда, — сказал Менкара, — но есть нечто иное, о чем вы не можете знать. Успокойтесь, там достаточно обычных сокровищ. Но, кроме груд золота и камней, там, говорят, лежит величайшее магическое сокровище — точная копия «Книги Скелоса».

— Мне не нужна проклятая книга, а лишь чистое золото.

— Эге, тут надо подумать, — тонко усмехнулся Менкара. — Наша задача уговорить величайшего мага Земли помочь нашему господину Виллагро воцариться в Зингаре. Он несомненно был бы обрадован, увидев культ Сета возрожденным, а Митры — поверженным. Мы, однако, можем завоевать его расположение и заручиться его поддержкой, подарив ему такое сокровище магии, как «Книгу Скелоса». Это преступление против священной науки магии, что такой могучий источник древнего искусства лежит неиспользованный. Считается, что существует не более трех копий этой книги: одна в глубоких подвалах королевской библиотеки Аквилонии в Тарантии, одна в тайном храме в Вендии, а третья здесь, — он ткнул пальцем в карту.

— Почему же тогда, если эта проклятая книга так ценна, никто не забрал ее с Безымянного острова? — спросил Зароно.

— Потому, что пока я не увидел карту, ни я и никто другой из искавших этот остров, не могли точно определить его местоположение. Как вы видите, он лежит вдалеке от берегов черной земли островов, известных нам. Вокруг него в радиусе сто лиг нет никакой земли, мимо него не проходят морские пути, связывающие порты цивилизованных государств. Мореплаватель, который ищет его наугад в безбрежных просторах, может вечно бороздить море так и не найдя остров — по крайней мере, пока не погибнет без воды, пищи и от лишений.

— Далее, вы знаете, что моряки — народ суеверный, их фантазия населила южные моря смертельными рифами и чудовищами — людоедами. Не случайно, что о Безымянном острове давно забыли.

— Будь у нас даже волшебные крылья, потребовалось бы несколько дней, чтобы достичь его отсюда, — пробормотал Зароно, сжимая пальцами подбородок.

— А что нас удерживает? Девушка в безопасности, и несколько дней не играют роли. С «Книгой Скелоса» в руках у нас определенно больше шансов привлечь Тот-Амона на нашу сторону. Да и вряд ли золото оставит вас равнодушным. — Искры фанатизма вспыхнули в обычно бесстрастных глазах Менкара.

Зароно почесал подбородок. Хотя магия его мало касалась, было бы неплохо заполучить могучего властителя магов для князя Виллагро, для этого надо сделать все возможное. И,

заполучи он сокровища Безымянного острова в свои руки, почему бы не только богатству, но и высокому положению, привилегиям и уважению не возвратиться к нему снова.

Решительно вспыхнули его темные глаза. Он вскочил на ноги и, распахнув дверь, крикнул: «Ванчо!»

— Здесь, капитан! — откликнулся помощник.

— Курс на юг, пока только Полярная Звезда не останется на горизонте!

— В открытый океан, сэр? — недоверчиво переспросил Ванчо.

— Я не люблю повторять, черт возьми! На юг!

Завертелись блоки и заскрипели канаты, когда «Петрел» повернулся, чтобы поймать новый поток ветра, и вот корпус судна уже разрезал волны, вспыхивающего звездами моря в новом направлении.

Менкара вернулся в каюту изучать карту. Он горел страстным желанием заполучить новое древнее и опасное знание. С книгой Скелоса Тот-Амон мог стать всемогущим. Помочь Виллагро взойти на трон было бы пустяком: великий стигийский волшебник мог управлять всей мировой империей, и когда сыны Сета завоюют все страны, почему не взойти звезде священника Менкара, благодаря которому все это стало возможным.

Конан задумчиво следил за движущимися огнями «Петрела», когда карак изменил курс с юго-востока на юг. Он ничего не знал о присутствии Чабелы на борту «Петрела», о решении Зароно, о надежде Менкара. Он только знал — или думал, что знал, что Зароно похитил карту у Минуса и плыл к безымянному острову за сокровищами. Причины изменения курса он не мог даже предположить.

Конан соскользнул с мачты на палубу с ловкостью обезьяны.

— Зентран!

— Да, капитан?

— Шесть румбов на правый борт! Галс по правому борту, штурвал вниз, ослабить качку… штурвал вверх, так держать!

* * *

Конан молча стоял на капитанском мостике, в то время как «Вестрел» изменил курс. Оставив берег континента, у них кроме Полярной Звезды не было другой возможности узнать свое местоположение. В ясные ночи она указывала им, как далеко они продвинулись в южном направлении. Зароно лучше знал куда плыть. Если он заблудится в однообразных просторах океана, то «Вестрел» ждет такая же участь.

Насколько Конан знал, темно сверкающий водный путь перед ним, вел прямо на край света. Что лежит за ним, он даже не мог себе вообразить. О сказочных островах, чужих континентах, неизвестных народах и безжалостных чудовищах рассказывали старые легенды.

Легенды могли быть правдивы. Меньше, чем год, прошел с тех пор как он, на том же самом «Вестреле» с прежним капитаном, мрачным Занораво и с ним, причалили к неизвестному острову на западе, где Занораво и несколько зингарцев из команды нашли свою смерть. В жизни Конана мало было вещей более непонятных и зловещих, чем Черный Омут и его ужасные обитатели. Сейчас, он это отлично знал, на его пути могут встретиться гораздо более смертельные случаи.

Он глубоко вздохнул и порывисто улыбнулся. Кром! Человек умирает однажды, и что пользы думать над воображаемыми опасностями? Когда страх придет, надо сражаться с ним с клинком в руке и яростью в сердце. Он еще поборется с судьбой на Безымянном острове на краю света.

6. НА КРАЮ СВЕТА

Всю ночь плыли два карака по теплым южным водам. С рассветом «Вестрел», как обычно, поднял паруса, чтобы отплыть назад, так, чтобы не быть замеченным с «Петрела» при свете дня. С приходом ночи, если они еще не достигнут Безымянного острова, они наверстают упущенное, поскольку легкий корпус и изогнутые борта давали преимущество в скорости перед более тяжелым и неповоротливым «Петрелом».

Постепенно вершины мачт «Петрела» пропали среди бесконечных сине-зеленых волн. Летучие рыбы выскакивали из воды и, описав полудугу, падали обратно в море. С того момента, как было взято новое южное направление, с карака не видели ни одного судна.

Неожиданно на ясном небе появилось скопление облаков. «Петрел» лег на правый борт и через несколько часов на горизонте показался остров, скрытый под грудой облаков.

С носа «Петрела» Зароно задумчиво рассматривал неизвестный остров. Он выглядел достаточно безопасно: песчаный берег, высокие красивые пальмы с изумрудными верхушками. Что было за стеной пальмового леса никто сказать не мог.

Менкара, набросив черный плащ на узкие плечи, подошел к Зароно.

— Это тот самый остров, — невыразительно сказал он.

Засмеявшись, Зароно показал белые зубы.

— Ага, священник, так это он! Теперь о сокровище, как оно охраняется? Приведения, демоны или просто два дракона? И я рассчитываю, что твоя сверхъестественная сила защитит нас от неприятностей, пока мы очистим гробницу или подземелье, или что-то другое. Ванчо! Подведи судно ближе к берегу, если там достаточно глубоко…

Четверть часа спустя, Зароно скомандовал:

— Свистать всех наверх! Спустить все паруса! Ванчо, спустить шлюпку и собрать отряд для высадки людей — смелых и хорошо вооруженных.

Мгновенно была опущена шлюпка, и десять зингарцев, увешанных оружием, соскочили по канатам в шлюпку и заняли места за веслами. Они отчалили от «Петрела» и поплыли к берегу. Когда нос шлюпки ткнулся в песок, они выскочили в воду и вытянули ее на берег. По команде боцмана они рассыпались по берегу, обнажив шпаги и держа арбалеты наизготовку, воинственно глядя на пальмы. Небольшая группа исчезла в лесу, но тут же появилась, давая на борт корабля сигнал «все спокойно».

— Остальные шлюпки на воду, — сказал Зароно.

Вместе с Менкара и еще восемью матросами он занял место в шлюпке. Ванчо остался на борту «Петрела».

Вторая шлюпка достигла берега без приключений. Зароно собрал людей. Через несколько минут он, Менкара и большой отряд матросов исчезли за деревьями. Три корсара остались охранять шлюпки: тощий остроносый шемит, чернокожий гигант из Кула и лысый краснолицый зингарец.

С верхушки мачты Конан наблюдал все это с интересом все более обострявшимся.

Его судно держалось сразу же за горизонтом с поднятым бушпритом, тяжело переваливаясь на океанских волнах.

Некоторое время отряд Зароно шел по плотной тропической почве. Тишину нарушали шаги и тяжелое дыхание идущих, чавкающий звук широких кортиков и тесаков, разрубающих сплетение лиан, и шум листьев, остающихся позади джунглей.

Воздух был горяч и влажен. Пот сверкал на мускулистых руках, могучих плечах, заливал

глаза. Запах гниющих растений смешивался с ароматом экзотических растений — цветов, сверкавших золотом, пурпуром и белизной на фоне темно-зеленого леса.

Тут Зароно стал беспокоить другой запах. С гримасой отвращения он поднес к лицу блестящий шарик, в котором виднелись вкрапления цитрона и пинамона. Но даже душистый шарик не мог перебить запах змей. Это не могло не вызвать его недоумения. За всю свою карьеру пирата он посетил множество океанских островов, и ни один из них не был прибежищем змей.

Было душно: тесно растущие пальмы, оплетенные цветущими лианами, не пропускали морского бриза. Взмокший от пота, Зароно внимательно смотрел вперед.

— Кроме скопления проклятых змей, я не вижу опасности на этом острове, — сказал он Менкара.

— Вы что, действительно ничего не заметили? — слабо улыбнулся маг.

— Кроме змей и жары ничего, — пожал плечами Зароно. — Я ожидал сверхъестественных ужасов, и я разочарован. Никаких приведений и призраков — нет даже бормочущих мертвецов, вылезающих из могил. Ха!

— Как грубы твои чувства, северянин! — задумчиво и холодно посмотрел на него Менкара. — Неужели ты даже не слышишь этой тишины?

— Хм… — сказал Зароно. — Что ты хочешь сказать этим…

Зароно похолодел. В самом деле, джунгли были удивительно безмолвны. Никто не ожидал найти на маленьком острове больших зверей, но ведь должно же быть слышно пение птиц, шорох пробегающих ящериц и ползущих крабов, шум листьев качающихся пальм. Не было слышно ни звука, как если бы джунгли задержали дыхание и смотрели невидимыми глазами.

Зароно выругался, но тут же собрался с мыслями. Занятые прокладкой пути через заросли, люди еще ничего не заметили. Зароно сделал знак Менкара держать язык за зубами и пошел за отрядом. Но чувство, что за ними наблюдают, не прошло.

К полудню корсары достигли цели. К своему удивлению, пробившись через плотные заросли, они оказались на открытом месте. Джунгли окончились неожиданно, как будто боялись пересечь невидимую границу. За этим барьером почва была ровная и песчаная, поросшая жалкими кустиками чахлой, бледной и бесцветной травы. Менкара и Зароно обменялись многозначительными взглядами.

В центре этой мертвой зоны возвышалось таинственное строение, от которого они пришли в восхищение. Зароно не мог угадать его назначение: оно с одинаковым успехом могло быть и гробницей, и храмом, и хранилищем. Это было тяжелое квадратное здание из грубого, необработанного камня, которое, казалось, поглощало весь падавший на него свет, так что его контуры были едва различимы.

Строение было грубой кубической формы, но его поверхность была не просто квадратная, а состояла из множества плоскостей и изгибов неправильной формы, ориентированных в самых разных направлениях. В них не было симметрии. Все было так, как если бы каждую часть проектировал свой архитектор, или здание было составлено из обломков других построек, собранных наугад в разное время и в разных странах.

Черный храм — если это был храм — высился перед ними в призрачном свете. Зароно почувствовал ледяное прикосновение ужаса, не испытанное никогда прежде. Атмосфера страха, излучаемая черным строением, охватила даже этого головореза со стальными нервами. Мигая, он смотрел на него, стараясь отыскать источник этого ужаса, который сдавил ему грудь, сжал сердце.

В храме было что-то неправильное. Такого стиля он не встречал нигде никогда за свои долгие странствия. Даже призрачные гробницы Стигии не были такими чужими, как этот блок черных камней. Казалось, что строители следовали некой нечеловеческой геометрии — некоему

неземному канону в пропорциях и проекте.

Серое лицо Менкара было покрыто каплями пота. Он прошептал как бы про себя:

— Все так, как я и думал. Здесь справляли ритуал З'Фоума. — Он содрогнулся. — Я не слышал, чтобы этот темный культ возвращался бы за последние три тысячи лет…

— Что ты там бормочешь, желтая собака, — заорал Зароно, разозлившись от страха.

Стигиец посмотрел на него широко открытыми глазами.

— Защитное заклинание, — прошептал он. — Большой силы. Если бы какой-нибудь глупец вздумал войти в пределы храма без контрзаклинания, его присутствие разбудило бы то, что спит внутри.

— Ну? Ты знаешь такое контрзаклинание?

— Слава отцу Сету, знаю. Мало известно о пралюдях, змее-человеках Галусии. Но из этого малого, что мне известно, я могу составить контрзаклинание, хотя я не могу сделать действие его долгим.

— Достаточно долгим, чтобы очистить эту гробницу, я надеюсь, — сказал Зароно. — Сделай все, что можешь.

— Тогда идите в лес, вы и ваши люди, и отвернитесь от меня, — сказал Менкара.

Зароно увел своих корсаров обратно в лес, где они стали в кучу, спинами к открытому пространству. Они слышали, как голос Менкара произносил слова на неизвестном языке. Что он делал еще, он не знали. Но свет, проникающий сквозь листву, мигал, как бы закрываемый тенью. Голос мага казался эхом других нечеловеческих голосов, которые говорили сухим, скрипящим тоном, как будто их гортань не была приспособлена для человеческой речи. Земля слегка дрожала и свет слабел, как будто облако закрывало солнце…

Наконец Менкара слабым голосом сказал:

— Идите!

Зароно нашел, что стигиец выглядит постаревшим и усталым.

— Спешите, — пробормотал он. — Контрзаклинание действует не долго.

Бледный и в поту Зароно и Менкара пошли в храм. Внутри было мало света, и лишь немного проникало через открытые порталы, и черные грубые камни поглощали этот свет без отражения.

В дальнем конце комнаты неправильной формы возвышался огромный черный алтарь, и на его вершине стоял идол из серого камня. В идоле сочетались черты человека и жабы, с ясно подчеркнутыми мужскими чертами. Жабоподобный, с мерзкой бородавчатой кожей, восседал он на вершине алтаря. Поверхность серого камня была грубой и шершавой на ощупь, как будто камень гнил и облезал.

Беззубый рот идола был слегка раскрыт в бессмысленной улыбке. Надо ртом — пара отверстий соответствовала ноздрям, и над ними семь круглых камешков, вставленных в ряд, соответствовали глазам. Семь камней слабо отражали свет, падающий с портала.

Содрогнувшись от космического ужаса, излучаемого идолом, Зароно отвел глаза. Перед алтарем лежали две небольшие сумки, из старой кожи. Одна была разорвана сбоку, и сверкающий поток камней вытек из нее, бросая роскошные отблески на каменные стены, сверкая в полумраке, как проглянувшее через покров облаков созвездие.

Под сумками с алмазами лежала огромная книга, с переплетом из шкуры рептилии и бронзовыми застежками, позеленевшими от старости. Размеры рептилии, кожа которой служила переплетом, были таковы, что на земле у нее не нашлось врагов. Два человека молча обменялись торжествующими взглядами. Зароно осторожно, чтобы не просыпалось ни одного камня, поднял разорванную сумку. Менкара склонился над книгой, поднял ее и прижал к сердцу. Его костлявое лицо пылало, и в глазах было выражение странного, дикого экстаза. Не произнеся ни слова и не обернувшись назад, они выскочили из храма, пересекли открытое место и присоединились к

корсарам, в страхе ожидавшим их на краю джунглей.

— Обратно на корабль, и как можно скорее, — сказал Зароно.

Все поспешили назад по прорубленной ранее просеке, с радостью оставив позади хранилище древнего ужаса, в котором еще теплились злые силы, и стремясь вдохнуть теплого воздуха сверкающего на солнце моря.

7. ПЫЛАЮЩИЕ ГЛАЗА

После перенесенных ужаса и гнева, принцесса Чабела относительно успокоилась. Она не знала, почему вассал Зароно выступил против своего повелителя и уничтожил королевскую яхту, и зачем корсар взял ее в плен. Но она больше не была парализована страхом, поскольку, по крайней мере, ее руки были свободны.

Зароно запер ее в маленькой каюте, связав ее руки за спиной шелковым платком. Прозрачный алый шелк, казалось, совсем не подходил для этой цели, но Зароно научился у странствующего вендийского менялы вязать такие узлы, которые не поддавались и самым ловким пальцам, а алая ткань, при своей легкости оказалась прочной как пенька. В обеденное время Зароно сам пришел в каюту и развязал ей руки, но потом снова связал. Он отказался отвечать на ее вопросы.

Чабела, однако, носила за поясом маленький ножичек. У высокородных зингарских женщин был обычай носить при себе такие лезвия, чтобы покончить с собой, если не удастся спасти свою честь.

Находчивая девушка нашла своему ножичку другое применение. Приложив немало усилий, ей удалось достать нож из-за пояса. Она вставила его ручку в щель между иллюминатором и подоконником. Она обнажила лезвие и, встав спиной к ножу, прижала запястье к лезвию.

Задача была нелегкой, поскольку она не могла видеть за спиной на таком близком расстоянии, и время от времени она ощущала болезненное прикосновение острой стали. И до того, как она разрезала шелк, ее запястья были скользкими от крови. Но наконец руки освободились.

Чабела вынула нож, вложила его в ножны и спрятала за пояс. Двумя кусочками шелка она перевязала маленькие, кровоточащие порезы на запястьях.

Как теперь ей воспользоваться полученной свободой? Услышав последние команды, она догадалась, что Зароно покинул судно. На борту осталось всего лишь несколько человек, но Чабела знала, что у двери ее каюты поставлен суровый часовой, так что в любом случае этот выход был бесполезен.

Оставался иллюминатор, в котором виднелось спокойное море, кремового цвета побережье и несколько пальм, вознесших изумрудные вершины к ясному небу.

На свое счастье Чабела была значительно сильнее, храбрее и мужественнее, чем большинство благородных дам Зингарского дворца. Многим из них и в голову бы не пришло, что сделала через минуту Чабела.

Она открыла иллюминатор и завернула платье за пояс выше колен. Внизу, на расстоянии в несколько морских саженей лениво колыхалась волна.

Чабела спокойно вылезла в иллюминатор, повисла на руках и упала в воду, почти беззвучно, быстро вынырнула, отфыркиваясь и убирая с лица тяжелые черные волосы. Вода была довольно теплая, однако, холоднее горячего воздуха, и она сначала почувствовала себя неуютно. От соленой воды заболели порезы.

Но у Чабелы не было времени наслаждаться морской прохладой. В любую минуту праздно шатающийся по палубе матрос мог заметить ее и поднять тревогу. Над нею с высокого борта корабля блестели иллюминаторы. Выше, над перилами, виднелись мачты и оснастка, слегка качаемые ветром.

Где-то на палубе должен был находиться часовой, но в этот момент у перил никого не было. Если она будет плыть от кормы, то у часового будет меньше шансов заметить ее.

Она плыла долго. Чтобы не быть замеченной, она держалась на спине, держа над водой только лицо. Она плыла параллельно берегу, так чтобы корма заслоняла ее от остального судна. Устав, она отдыхала на воде, слегка двигая руками.

Наконец, корпус корабля удалился настолько, что фигурки людей на нем стали совсем неразличимы. Тогда Чабела повернула к берегу и энергично поплыла.

Дрожа от усталости, она скоро почувствовала под ногами дно и выбралась на желто-серый берег. Она дошла до тенистой пальмы и легла отдохнуть среди зарослей папоротника.

Чабела подумала, что попала из одной беды в другую, потому что никто не знал, какие опасности таились на острове. В конце концов, она опять могла попасть в лапы Зароно. Помолившись Митре, она решила, что все же бежать было значительно лучше, чем остаться на корабле в руках врагов.

Собравшись с силами, она пошла наугад, не зная, какое выбрать направление. Она морщилась, ступая босыми ногами на камни — за последние несколько лет ей выпадало не так уж много случаев гулять босиком. Чабела вздрагивала, когда морской бриз прижимал к телу влажную одежду. Она нетерпеливо сняла платье и, свернув его, привязала поясом на голову. Полуденное солнце, пробивавшееся сквозь пальмовые ветви, бросало отблески на ее оливковую кожу и округлые формы.

Она выжала платье и положила его на папоротник сушиться. Отрезав ножом край плаща, она разделила его на две части и обмотала ими ступни.

Когда ее платье просохло, она отрезала подол до колен. Одевшись, она огляделась, держа в руке нож. Это была не шпага, но все же лучше, чем ничего.

Чабела пересекла прибрежную полосу и джунгли сомкнулись вокруг нее. В ее ноздри ударил приторный запах гниющих растений и тропических цветов. Грубые колючки, остроконечные пальмовые листья и цепкие лианы рвали ее платье и оставляли красные полосы на руках и ногах.

Дальше джунгли постепенно поредели, но ее беспокоила невероятная тишина. Казалось, что ветер не проникал сюда. Сердце ее сжалось.

Она споткнулась о корень и упала. С трудом поднялась и опять упала. В третий раз она поняла, что решимость ее на пределе. Она должна заставить двигаться свое ноющее тело.

Неожиданно на ее пути появилась массивная фигура, темная, с пылающими глазами. Она вскрикнула, отскочила и упала. Фигура рванулась к ней.

* * *

Конан задумчиво рассматривал море. «Вестрел» Зароно лежал в бухте.

— Мы можем напасть на него, — сказал он Зелтрану, — и победить оставшуюся малую часть экипажа. Когда Зароно вернется, то увидит, что все дороги отрезаны. Ну, что ты скажешь?

Конан торжествующе улыбнулся помощнику, как будто он уже перескочил на палубу вражеского корабля и перебил огромным тесаком его защитников.

— Нет, капитан, — покачал головой Зелтран. — Мне это не по нраву.

— Почему нет? — пропыхтел Конан. Лобовая атака подходила его варварской натуре, но за долгие годы плавания и приключений на берегу, он научился осторожности. Он знал, что невзрачного маленького зингарца природа наделила кроме храбрости хитростью и практичностью — ему всегда удавалось исполнять свои коварные замыслы.

Зелтран сверкнул маленькими умными черными глазами на Конана.

— Потому, мой капитан, что мы не знаем сколько человек оставил Зароно на борту. Его

команда больше нашей, и те, кто остался на борту, могут превосходить нас числом.

— Кром! Я один перебью половину этих псов!

Зелтран почесал небритый подбородок.

— Нет сомнения, капитан, что вы один стоите десяти врагов. Но остальные члены экипажа не смогут держаться с той же злобой.

— Почему?

— У корсаров нашего корабля много приятелей из команды Зароно. Наши люди не захотят проливать кровь своих братьев без особой причины. Кроме того, «Петрел» больше, чем наше судно, с более высокими бортами и поэтому ему легко отбить наше нападение. Вы заметили катапульту на носу корабля? Нет, мой капитан, если я правильно понимаю, мы начали это плавание за сокровищем, а не из-за удовольствия просто подраться — и исход драки в любом случае был бы сомнителен. Сейчас, чтобы получить сокровище, наиболее практичный путь, по-моему, обогнуть остров с другой стороны. И тогда наша береговая партия может попытаться достичь сокровища быстрее негодяев. Если нам это не удастся, мы сможем сосчитать число высадившихся на берег и взвесить наши шансы разбить их и захватить сокровище.

После дальнейших аргументов, Конан согласился с ним, хотя это и было против его желания.

— Обогнем остров с севера, — мрачно сказал он. — Полный вперед по правому борту.

В конце концов, он больше не одинокий искатель приключений, свободный распоряжаться своей жизнью и смертью. Как капитан он обязан учитывать стремления и желания своей команды, как свои собственные. Но иногда он тосковал об оставшихся позади годах дикой свободы и беспокойной жизни.

Несколькими часами позже «Вестрел» бросил якорь у восточного побережья острова, где береговая линия служила защитой от северного ветра. Конан рассадил в две шлюпки вооруженных людей и поплыл к берегу. Они причалили и вытащили шлюпки на желто-серый песок.

Придерживая у бедра тесак, Конан оглядел коричневый песок и тихую стену растений. Остров казался странно-мрачным, серым, в то время как море вокруг было залито солнцем.

Вытащив шлюпки и оставив двух сильных корсаров в охране, Конан и его отряд достигли леса, прошли сквозь зеленую стену и исчезли из виду.

Наконец Конан и его отряд достигли круглого открытого места в джунглях. Зона мертвой травы и бесплодной земли пусто лежала в слабом свете. Стоя на краю леса, Конан, нахмурившись, осматривал пустое гладкое место. Он не заметил признаков жизни, но враг мог прятаться в джунглях или в черном храме.

Что касается храма, то он совсем Конану не понравился. Его атмосфера скрытой опасности предупреждающе отозвалось в нем. Волосы на загривке встали дыбом, и тяжелые черные брови затемнили голубизну взгляда. Он не сомневался, что черное строение построено не руками человека.

Возможно, думал он, что эта работа легендарных змеелюдей древней Валусии. Странная геометрия, непонятные, почти неразличимые скульптурные украшения и зона пустой земли и мертвой травы — все напоминало ему такие строения, которые он видел несколько лет назад в пустынях Куша. Они тоже были делом рук ушедшей давно прачеловеческой расы.

Инстинкт подсказывал ему уйти из этого гиблого места, обойти приземистое строение. Но Конан был уверен, что за его стенами лежит то, ради чего они пришли.

— Стойте тихо, спокойнее, — прошептал Конан своим людям, — следите за любой опасностью.

Обнажив тесак, он вышел из джунглей и быстро прошел по голой земле к зияющему входу в

таинственную цитадель. Через миг он исчез из вида товарищей.

Подавив охватившую его дрожь, он смело прошел внутрь, держа тесак наизготовку. Широкое лезвие блеснуло в слабом свете. Его настороженный взгляд скользнул по каменному жабоподобному идолу, сидящему на вершине алтаря и остановился на углублении перед алтарем.

Если сокровище и было здесь, то теперь оно исчезло. И исчезло оно недавно. Пол был покрыт толстым слоем пыли и на ней отпечатались два ряда входящих и выходящих следов. Одни следы были от морских сапог, другие от сандалий.

Зароно и кто-то еще, подумал Конан.

Перед алтарем на небольшом участке не было пыли, кроме той, что неосторожные могли занести в этот прямоугольник. На этом чистом месте лежали несколько бриллиантов, сверкая там, куда они упали вывалившись из дырявой сумки. Зароно в спешке не стал их подымать.

Состроив гримасу, Конан шагнул вперед, намереваясь собрать оставшуюся горсть камней. Его бесила роль шакала, подбирающего объедки Зароно, но он не собирался выходить с пустыми руками.

Он еще раз осмотрелся. Каменный идол начал двигаться. Семь глаз в ряд над широким безгубым ртом уже не были просто слабыми, пыльными шариками стекла, они стали живыми глазами, сверкающими зеленым пламенем и уставившимися на Конана с холодным безжалостным гневом.

8. ЖАБОПОДОБНАЯ ТВАРЬ

— Кром! Оно ожило! — возглас изумления вырвался у Конана. Он напрягся, и сверхъестественный ужас охватил его существо. И в самом деле, мерзкий каменный идол был полон призрачной жизненной силой. Его короткие конечности двигались и скрещивались.

Уставившись пылающими глазами на своего врага-жертву, идол двинулся вперед, достиг края престола и с грохотом спрыгнул на каменный пол, где лежали сверкающие алмазы. Он упал на свои четырехпалые лапы и тут же двинулся к Конану. Его каменные конечности гремели по полу. Он был огромен, как бык, и семь изумрудно горящих глаз были на уровне глаз Конана.

Конан взмахнул тесаком, но тут ему в голову пришла мысль. По звуку, которое издавало создание при движении, было ясно, что оно еще каменное, хотя и живое. И сталь против него пустяк, удар просто испортит лезвие. И Конан окажется в лапах чудовища.

Перед тем, как безгубый рот хотел схватить его, Конан повернулся и выскочил на открытое место. Теперь не время было осторожничать, он заорал:

— Обратно на корабль! И быстрее!

Возгласы удивления и страха вырвались у людей, столпившихся у края джунглей, когда они увидели выскочившего из храма вслед за Конаном жабоподобного идола. Второй команды не понадобилось. Обламывая ветви и листья пальмы, корсары уносили ноги. А за ними почти с той же скоростью мчалось чудовище из ожившего камня. Конан остановился, чтобы привлечь внимание чудовища, и когда это удалось, резко свернул в другую сторону, в противоположную, увлекая его за собой.

*** * ***

— Что это? Девушка? Здесь? Клянусь грудью Кштыр и животом Дагона, этот проклятый остров таит больше неожиданностей, чем я думал.

Голос, человеческий, хоть и грубый, говоривший по-зингарски с сильным акцентом, успокоил Чабелу. Переведя дыхание, она подняла руку, которую протянула неожиданно появившаяся перед ней фигура. Человек продолжал:

— Милая девушка, я тебя напугал? Сгореть мне на этом месте, если я замышляю что-нибудь плохое. Как тебя занесло в это богом забытое место на краю света?

Когда первый страх прошел, Чабела увидела перед собой могучего темноволосого молодого гиганта в одежде моряка. Он был не из команды Зароно и выглядел честным парнем со слегка тронутой загаром кожей, открытым взглядом голубых глаз: нечесаными кудрями и золотисто-рыжей бородой. По виду северянин, подумала она.

— Зароно, — едва сказала она, тяжело дыша от усталости и возбуждения. Она споткнулась и упала бы, не поддержи ее рыжеволосый гигант.

— Эта черная свинья, а? Теперь приспособился таскать молодых девушек? Ну, разрази меня гром, если я не разорву эту собаку при первой встрече, но, клянусь рогом Хейидала и мечом Митры, ты теперь в безопасности. Не бойся, моя команда к твоим услугам — но что ж это там?

Северянин оглянулся, держа огромную ладонь на рукоятке тесака, висевшего на поясе, в сторону приближавшегося шума и треска. И тут высокая фигура выскочила из зарослей и остановилась перед ними. К своему удивлению, Чабела узнала Конана.

— Капитан Конан! — вскрикнула она.

Конан сузил глаза, разглядывая светловолосого воина с наполовину обнаженным тесаком и черноволосую девушку, разорванное платье которой не могло скрыть ее чувственной фигуры. Девушка слабо напоминала ему кого-то, но разобраться было некогда.

— Бегите, вы двое! — крикнул он. — За мной гонится чудовище из храма! Быстрее, поговорим позже!

Тяжелый треск послышался за спиной Конана и подтвердил его слова.

— Живее! — схватив принцессу за руку и потянув ее за собой, заорал он. Северянин бежал за ними. Через некоторое время они, казалось, оторвались от преследователя. Тут они остановились передохнуть, и Конан сказал северянину:

— На этом паршивом острове есть горы или утесы? Каменное чудовище не сможет вскарабкаться.

— Клянусь копьем Рудена, в милю длиной ровно, хоть шаром покати, — сказал рыжий и вздохнул. — Ничего, выше этого, за исключением косы на северо-востоке, где земля вырастает в утес, нависающий над материком. Но это не поможет: земля поднимается полого, и идол сможет вскарабкаться… Он догонит нас!

— Покажи нам дорогу к косе, — сказал Конан. — У меня есть план.

Северянин пожал плечами и повел их из джунглей. Когда Чабела выдохлась, Конан поднял ее на руки. Полная девушка была нелегкой ношей. Но гигант киммериец нес ее без видимых усилий. Позади них ясно слышался топот чудовища.

Час спустя, когда солнце уже клонилось к голубому горизонту, трое уставших, исцарапанных беглецов, достигли утеса. Он был треугольной формы, углом вверх, как нос корабля. Конан вспомнил, что видел это место с «Вестрела», когда проплывал, огибая остров с севера к месту нынешней стоянки.

Северянин освободил Конана от девушки. Шаг за шагом вышли они из джунглей и стали подниматься вверх. На полпути к вершине северянин поставил Чабелу на землю и оба искателя приключение остановились, чтобы посмотреть, преследует ли их еще каменный дьявол.

Ответом послужил треск и качание деревьев.

— Ну, Кром и Митра, в чем твой план? — выдохнул рыжеволосый.

— К верхней точке, — прорычал Конан, указав путь.

На вершине он наклонился над краем и посмотрел вниз. Сотнею футов ниже море колыхалось между широкими черными рифами, острые зубы которых выступали над водой и влажно блестели, когда морские волны омывали их. Между зубцами рифов виднелось несколько бассейнов и довольно больших.

Чабела вскрикнула, оглянувшись назад и увидев неуклюжую фигуру, появившуюся на краю джунглей. Ломая кусты и деревья, идол вырвался на открытое пространство. Его семь глаз сразу заметили беглецов, и он быстро стал подниматься к вершине со скоростью человека, бегущего на четвереньках.

— Он загнал нас в угол, — сказал северянин. — Не эта ли наша последняя пристань?

— Еще нет, — сказал Конан. В двух словах он объяснил свой план.

Тем временем тварь продолжала подниматься, и ее семь глаз сверкали в лучах заходящего солнца. Когда она приблизилась к цели, то изменила способ передвижения с быстрого бега на жабьи прыжки. Земля трескалась, когда огромный вес падал на землю после очередного прыжка. Она подбиралась все ближе и ближе, раскрыв в предвкушении безгубую пасть.

Конан нагнулся и поднял несколько камней.

— Давай! — крикнул он.

По его слову Чабела побежала от него по краю обрыва, рыжеволосый побежал в противоположном направлении, оставив Конана на самом краю обрыва лицом к лицу с

чудовищем.

Когда двое преследуемых побежали в разных направлениях, тварь остановилась, сверкая глазами и раздумывая, какое направление выбрать.

— Сюда! — заорал Конан, швырнув камень.

Камень попал и с треском отбил нос чудовища. А следующий выбил со звоном глаз. Камень попал немного выше, но зеленое пламя пропало, как будто камень разбил, материю, из которой состоял этот глаз.

Не успел Конан поднять третий камень, как тварь была уже рядом с ним. Она присела на массивные конечности для последнего прыжка, который бы доставил ее на самый край обрыва, и широко раскрыла пасть.

Как только его конечности оторвались от земли, и пока он еще был в воздухе, Конан повернулся и прыгнул с обрыва. Он полетел вниз, прямой как стрела, и нырнул в самый большой из рифовых бассейнов. Он сделал несколько сильных гребков и тут же вынырнул на поверхность.

На вершине утеса монстр последним прыжком приземлился в ту самую точку, где только что стоял Конан. Его передние конечности ударились о край, подняв облако камней и пыли. Передние лапы скользнули с обрыва, и масса чудовища увлекла все тело вниз. На секунду оно повисло на осыпающемся краю утеса. Вес был слишком велик и оно с грохотом рухнуло с обрыва. На миг оно, казалось, повисло в воздухе, медленно поворачиваясь, но потом стало падать со все увеличивающейся скоростью и падение его потрясло прибрежные скалы до основания.

Отфыркиваясь, Конан вылез из бассейна, убрал с глаз волосы. Он нырнул не точно в центр бассейна и через дыры в одежде были видны кровоточащие царапины на бедрах и голенях, где он коснулся острых зубцов скал, окружающих бассейн. Забыв о ранах, он пошел осматривать остатки жабоподобной твари.

Камень мог волшебно ожить, но все же это был камень. Монстр разбился на тысячи кусков, лежащих здесь и там среди скал у основания утеса. Требовалось много внимания, чтобы определить, какие куски составляли ноги чудовища, а какие голову. Несколько кусков лежали кучей, напоминая могилу.

Карабкаясь и прыгая со скалы на скалу, Конан пробрался вдоль подножия утеса и залез наверх. Он дошел до вершины и присоединился к двум товарищам. Рыжеволосый присел на краю и рассматривал остатки твари внизу.

— Клянусь ногтями Нергала и кишками Мардука, отсюда смотреть на них гораздо приятнее. Теперь, когда мы все вместе избежали опасности, пришло время познакомиться. Я зовусь Сигурд из Ванахейма, честный моряк заброшенный на это проклятое побережье с командой после кораблекрушения. А вы?

Конан внимательно посмотрел на Чабелу.

— Клянусь Кромом! — сказал он наконец. — Неужели Чабела! Дочь Федруго?

— Верно, — ответила она, — а вы капитан Конан.

Она назвала его имя еще раньше, как только он выскочил к ним, удирая от идола, и это признание служило доказательством ее личности. Капитан корсаров и принцесса не были близки при дворе Зингары. Однако Конан достаточно часто видел ее на праздниках, парадах и других церемониях.

Поскольку большая часть добычи корсаров шла короне, Федруго вынужден был при случае показать свое благоволение капитану корсаров. Длинные ноги, широкие плечи и мрачные, бесстрастные черты гиганта киммерийца запечатлелись в памяти Чабелы, и Конан достаточно быстро узнал ее, несмотря на рваную одежду, растрепанные волосы и отсутствие косметики на прекрасном лице.

— Во имя всех богов, что вы здесь делаете, принцесса? — спросил он.

— Принцесса! — вскричал изумленный Сигурд. Его открытое лицо покраснело больше обычного: он уставился на полуобнаженную девушку, с которой он обращался так просто и обходился с такой фамильярностью. — Во имя бороды Имира и сверкающих глаз Балава, Ваше Высочество должны простить мой язык. Высокородная дама, а я называл ее «милая девушка»… — Он опустился на одно колено, обескуражено глядя на Конана, не сдерживающего улыбки.

— Встаньте, Мастер Сигурд, — сказала Чабела, — и забудьте об этом. Королевский этикет теперь столь же уместен, сколь и лошадь на крыше дома. Вы знаете капитана Конана, моего другого спасителя?

— Конан… Конан… — бормотал Сигурд. — Киммериец?

— Он самый, — признался Конан. — Вы слышали обо мне?

— Слышал некоторые истории на Тор… — Сигурд осекся.

— На Тортена, вы хотели сказать, — сказал Конан. — Я так и подумал, что вы похожи на Баракса. Я тоже состоял в братстве, пока там не стало слишком жарко. И вот теперь я капитан «Вестрела», корсар Зингарского двора. Подходяще?

— Подходяще, клянусь хвостом Лира и молотом Тора, — сказал Сигурд, сжимая протянутую руку. — Но мы должны принять меры, чтобы наши парни не передрались. Мои в основном зингарцы, и только мигни вцепятся в глотку любого иностранца. Я думаю нам надо постараться, чтобы старая вражда не вспыхнула снова.

— Верно, — сказал Конан. — Как ты и твои люди попали сюда?

— Мы наскочили на риф на юге острова и потерпели крушение. Мы высадились на береги вытащили большую часть имущества и приборов, но наш капитан заболел и умер. Я был его помощником, и вот уже месяц командую людьми, мы пытаемся построить плот достаточно надежный, чтобы доплыть до материка.

— Ты знаешь что-нибудь о черном храме?

— Да, конечно, мы с моими парнями однажды попали туда, но там всюду таилась беда, и мы больше там не появлялись. — Сигурд задумчиво посмотрел на запад, где алый солнечный шар только что коснулся синей линии горизонта. — Зажарь меня на медленном огне, парень, но все эти мрачные джунгли и бегающие чудовища разбудили во мне жажду. Пойдем в мой лагерь и посмотрим, не найдется ли капля вина выпить за ваше здоровье. Вина, правда, в самом деле мало, но я думаю, мы его заслужили.

9. КОРОНА КОБРЫ

Зароно рвал и метал, когда, вернувшись на корабль, узнал об исчезновении Чабелы. Матросы, стоявшие на вахте у каюты Чабелы и на корме, по приказу Зароно были протянуты под килем.

К вечеру следующего дня вся команда за исключением нескольких человек была снова отправлена на берег. Многие часы были проведены в поисках принцессы, которая была основной частью плана. Нашли несколько обрывков ее платья, но они лишь подтвердили, что она где-то здесь и не могли указать ее местонахождение.

Корсары также нашли остатки лагеря Сигурда, но от Бараканских пиратов не осталось и следа.

Перед заходом солнца Зароно, более неистовый, чем обычно, вернулся на «Петрел».

— Менкара! — заорал он.

— Да, капитан Зароно?

— Если твое волшебство и пригодно на что-нибудь, то сейчас время показать это. Покажи мне, куда уплыла эта малютка, пропади она пропадом!

Вскоре Зароно сидел в своей каюте и наблюдал, как Менкара устанавливал свой аппарат для колдовства, которое он уже делал в подвале князя Виллагро. Угли зашипели, маг запел:

— Иайе, Сотех…

Ядовитое зеленое облако дыма сгустилось и в нем показался морской пейзаж. По тихому морю плыл на всех парусах красивый легкий карак. Но ветер был слабый и паруса были едва наполнены.

— «Вестрел» Конана, очевидно, — сказал Зароно, когда картина прояснилась, — но где?

Менкара развел руками.

— Извините, но мое искусство ничего об этом не говорит. Если бы было видно солнце, я, по крайней мере, мог бы сказать вам в каком направлении они плывут. А так…

— Ты хочешь сказать, — взорвался Зароно, — что они могут быть где угодно за горизонтом, но ты не знаешь где?

— Я не великий Тот-Амон. Делаю, что могу.

— Ты можешь увидеть, на борту ли девушка?

— Нет, но я уверен, что она там, а иначе бы мы не увидели корабля. Она несомненно спит в одной из кают.

— Надо было мне попользоваться этой шлюхой, когда была возможность, — прорычал Зароно. — Но что же теперь делать?

— Я думаю, «Вестрел» может направляться к берегам Куша: но более вероятно, что они направляются обратно в Кордаву. Твой капитан Конан поспешит возвратить принцессу, в надежде на щедрое королевское вознаграждение.

— Сможем ли мы перегнать его, если пойдем на север?

— Я думаю, нет. Океан велик, и штиль, в который попал «Вестрел», захватит и нас. Они могли пойти на северо-восток, чтобы высадиться на берегу Шема и попытаться найти королевского брата Товаро. У нас нет возможности узнать. Но вы забыли нашу главную цель!

— Девушка и сокровище было нашей целью.

— Нет. Я говорю о великом Тот-Амоне. Если мы заручаемся его поддержкой, нам будет безразлично, вернется ли принцесса к королю или останется в доме своего дяди. Повелитель волшебников сможет так легко управлять ею, как кукольник дергает за веревочки марионеток.

Мы возьмем курс на северо-восток к берегам Стигии. Если мы по дороге захватим корабль Конана — хорошо, если нет, то это не имеет значения.

С побережья Стигии Зароно и Менкара двинулись караваном в Центральные районы. Половина команды была оставлена на корабле для охраны, а другая половина, вооруженная до зубов, пошла за своим капитаном. Путешествие стоило Зароно круглую сумму, что весьма расстроило скупого зингарца.

Как большинство моряков, Зароно чувствовал себя беспомощным на земле. Хотя пустыня может быть единственной земной аналогией моря, она все же чужда ему. Ему не нравилось ритмичное покачивание равнодушных верблюдов, сухой воздух пустыни, высасывающий из организма всю жидкость до капли.

Но эти неудобства были неизбежны. И вот на горизонте на третий день показался оазис Хаджар. Он представлял собой темное и одиноко стоящее скопление неподвижных пальм, окружавших темный странный бассейн. Сквозь листву проглядывали контуры массивного сооружения.

Они осторожно приблизились к оазису. Менкара ехал впереди, так чтобы его одежда служителя света была видна любому наблюдателю.

Спокойствие царило над оазисом. Птицы не скакали возле бассейна и не было слышно их пения и чириканья в пальмовой листве. Часовой не окликнул их. У границы оазиса они спешились. Верблюды легли по команде, опасно качнув пассажиров.

— Присматривай за погонщиками верблюдов, — сказал Зароно боцману. — Эти собаки напуганы и могут попытаться улизнуть и оставить нас в дураках.

Зароно и Менкара обошли таинственный черный бассейн и направились к стоящему позади зданию. Зароно бассейн явно не понравился. Черный, как жидкий уголь, он ярко сверкал под лучами полуденного солнца. Нефтяные кольца медленно извивались и вращались, как живые на неподвижной поверхности. С одной стороны стоял блок красного камня, служившего алтарем. Темные ржавые пятна виднелись на вершине и стенках алтаря. Зароно с его обычными человеческими пороками, побледнел и содрогнулся при мысли о том, что могло временами появляться из черного бассейна за лежавшей на алтаре жертвой.

Они миновали опасный бассейн и приблизились к жилью Тот-Амона. Когда пальмы расступились перед ними, они увидели, что это строение было, как и алтарь, сложено из красного песчаника. Это было массивное строение, скорее дворец, чем просто дом. Поверхность и края камней были сглажены веками.

Черный вход зиял, как открытый рот в неуклюжей, грубой массе песчаника. Менкара без колебания вошел в эти раскрытые челюсти и начертил в воздухе таинственный знак. Зароно заметил, вздрогнув от ужаса, что после того как палец начертил линии, они еще некоторое время светились в воздухе зеленоватым пламенем.

Внутри были темные камни и звонкая тишина. Не было видно ни охраны, ни слуг. Менкара уверенно шел вперед, так что Зароно оставалось только следовать за ним.

За прихожей каменные ступеньки с закругленными от древности краями, вели в темноту, вниз. Они спустились ниже уровня пустыни и вышли на ровное место. Пройдя вперед, они оказались в зале.

Здесь был свет, — призрачное зеленое сияние, исходящее от змеевидных светильников из полированной меди. В дрожащем и изумрудном свете, Зароно смог разглядеть, что вдоль стен стояли в два ряда огромные монолитные колонны, изрезанные знаками, подобными тем, что были над входом. У дальнего конца колонного зала, на троне из блестящего черного камня, сидел человек. Когда они подошли ближе, Зароно смог его разглядеть.

Это был могучий гигант, широкоплечий, с резкими, ястребиными чертами лица. Кожа, от

выбритой макушки до одетых в сандалии ног, была глубокого коричневого цвета. Черные глаза завораживающе сверкали из глубоких глазниц. Он был одет в простой белый хитон. Единственным его украшением был браслет, по виду медный, в виде змеи, сделавшей три оборота вокруг его мускулистой руки и державшей свой хвост в пасти.

Из простоты здания и отсутствия украшений на могучем маге, Зароно, после некоторого размышления, смог кое-что понять в характере Тот-Амона. Перед ним был человек, для которого материальные блага и видимое богатство не значили ничего. Его страсть была вещь неосязаемая — власть над людьми.

Когда они остановились на некотором расстоянии от трона, Тот-Амон сказал чистым, сильным голосом:

— Привет тебе, Менкара, младший брат.

Менкара рухнул на четвереньки и, коснувшись каменных плит, прошептал:

— Именем Отца Света, Повелителя Тьмы, я пришел сюда.

Зароно с беспокойством подумал, что даже Менкара напуган. Он и сам вспотел, несмотря на сухость воздуха.

— Кто этот черный зингарец, которого ты привел в мой дом? — спросил Тот-Амон.

— Капитан Зароно, корсар, повелитель, посланец Виллагро, князя Кордавы.

Холодные, змеиные глаза лениво оглядывали Зароно сверху вниз. Тот почувствовал, что разум, скрытый за этим туманным взглядом, так долек от земных размышлений, что дела человеческие были для него пустым звуком.

— Что же я должен сделать с Зароно, или Зароно со мной? — спросил Тот-Амон.

Менкара открыл рот, но тут Зароно решил, что пришла его очередь. С храбростью, которой он на самом деле не чувствовал, он вышел вперед, преклонил перед троном колено и достал из дублета пергамент с письмом Виллагро. Он вручил его Тот-Амону, и тот взял его рукой с медным кольцом и положил его на колени.

— Величайший из магов, — начал Зароно, — я принес вам сердечное приветствие от князя Кордавы, который приветствует вас и предлагает богатые дары взамен небольшой услуги, о которой расскажет это послание.

Тот-Амон не развернул письма, казалось он знает его содержание полностью. Временами он улыбался.

— Это приятно моему сердцу, повергнуть в прах проклятый культ Митры и вознести Отца Света, — пробормотал он. — Но я занят могучими колдовскими операциями, и золото Виллагро значит для меня мало.

— Это не все, повелитель, — сказал Менкара, доставая из-под рясы книгу Скелоса. — Глубоко уважая желания князя, мы просим вас принять из наших рук этот дар. — Он положил древний том к ногам Тот-Амона.

Тот-Амон щелкнул пальцами, и книга поднялась в воздух, и, раскрывшись, мягко опустилась на колени к магу. Тот бесцельно перевернул несколько страниц.

— И вправду, редкий дар, — сказал он. — Я не думал, что существует третья копия, или вы обокрали королевскую библиотеку Аквилонии?

— Нет, о повелитель, — усмехнулся Менкара. — Случайно нашли на безымянном острове, что лежит на западных морях…

Его голос прервался, когда фигура мрачного гиганта неожиданно поднялась перед ним, дрожа от напряжения. Холодный огонь вспыхнул в черных змеиных глазах. Воздух, казалось похолодел, и чувство неотвратимой беды охватило Зароно. У него захватило дух, что такое они сделали, чтобы разгневать великого мага?

— Что еще вы взяли с алтаря Теафогуа, Бога-Жабы? — спросил Тот-Амон мягко, как входит

шпага в ножны.

— Больше ничего, повелитель, кроме сумки с камнями… — пролепетал Менкара.

— Которые лежали у алтаря на книге, не так ли?

Менкара кивнул, дрожа.

Тот-Амон вскочил, и адские огни вспыхнули в его черных глазах. Комната озарилась зеленым пламенем, и пол затрясся, как под ногами гиганта. Маг пророкотал громовым голосом:

— Вы тупые идиоты! И такие идиоты служат мне, Тот-Амону! Свет, могучий Свет, Отец, дай мне в услужение рабов умнее этих! Аи, канцхог, Иза!

— Величайший! Повелитель магов! Чем мы прогневали тебя? — взмолился трясущийся Менкара.

Мрачный взгляд могучего мага упал на двух стоящих, сверкая от смертельного гнева. Его громкий голос перешел в змеиное шипенье.

— Знайте же, идиоты, что то, что было спрятано под идолом, гораздо дороже всех богатств земных, и по сравнению с ними Книга Скелоса не более чем оберточная бумага. Я говорю о короне Кобры!

Зароно ахнул! Он слышал об этом священном талисмане змее — людей Валусии — самом могучем волшебном средстве, бывшем когда-либо на Земле — корона королей-змей, с помощью которой они управляли все землей, всей земной империей в прачеловеческие времена. А они взяли книгу и алмазы, оставив главное сокровище на месте!

10. ВЕТЕР В СНАСТЯХ

Несколько дней «Вестрел» лежал в дрейфе недалеко от Безымянного острова. Матросы сидели вдоль борта, свесив лески в воду. А в полкабельтовых впереди корабля матросы в шлюпке, привязанной к «Вестрелу», налегая на весла, дюйм за дюймом, вели карак к неведомым берегам континента.

Конан ругался и призывал киммерийских богов, но все впустую. День за днем паруса мертво свисают с рей. Слабый, мягкий ветерок скользнул мимо судна. На юге громоздились грозовые тучи и на горизонте по ночам вспыхивали зарницы, но там, где лежал «Вестрел», все было спокойно.

Могучий киммериец беспокоился. Корабль Зароно мог напасть на него, если только местный штиль не захватил и его. «Петрел» Зароно либо тоже лег в дрейф за горизонтом, либо искал другое направление и ушел от острова, упустив таким образом «Вестрел».

Какое бы черное дело не замыслил Зароно, думал Конан, все же очень хорошо, что он ушел не столкнувшись с ними. У них и без того хватало забот. Во-первых, у них не хватало пищи и свежей воды. Во-вторых, был Сигурд и его команда. Конану понравился честный, бесстрашный рыжебородый моряк из Ванахейма и он предложил Бараканским пиратам место среди своих людей. Он знал, что это могло привести к неприятностям, так и случилось. Между зингарскими корсарами и пиратами — в основном аргоссцами — существовала давняя вражда. Они слишком часто воевали друг с другом, чтобы на короткое время между ними могла возникнуть самая малая симпатия.

Однако, моряк есть моряк и должен следовать своим традициям. Хотя во многих вещах Конан был безжалостен, сейчас он чувствовал, что не может уйти, оставив потерпевших крушение моряков воле случая. Кроме того, он считал, что они с Сигурдом смогут поддержать мир между своими людьми. Однако случилось иначе. Зингарцы задирали злополучных иноземцев, пока не вспыхивали драки. Несмотря на то, что Конан и Сигурд принимали грубые методы, приводя в чувство особо рьяных, драки вспыхивали снова и снова.

Мертвый штиль лишь разжег ненависть между матросами. Томясь от безделья, Конан неистово ругался, сжимая до боли в пальцах перила. Он полагал, что если проклятый ветер когда-нибудь поднимется и даст матросам настоящую работу, у них не останется времени на драки.

И еще одна проблема угнетала Конана. Чабела рассказала ему все, что она узнала от Зароно и змееглазого стигийца. Кое-что они не держали в секрете, некоторые вещи она подслушала, а остальное — об их намерениях и целях путешествия — заключила сама. Она поняла многое в этом заговоре против короны, и обо всем этом поведала Конану.

Теперь Конан стоял перед дилеммой. Он был простым корсаром, и династические конфликты в королевстве также мало касались его, как и сам Федруго Зингарский. По правде говоря, старый король назначил его королевским корсаром, и Кордова служила ему безопасным портом. Но того же самого он мог ожидать от любого монарха Зингары. Следующий по счету мог потребовать, вполне вероятно, меньшую долю добычи.

Однако в таких делах его грубое благородство киммерийца брало верх над его личными интересами. Было бы просто жестоко не замечать просьб прекрасной зингарской принцессы и стоять сложа руки, пока коварные заговорщики и стигийский колдун постепенно не убьют его старого отца.

Честно говоря, решение Конана не было продиктовано просто человеколюбием. У него

были и свои интересы. Он не собирался всю жизнь быть простым корсаром. Если бы ему удалось спасти короля Зингары и его дочь от заговорщиков, и таким образом поддержать пошатнувшийся трон, то почему бы не потребовать награды? Княжество? Адмиральское звание?

Конан иногда даже мечтал о руке принцессы Чабелы и звании королевского преемника. За время его диких приключений, многие женщины предлагали Конану остаться насовсем. Но, хотя киммериец обходился с женщинами весьма учтиво, он избегал любых форм брачных уз. Он всегда исполнял брачные обязательства, а для человека, в крови которого с детства были путешествия, приключения, битвы — одна лишь мысль быть привязанным к одному месту с постоянными заботами о семье, была немыслима.

Однако, ему уже было за тридцать пять, первая молодость прошла. Хотя время оставило на его лице лишь множество шрамов, он не сможет продолжать далекие и опасные путешествия. Он должен подумать о своем будущем. Чабела была милая, красивая девушка, сильная и умная. И, кажется, он ей понравился. Там будет видно…

Размышляя над этим, Конан отошел от перил, лениво опустился в каюту и развалился на стуле. Сверкание камней привлекло его взгляд, и он довольно усмехнулся. По крайней мере, его усилия были не впустую. На столе перед ним, сверкая и переливаясь, стояла Корона Кобры, когда луч полуденного солнца проник через иллюминатор, он высек пламя из ее камней.

На своем обратном пути от утеса, с которого свалился идол, Конан с товарищами снова зашел в храм. Теперь, казалось, наполнявший ранее воздух запах беды, исчез. Таинственное нагромождение черных камней лежало, купаясь в солнечных лучах. Тайный ужас и сверхъестественные предчувствия не охватывали больше посетителей.

Конан осторожно приблизился к мрачному месту, к плите, служившей троном сидевшему на ней многие века идолу. На том месте, где он сидел, виднелось черное отверстие. Когда Конан наклонился над ним, его острый глаз уловил сверкание камней в глубине.

Неужели Зароно чего-нибудь не заметил? Конан быстро просунул руку в отверстие и вынул Корону Кобры.

Это был полый золотой конус, усыпанный тысячами прозрачных сверкающих камней. Конан подумал, что это обточенные алмазы, хотя искусство огранки и полировки самого твердого камня было почти неизвестно в его время. Короне была придана форма змеи, кольца которой составляли коническое изголовье, и ее шея поднималась сзади и, обогнув верхушку короны, опускалась вниз, так что плоская голова была над бровями носившего корону. Так что, в конце концов, путешествие на Безымянный остров было не впустую.

Возбужденный крик вывел Конана из состояния задумчивости:

— Грудь Фригги и хвост Шайтана!

Конан улыбнулся, узнав голос Сигурда. Секундой позже рыжебородая голова, пылавшая от возбуждения, просунулась в дверь. До того, как он успел что-нибудь сказать, Конан уже знал причину возбуждения. Его ушей достигли хлопки парусов и пение ветра в снастях, каюта раскачивалась. Ветер, наконец, пришел.

И какой ветер! Два дня и две ночи, «Вестрел» только на штормовых парусах несся меж гигантских волн на крыльях самума, из-за которого моряки Хайборийской эры не рисковали плавать в эти моря.

Когда ветер кончился, «Вестрел» бросил якорь недалеко от побережья континента. В каком месте побережья, Конан не знал, потому что тяжелые тучи закрыли солнце и звезды во время их бешеного плавания. Конан знал, что они держались восточного направления. По видневшимся на побережье джунглям, Конан заключил, что они находятся к югу от берегов Схема: но приплыли ли они к стигийцам, королевству Куша или к неизвестной черной стране, оставалось невыясненным.

— Незнакомые места, капитан, — пробормотал Зелтран, — где бы это могло быть?

— Черт его знает, ну, да и дьявол с ним, — прохрипел Конан, — главное — найти воды. Баки пусты и полны грязи. Собери береговую партию и ступай с ними. Быстро!

Зелтран поспешил на нижнюю палубу собирать людей. Когда партия собралась и уселась в шлюпку, Сигурд мрачно посмотрел на береговую линию и пробормотал одно из международных ругательств. — Ванрей надел широкую перевязь!

— В чем дело, парень? — спросил Конан.

— Может быть и ничего, — пожал плечами Сигурд. — Только эта земля не больно-то похожа на побережье Куша.

— Ну, так что с того? Мы достигли бы Куша, если взяли бы восточнее.

— Если так, то эти земли не райский уголок для честного морехода. Черные дьяволы могут через день сожрать всех, а могут и подождать. И еще есть легенды о народе женщин-властительниц, которые сражаются даже искуснее мужчин.

Конан уставился на воду и плывущую к берегу шлюпку.

— Может и так, но нам нужна вода, да и провизия на исходе. Когда наполним трюмы, то пойдем на север к Кордаве.

11. ЧЕРНЫЙ БЕРЕГ

Гавань, в которую они вошли, лежала в устье небольшой речки, берега которой поросли густым кустарником и высокими красивыми пальмами. Шлюпка замедлила ход, и несколько корсаров, прыгнув в воду, вытащили ее на берег. Оставив охрану, отряд пошел вверх по течению, захватив пустые бочонки. Скрывшись из виду, они продолжали свой путь, останавливаясь временами и пробуя на вкус воду.

Конан, прибывший на берег со второй партией, стоял скрестив руки на могучей груди и, нахмурившись, наблюдал за побережьем. Очертания устья реки казались мучительно знакомыми, и неожиданно название реки Зикамбры пришло ему в голову. Он мог однажды видеть линии этого побережья на карте, или действительно был здесь много лет назад в одно из своих путешествий с Балитой. Выражение сурового, иссеченного шрамами лица Конана смягчилось, когда он вспомнил о всегда бывшей рядом Валите, и ораве ревущих и черных корсаров за их спинами. Балит — прекрасная, сильная женщина — пантера. Балит — чьи глаза подобны черным звездам — его первая и самая сильная любовь…

Со скоростью тропического шторма ревущая толпа обнаженных чернокожих выскочила из кустов, их эбонитовые тела сверкали сквозь перья и военную татуировку, на их плечах были шкуры диких животных, в руках они сжимали оперенные копья.

Изумленно вскрикнув, Конан выхватил со свистом тесак из кожаных ножен и заорал:

— Ко мне, корсары! К оружию! Ко мне и быстрее!

Вождем чернокожих воинов был гигант, напоминающий мускулистым телом вырубленную из черного мрамора сверкающую статую гладиатора. Как и на остальных, на нем, кроме шкур леопарда и ожерелья, ничего не было. На голове раскачивалась корона из перьев. Умные черные глаза смотрели с величавым достоинством.

Окинув его быстрым взглядом, Конан решил, что он выглядит на самом деле удивительно знакомым. Но ему некогда было размышлять. Он помчался по берегу, сверкая сталью тесака, и встал в ряд быстро собравшейся команды лицом к лицу с чернокожими воинами.

Неожиданно предводитель черных вытянул перед собой могучую руку и крикнул:

— Самамане, уоте!

По этой команде весь отряд замер, все кроме одного, стоявшего сзади вождя и приготовившегося метнуть копье в Конана. Его рука начала двигаться вперед, когда вождь обрушил свою палицу на его голову. Жертва рухнула на песок и застыла.

Конан крикнул своим людям не начинать атаки. Несколько долгих минут две группы вооруженных людей стояли лицом к лицу, держа мечи и стрелы наготове. Конан и черный гигант смотрели друг на друга в мертвой тишине. Неожиданно белые зубы вождя сверкнули в улыбке.

— Конан! — воскликнул он на гирканском языке, — неужели ты забыл старого товарища?

Когда он заговорил, Конан как будто проснулся.

— Джума! Кром и Митра! Джума! — заорал он.

Бросив тесак, он прыгнул вперед и заключил улыбающегося вождя в могучие объятия. Корсары с изумлением наблюдали, как два гиганта обменивались восторженными ударами по спине и по плечам.

Много лет назад Конан служил в легионерах короля Юлдиса Туранского далеко на востоке. Джума Кушит был наемником. Они вместе участвовали в экспедиции в далекую Гирканию, сопровождая одну из дочерей короля Юлдиса к ее будущему мужу.

— Ты помнишь ту битву в снегах Телакмаса? — спросил Джума. — И этого неуклюжего

маленького бога — короля, не помню по имени. Что-то вроде Джулунг-Фонгла.

— Как же! И как зеленый идол, высотой с дом, ожил и раздавил единственного сына повелителя демонов Яна, как жука! — порывисто ответил Конан. — Кром, вот это было время! Но что, во имя девяти адских печей, ты здесь делаешь? И как ты стал вождем?

— А где же и быть чернокожему воину, если не на черном берегу? — улыбнулся Джума. — И куда возвращаться домой кушиту, если не в Куш? Но я могу задать тебе этот же вопрос, Конан. Как ты стал пиратом?

— Человек должен как-то жить, — пожал плечами Конан. — Я не пират, а законный корсар с зингарским патентом, подписанным королем Зингары. Если подумать, то между пиратом и корсаром не много разницы, но все же. Но расскажи мне о своих приключениях. Как ты покинул Туран?

— Я привык к саваннам и джунглям, Конан. В отличие от тебя, я не родился на севере. Кроме всего прочего, я устал мерзнуть каждую зиму в Туране. Кроме того, после того, как ты уплыл на север, мы жили без приключений. И мне захотелось снова увидеть пальмы и потискать полных черных девушек под кустами. Так что я расторг свой контракт и поплыл на юг к черным королевствам, став со временем королем.

— Королем? — ухмыльнулся Конан. — Королем кого? Я не знаю вокруг никого, кроме банд нищих разбойников.

— Так и есть, — снисходительно улыбнулся Джума, — вернее так и было до тех пор, пока не пришел Джума и не научил их искусству воевать.

Джума повернулся и сказал несколько слов своим людям, которые стояли позади него, слушая как их вождь разговаривает с чужим вождем на непонятном языке.

Негры успокоились и уселись на песке. Корсары Конана тоже сели, не спуская, однако, настороженных глаз с чернокожих.

— Оказалось, — закончил Джума, — что мое племя враждовало с соседним племенем. Мы победили соседей и они слились с нами. Я стал военным вождем. Когда мы победили два других племени, меня избрали военным князем. Теперь я управляю всем побережьем на протяжении пятидесяти лиг, и мы уже близки к тому, чтобы стать нацией. Я даже собираюсь построить столицу, когда до этого дойдут руки.

— Черт возьми, — сказал Конан. — Ты взял у так называемой цивилизации гораздо больше, чем я. По крайней мере, ты идешь в гору. Удачи тебе! Когда твои головорезы выскочили из кустов, я подумал, что боги устали играть с нами и собираются успокоить нас на неведомом берегу. Мы высадились за водой, только что покинув остров, полный призраков и змей, и бегающих статуй.

— Ты найдешь достаточно воды, чтобы наполнить корабль, — пообещал Джума, — и погрузив на борт все необходимое, вы будете гостями в моей деревне всю ночь. У нас будет такой праздник, какого вы давно не видели. У нас новый урожай, и банановое вино должно удовлетворить даже вашу жажду.

В эту ночь большинство команды Конана сидело на травяных матах в деревне Джума Кулало. Кулало — по размерам город — представляла собой скопление конических бамбуковых хижин, крытых соломой, спрятавшихся за высокими палисадниками и оградами кустарника.

В центре города была вырыта огромная яма. В яму были помещены дрова, на которых поджаривались бараны, свиньи, антилопы. Из рук в руки передавались деревянные кувшины сладкого, вкусного вина. Пока черные музыканты выстукивали сложные ритмы, играли на флейтах и лирах, молодые черные женщины, едва прикрытые перьями и листьями, танцевали перед оранжевыми языками пламени, прихлопывая руками и выкрикивая хором, сложный танец, который явился бы украшением императорской танцевальной группы. Моряки налегли на

свинину, мучные пирожные и горы фруктов.

Люди Сигурда присоединились на празднике к партии Конана. Теплый сердечный прием восхитил аргоссцев. Зингарцы и аргоссцы были слишком благодарны за пищу, чтобы ссориться друг с другом. Не одна полная, волоокая эбонитовая соблазнительница, возбудившая желания матроса, была уведена в тень хижины, чтобы вернуться потом с пылающим лицом, помятым телом и умиротворенным сердцем.

Конан беспокоился именно об этих вещах. Его корсары неделями не видели женщин. Он был приятно удивлен, однако, что черные воины короля Джумы, казалось, не обращали внимания на это. Фактически, они, казалось, воспринимали как комплимент, если их жены оказывались предметом внимания — часто корсар, удовлетворив желание, встречал супруга своей избранницы с подарком в протянутой руке. Удостоверившись, что по женской части неприятности не предвидится, Конан подумал, что в первобытном образе жизни что-то есть.

Принцесса Чабела, однако, нашла такое животное поведение неприятным и сказала об этом. Она сидела между Конаном и Джумой. Беседуя с Джумой, вспоминая свои приключения после расставания в Туране много лет назад, Конан восхищался холодным выражением лица принцессы, когда она смотрела на копошащиеся в тени фигуры.

Конан немного опасался, что Джума в ответ на свое гостеприимство, мог ожидать для себя Чабелу в виде вознаграждения. Для кушитов это было бы просто хорошим тоном. Пока Конан старался отогнать эти мысли, Джума показал, что он достаточно хорошо знает манеры цивилизованных людей и понимает, что там иные правила, так что с его стороны принцессе ничего не угрожает.

— Клянусь Кромом, друг, — сказал Конан, — это настоящая жизнь. Я не мог прочесть по этим проклятым звездам, где мы находимся, да и карты у нас не было. Кроме того, что мы находимся в сказочной стране амазонок, я не знал ничего. — Он проглотил еще одну чашку бананового вина.

— Кстати, ты верно говоришь, — нахмурился Джума. — По крайней мере, женщины из Тамбуру — их главный город — считают этот берег своей территорией. Но у них сейчас не хватает сил, чтобы подтвердить свои права, потому что между моей страной и ними есть еще другие племена.

— Вот как? Я слыхал, с этими ведьмами трудно драться. Хорошо, что я не встречусь с ними, ибо драться с женщинами не в моих принципах. У тебя были неприятности с ними?

— Немного, в самом начале. Я старался научить моих ребят стрелять, как туранцы, — грустно покачал головой Джума. — Но это трудно. В окрестностях нет деревьев, пригодных для луков, а мои воины даже не оперяли стрел. Они любили повторять: так было всегда с тех пор, как Дамбалах создал мир, потому так и должно быть. Иногда я думал, что легче научить зебру играть на флейте. Но несмотря ни на что, у меня теперь лучшие лучники в Куше. В последний раз, когда амазонки пытались нарушить нашу границу, мы истыкали некоторых стрелами, как дикобразов.

Конан улыбнулся, но затем приложил руку ко лбу. Банановое вино на вкус было легким и слабым, и сладким, но все же хмельным. Пробормотав извинения, Конан встал, слегка пошатываясь, и пошел прилечь за ближайшую хижину. Тут он решил переночевать. Вернувшись к королевскому ложу, он забрал принесенный с корабля мешок. В нем лежала корона Кобры, завернутая в наволочку. Он не оставил ее на борту «Вестрела», так как блеск камней мог соблазнить даже самого преданного из его людей. Поскольку он был к ним привязан, то предпочитал лучше убрать соблазн, чем вздернуть кого-нибудь на рее.

Пробормотав спокойной ночи Сигурду, Зелтрану, Джуме и принцессе, он поплелся к предназначенному ему жилью. Скоро он храпел, как далекий гром.

Опьянев, Конан не заметил мрачного выражения на лице одного из воинов Джумы, угрюмого парня по имени Бвату. Это был тот человек, который чуть было не бросил в Конана копье, и которого сразил Джума. Этот удар вывел его из себя. Он был одним из военачальников Джумы и считал себя глубоко оскорбленным, что с ним обошлись, как с простым воином. В течение всего праздника, его угрюмый взгляд снова и снова возвращался к лежащему у ног Конана мешку. По обращению с ним Конана можно было заключить, что в нем содержится что-то ценное.

Бвату хорошо запомнил, в какую хижину ушел Конан. Он встал, покачиваясь, как пьяный, хотя практически ничего не пил, и покинул продолжавшийся при свете луны праздник, побрел в тень. Как только он скрылся из виду, то сразу же побежал назад по чернильно-черным дорожкам между хижинами. Серебряный луч луны сверкнул на широком лезвии кортика — кортика, который он только что получил в подарок от одного матроса.

* * *

Далеко на севере, в Оазисе Хаджар в Стигии, Тот-Амон часами исследовал звездные планы, чтобы хоть что-нибудь узнать о местонахождении реликвии змеелюдей древней Валусии. Когда Менкара и Зароно спали в своих альковах вдали от его лаборатории, могучий стигиец убедился, наконец в безнадежности своей задачи. Он сидел, неподвижно глядя в пустоту.

Тени плавали и колебались внутри огромного кристалла, поддерживаемого невидимыми руками у его трона. Слабое, дрожащее веяние, испускаемое движущимися фигурами, бросало расходящиеся тени на украшенные скульптурами стены комнаты.

Тот-Амон установил, что Корона Кобры больше не лежит на своем месте под каменным идолом Теафогуа, бога-жабы. Только другая партия моряков, высадившихся на острове случайно или преднамеренно, могла унести корону Кобры… С помощью кристалла Тот-Амон фут за футом обыскивал весь остров. Пропала не только корона, на острове не осталось ни одного человека. Не было ни следа принцессы Чабелы, о побеге которой рассказал ему Зароно. Исчезновение принцессы и короны, и разрушение идола — все указывало на то, что было вторжение какой-то неизвестной партии.

Тишина в комнате ничем не нарушалась. Тени мелькали на стенах и фигуре, сидевшей на троне столь неподвижно, что казалась тоже изваянной из камня.

12. ГИБЕЛЬНАЯ ПАУТИНА

Сон редко сваливал Конана с ног, как случилось в этот раз. Коварное вино погрузило его в глубокий сон, из которого его вырвало подсознательное чувство опасности. Он медленно очнулся, слабо понимая, что что-то не так. Некоторое время он не мог сказать, что именно его не устраивало.

Наконец он понял. В плетеной стене хижины зиял длинный разрез. Он начинался с высоты человеческого роста и шел до земли, холодный ночной воздух, приникавший через него, обдувал тело Конана.

Конан протянул руку к мешку, который он положил рядом с собой. Выругавшись, он вскочил на ноги, обшаривая глазами хижину. Короны Кобры не было.

Черный гнев закипал в сердце Конана, его рев потряс шаткие стены хижины. Выхватив тесак, он выскочил из хижины, выкрикивая грозные ругательства.

Праздник еще продолжался для тех воинов, которые могли держаться на ногах. Гигантское племя спало. Звезды сверкали подобно гроздьям алмазов над качающимися пальмами, и почти полная луна показывала свой серебряный лик. Среди тех кто не спал, Конан заметил Сигурда и Джуму. От его рева они вскочили на ноги.

В нескольких словах он рассказал, что случилось. Поскольку корона была их единственной добычей за все путешествие, Конан был охвачен слепой яростью из-за потери.

Все корсары были на месте, хотя отнюдь не все в полном сознании. Однако после проверки людей Кулало, оказалось, что один исчез.

— Бвату! Разрази его Дамбалла! — закричал в гневе Джума, от того что один из его людей ограбил гостя.

— Ты знаешь этого черного пса? — заорал Конан, не следя в гневе за выражениями.

Джума мрачно кивнул.

— Это угрюмый парень, которого ты сшиб на берегу? — спросил Конан.

— Тот самый. Я думаю, что он возненавидел нас обоих.

— Если он заметил алмазы в мешке, — прибавил Сигурд. — Где этот негодяй мог спрятаться, король Джума? Клянусь бородой Ахримана и огненными челюстями Шайтана, мы должны схватить его, как бы далеко он не успел убежать.

— Он мог податься в земли наших врагов, Матамба, — Джума указал рукой на северо-восток. — Дальше к северу он может попасть в руки работорговцев, которых так особенно много. С другой стороны он не мог уйти далеко к юго-востоку, потому что там лежит…

Стоять и выслушивать предположения Джумы, пока сказочное богатство уходит все дальше в ночь, было выше сил Конана. Внезапно он оборвал Джуму.

— Ты можешь так болтать хоть всю ночь, — прорычал он. — Где здесь дорога в Матамбу?

— Выход через восточные ворота и далее просека ведет на северо-восток…

Не дослушав до конца, Конан помчался к своей хижине. По пути он остановился и вылил на голову остаток ледяной воды из котла. Он мчался, пыхтя, как морское чудовище, но голова перестала болеть, и мысли прояснились.

Когда он откинул с глаз волосы, то увидел завернутую в простыню Чабелу, выглядывающую из своей хижины.

— Капитан Конан! — позвала она. — Что случилось? На город напали?

— Ничего, принцесса, — покачал головой он, — все дело в алмазах, которые у меня стащили, пока я спал. Спите спокойно и не думайте об этом.

Подскочил Сигурд и отдышался.

— Лов! — сказал он. — Джума и его помощники стараются поднять спящих воинов. Не лезь в джунгли один. Боги знают, какие чудовища могут там прятаться, так что подожди Джуму…

— Будьте вы все прокляты! — заорал Конан, глаза которого сверкали как у зверя на охоте. — Я успею схватить Бвату, пока не остыл его след, и жаль мне того зверя, который встретится на моем пути.

С этими словами он умчался. Как разъяренный буйвол он вылетел в восточные ворота и исчез из виду.

— Проклятый киммерийский характер! — пробормотал Сигурд. Он бросил на принцессу умоляющий взгляд и помчался в темноту за товарищем, крича: подожди меня! Не беги один!

Деревня стала гудящим ульем. Джума и его помощники ходили среди спящих, будили их пинками, поднимали на ноги и отдавали им приказы.

И никто не заметил, как Чабела вошла в свою хижину и переоделась в грубую одежду, которую ей дал Конан, когда они покидали корабль. Одетая, обутая и вооруженная, она выскользнула на улицу и, прячась в тени, добралась до восточных ворот.

— Если этот пройдоха думает, что может приказывать королевской принцессе из дома Рамиро… — гневно прошептала она.

Однако, был и другой, более важный повод, кроме сопротивления приказу Конана, который заставил ее покинуть Кулало и в одиночку следовать за Конаном. Несмотря на свою грубость, он хорошо обходился с ней и защищал ее. Когда он обещал невредимой доставить ее к отцу, то это были не пустые слова. Поэтому она чувствовала себя с Конаном в большей безопасности, чем в окружении корсаров или людей Джумы. Размышляя об этом, она исчезла в джунглях, где во тьме был слышен рев охотившегося леопарда.

* * *

Несколько часов мчался Конан по дороге в Матамба, оставив Сигурда далеко позади. Когда он остановился перевести дыхание, то подумал о том, чтобы подождать корсаров, Но тут он подумал, что любая остановка даст возможность кушиту убежать еще дальше, и с удвоенной энергией помчался вперед.

Конан хорошо знал джунгли Куша с того времени, когда десять лет назад он на некоторое время был вождем северного племени Бамула. Если менее опытный человек, подумал, что идти одному в джунгли значило подвергать себя возможным опасностям, то Конан думал иначе. Дикие коты, например, хоть и коварны, но трусливы. Лишь единицы способны вступить в единоборство с человеком, если не смертельно голодны или не выжили из ума от старости.

По правде говоря, в джунглях жили и более опасные, чем дикие коты, животные: огромная горилла, бешеные носороги, дикие бизоны и могучие слоны — будучи травоядными, они редко нападали на человека, в основном, во время охоты. К счастью, Конан, не встретил ни одного из них.

Когда с приближением рассвета небо посветлело, Конан присел у родника, напился и ополоснул руки и грудь. Шипы и колючки изорвали его белую блузу и до крови расцарапали грудь и руки.

Выругавшись, он провел тыльной стороной ладони по глазам, откинул назад волосы и минутку отдохнул. Наконец, тяжело вздохнув, он поднялся и двинулся вперед, положившись на свое железное здоровье. Он проверял свои возможности много раз за годы своих диких приключений и знал, что он может превзойти любого обычного человека, даже очень сильного.

Солнце встало над джунглями Куша и осветило влажное, туманное утро. Огромные коты прятались после удачной охоты по своим норам, подальше от дневных лучей…

При свете утра Конан заметил на грязной дороге следы больших голых ступней. Он был уверен, что это следы бежавшего Бвату. Хотя эта погоня изнурила бы большинство людей, вид этих следов вдохновил Конана, вдохнул новые силы.

* * *

Достаточно скоро Чабела пожалела о своем необдуманном поступке, о решении последовать за Конаном в джунгли. Конан и Сигурд, не зная, что она следует за ними, очень скоро намного ее обогнали. Она скоро сбилась с пути, и потеряла всякую ориентацию. Когда пропала луна, джунгли сделались черными, как деготь. Из-за деревьев она не могла видеть звезд и определить свое положение. Она беспомощно бродила кругами, стукаясь о деревья и спотыкаясь о корни и кустарники.

Ночь жила звуками и шумом ночных насекомых. Ей не встретилось ни одного дикого животного, которого она так боялась. Но от далекого рева или звука продиравшегося через кусты огромного тела, сердце ее уходило в пятки.

Ближе к рассвету, дрожащая от страха и холода, изможденная девушка упала на груду мха. Зачем она сделала эту глупость, и заперла себя в этой мышеловке? Не помня себя от усталости, она уснула.

* * *

К полудню Конан, как и предполагал, настиг Бвату. Тот, однако, был не в состоянии возвратить корону. Он был мертв — и с пустыми руками.

Черный грабитель лежал на дороге лицом вниз в луже крови. Он был практически разрублен на куски. Конан склонился над телом и осмотрел раны. Они казались сделанными стальными лезвиями шпаг, а не бронзовыми или железными наконечниками копий местных жителей. Бронзовое и медное оружие быстро ломается и тупится при употреблении и поэтому оставляет рваные раны, но здесь были чистые разрезы, характерные для стального клинка. Черные народы Куша не знали искусства ковки стали. Поэтому железо и сталь были здесь редкостью и его доставляли сюда наиболее цивилизованные народы Дарфара и Екшана.

Конан подумал, что вора могли убить Амазонки, унеся с собой корону и, таким образом, ограбив его самого дважды: забрав право мести и корону. Когда он поднялся, оскалив зубы от злости, тяжелая сеть упала на него сверху. Он запутался в ее звеньях. С яростным криком он выхватил тесак, но сеть не поддавалась и сжимала его все туже и туже.

Как паутина огромного паука, сеть повалила его на землю и сдерживала его удары. Одетые в халаты и тюрбаны чернокожие, неожиданно выскочившие на дорогу, быстро и деловито обмотали Конана сетью, так что он стал похож на гигантского шелкопряда. Несколько человек слезли с деревьев, и один из них оглушил Конана дубиной.

Падая вперед в темноту, Конан выругал себя за непростительную глупость. Никогда раньше не мог он себе позволить попасться в такую примитивную ловушку, и быть пойманным в сеть как дикий кабан. Но сожалеть было слишком поздно…

13. ГОРОД ЖЕНЩИН-ВОИТЕЛЬНИЦ

В Оазисе Хаджар была темная, как деготь, ночь. Плотные облака закрыли небо, поглотив сияние луны, о присутствии которой можно было догадываться лишь по слабой серой люминесценции, сочившейся сквозь облака.

Темно было и в тронном зале дворца Тот-Амона. Зеленое пламя торшеров потухло до простого сияния, напоминавшее светлячка. Стигийский волшебник казался сросшимся со своим троном, столь неподвижно он сидел. Если бы присутствовал посторонний наблюдатель, то он заметил бы, что его могучая грудь не поднимается и не опадает. Его мрачный лик был неподвижен как неодушевленная маска. Его тело казалось неодушевленным.

Так и было. Не сумев найти следы Короны Кобры на астральном плане, Тот-Амон освободил свое КА от бренной оболочки-тюрьмы и воспарил в высшие сферы, акшик. И здесь, в призрачном, темном королевстве душ не было понятия о времени. Прошлое, настоящее и даже подернутое дымкой будущее лежало видимым для всепроникающего взгляда сопричастного, напоминая четырехмерную карту. И здесь дух Тот-Амона мог ясно видеть прибытие «Петрела», высадку Конана, пробуждение идола, его гибель, пропажу Короны Кобры и дальнейшее плавание Конана к Черным берега. Все это наблюдал Тот-Амон перед тем, как позволить своему КА снова опуститься в нижние сферы космоса. КА должно вернуться перед тем, как оно потеряет свою связь с материальным телом.

И Тот-Амон, вновь обретя свое тело, почувствовал острое ощущение, прошедшее по нервам, когда мертвая кожа снова стала одушевленной. Ощущение было подобно онемению и покалыванию после того, как восстановится прерванное кровообращение: но в этом случае покалывание прошло через все тело. Он стойко перенес боль. И тогда…

— Зароно! Менкара! — голос Тот-Амона прокатился, как раскаты грома по гулким подземным коридорам дворца.

— Да? — сказал Зароно, натягивая дублет, и выходя из комнаты, позевывая после сна. — В чем дело, господин волшебник?

Вслед за ним молча вошел Менкара.

— Приготовьтесь вернуться к Черным Берегам сию же минуту. Я узнал куда делась Корона Кобры и ваша принцесса Чабела. Обе находятся в Кулало, столице Джумы Кушита.

— Как они там очутились? — спросил Зароно.

— Ваш друг Конан Киммериец привез их туда.

— Этот проклятый варвар! — заорал Зароно. — Я…

— Если ты его найдешь, поступай как знаешь. Я не люблю его — он слишком много причинил мне беспокойства. Но ваша главная задача — привезти принцессу. Даже я не могу управлять ее волей на таком расстоянии.

— А Корона?

— Корону я возьму на себя.

— Вы поедете с нами, господин?

— Нет, телом нет, — слабо улыбнулся Тот-Амон. — Это потребует такой магии, которую могут делать лишь несколько волшебников на Земле, и это потребует высшего напряжения моих сил, но я достигну Кулало раньше вас. Не теряйте времени, вы двое, а собирайте ваше снаряжение и вперед. Не дожидаясь вечера!

* * *

Конан очнулся в подавленном настроении. Голова болела в равной степени от излишка бананового вина и удара по голове. Кроме того, он был обезоружен и беспомощен в руках работорговцев. Хотя это и случилось с ним, он никогда не доходил до такой степени ярости! Чисто звериного чувства!

Шло время, скрашиваемое редкими проникающими сквозь густую листву солнечными лучами. По состоянию своих израненных рук и ног Конан заключил, что его выволокли на то место, где он находился, через дремучий кустарник. На руках были тяжелые кандалы. Через упавшие на глаза волосы он поглядел вокруг, заметив количество, вооружение и расположение охранников.

Он был удивлен, увидев напуганную, с лицом белее мела, Чабелу в окружении мрачно глядевших чернокожих. Он даже не мог предположить, что она в плену. Он, однако, не видел Сигурда среди пленников. Это могло быть как хорошим, так и плохим знаком.

В это время на поджарой кобыле прискакал чернокожий в сером халате работорговца. Он был черным, как и все остальные, но тонкий и гибкий, с острыми чертами лица, что было необычно для местных перемен. Конан предположил, что работорговцы были Гхнатами, о которых совсем накануне рассказывал Джума. Это была нация негров-кочевников, населяющих пустыни вдоль нижних границ Стигии. В то время как кушитские и стигийские работорговцы охотились за народами Гхната, Дарфера. Гхнаты, в свою очередь, охотились еще южнее, в экваториальных джунглях.

Этот мужчина подскакал ближе и обменялся несколькими словами с начальником захватившей Конана группы. Тот обернулся, щелкнул хлыстом и крикнул надсмотрщикам команду поднимать рабов в путь.

Пленников выстроили в двойную колонну. Они были все вместе скованы кандалами, так чтобы в одиночку освободиться никто не мог. Гигант киммериец возвышался над окружающими его чернокожими и бросал яростные взгляды вокруг себя. Худой работорговец осматривал толпу пленных холодным презрительным взглядом.

— Клянусь Замби, — проворчал он, сплюнув. — Эта шваль принесет нам только убытки в Тамбуру!

— Точно, господин Мбонани, — кивнул его лейтенант. — По-моему, они год от года слабее, должно быть, нация вырождается…

В этот самый момент работорговец хлестнул Конана по плечу своим хлыстом. Как только хлыст коснулся кожи, Конан включился в действие. Быстрее мысли он схватил закованными руками хлыст и дернул с нечеловеческой силой.

Потеряв равновесие, работорговец рухнул к его ногам. От тут же вскочил, выкрикивая ругательства, и выхватил из ножен тяжелый острый, как бритва, гханатанский нож — скорее, короткий меч.

До того, как оружие покинуло ножны, Конан ударил работорговца, снова сбив его на землю. Конан тут же нагнулся, повалив закованных вместе с ним негров, и схватил выпавший нож. Еще один работорговец мчался к Конану, размахивая над головой топором и явно намереваясь раздробить ему голову. До того, как топор успел опуститься, Конан вонзил ему нож в живот по самую рукоятку, так что острие вышло со спины над самыми почками.

Как только работорговец, побледнев, рухнул на землю, тишину разорвали рев и крики людей. У закованного Конана не было ни одного шанса. Все же потребовалось пять человек, чтобы держать его, в то время как трое дубинами старались выбить из его головы остатки сознания.

Мбонана, стараясь держать своих помощников под контролем, смотрел на Конана с воодушевлением.

— Неплохо, — пробормотал он, — один, по крайней мере, подходящий. Да еще белый. Откуда он взялся?

— Я уже прежде говорил вам о нем, — ответил помощник. — Есть еще белая женщина, вон там, подальше.

Мбонани оценивающе поглядел на Чабелу.

— Эти двое — лучшее из всех, — сказал он. — Обходитесь с ними хорошо, Зуру, иначе с тобой обойдутся плохо.

Мбонани подъехал к тому месту, где стоял, пошатываясь Конан с лицом, напоминавшим кровавую маску. Когда Конан поднял окровавленную голову, Мбонани хлестнул его по щеке кавалерийским хлыстом.

— Это за одного из моих людей, белый человек! — рявкнул он.

Удар был болезненный, но варвар не моргнул и не вздрогнул. Он смотрел на работорговца с холодной, невыразимой ненавистью. Мбонани улыбнулся волчьей улыбкой, сверкнув ослепительно белыми зубами.

— Мне нравится твоя бодрость, белый человек, — сказало он. — Сохрани ее, и амазонки заплатят за тебя хорошую цену. А теперь вперед!

Сопровождаемая оборванными работорговцами, двойная колонна пленников двинулась по дороге в Тамбуру.

Конан шел вместе с остальными, его железное тело стоически переносило жару, жажду, мух и палящее солнце. Он подумал о потере Короны Кобры, но это была пустая мысль.

Он давно уже усвоил, что когда рискуешь жизнью, добыча становится просто посторонним фактом.

Со временем он заметил выпуклость на одном из седельных мешков Зуру. В глазах Конана мелькнул мрачный юмор. Лейтенант мог сколько угодно кланяться и заискивать перед капитаном Мбонани, но он, очевидно, был себе на уме.

Гханатанские работорговцы вывели своих пленников из джунглей на просторы саванны. На следующий день на горизонте показался сверкающий в лучах солнца каменный город Тамбуру.

Конан оценивающе посмотрел на город. В сравнении с блестящим Аграпуром — столицей Турана — или даже Мерое — столицей Куша — Тамбуру не производил впечатления. Однако, в стране, где большинство домов были незамысловатыми цилиндрами из высушенной травы и веток, да и вообще «городом» именовалась большая деревня по меркам северных стран, Тамбуру заметно выделялся.

Вокруг города была стена в два человеческих роста, сложенная из нецементированных каменных блоков. В стене было четыре входа, над воротами каждого возвышалась сторожевая башня с бойницами для лучников. Массивные створки ворот были из дерева.

Конан заметил кладку стен. Некоторые камни были обычно грубо обтесанные, полевые. Другие были из древнего гранита. Когда колонна прошла через западные ворота, Конан заметил, что дома внутри города демонстрировали ту же смесь. Большинство домов были в один — два этажа с соломенными крышами. Нижний этаж в большинстве случаев был сделан из старого, хорошо обработанного камня, верхний же выкладывался из нового и грубого. Тут и там кусочки скульптур, как например, мрачное демоническое лицо, виднелись на поверхности камня.

Основываясь на прежних знаниях о разрушенных городах, Конан пришел к своему заключению. Некий древний, возможно, прачеловеческий народ первоначально построил здесь город. Столетия назад предки нынешнего поколения овладели городом. В процессе постройки они использовали старые камни и повторяли, хотя и довольно грубо, методы строительства своих предшественников.

Копыта лошадей поднимали с каменной мостовой облачка пыли. Когда колонна вышла на

главную улицу, прохожие расступились и дали им дорогу.

Взгляд Конана перескакивал с одного на другое. Он заметил, что в этом городе различие между полами было необычным. Женщины были высокие и сильные, они ходили гордо, как большие черные пантеры, перепоясанные бронзовыми мечами. На шеях были ожерелья, они носили военные уборы из перьев, на плечах были львиные шкуры.

Мужчины же, наоборот, были маленькие, невзрачные чернокожие, на несколько дюймов ниже женщин: они убирали улицы, возили колесницы и таскали носилки. Конан, с большим даже для киммерийца ростом, возвышался над ними, как башня.

Колонна пересекла базар, с лежавшими под навесами товарами, и опустилась по широкой улице к центральной площади. Это огромное пространство, шириной в полет стрелы, с одной стороны ограничивалось королевским двором, древним сооружением из красного песчаника, весьма внушительно выглядевшим. У входа стояла пара массивных грубых изваяний из того же материала. Это были не изображения людей — видно было хотя бы из пропорций — но что они изображали, сказать было трудно, настолько они были изношены временем и погодой. Они могли быть и обезьянами, и совами, и пралюдьми.

Далее внимание Конана переключилось на странную яму в центре площади. Эта неглубокая впадина была добрых сто футов в поперечнике. Ее края опускались вниз в виде ступеней, как ряды каменных скамей в амфитеатре. Дно ямы было посыпано песком, на котором виднелись несколько луж от недавнего дождя. В центре этого песка стояла группа странных деревьев.

Конан за свои долгие путешествия не видел ни разу таких арен. Однако, он едва успел взглянуть на нее, как всех пленников загнали в сарай. Здесь они были оставлены до утра под сильной охраной.

Но и за это короткое время Конан успел заметить одну необъяснимую деталь. У основания странных деревьев на желтом песке лежала груда белых обглоданных костей — человеческих костей, какие находят в пещере льва-людоеда.

Конан размышлял об этой странности, пока шел до сарая. Он знал, что аргоссцы иногда скармливают людей львам на арене осужденных преступников: но эти арены были построены с таким расчетом, чтобы лев не мог выскочить и напасть на людей. Для этой цели яма была совершенно непригодна — лев мог бы выскочить без труда.

Чем больше думал Конан об этом явлении, тем тяжелее становилось у него на душе.

14. КОРОЛЕВА АМАЗОНОК

Рассвет оранжевым пламенем полыхал над приземистыми башнями города Амазонок. Это продолжалось недолго, поскольку в этих широтах солнце практически сразу появляется над горизонтом. С рассветом Конан, Чабела и другие вновь пойманные рабы, были выведены из сарая и приведены на площадь базара. Здесь их раздевали и по одному выводили на помост, показывая покупателям, назначали цену и уводили обратно.

Все покупатели были женщины, правящий пол в Тамбуру. Высокий, стройный Мбонани стоял сбоку, сохраняя бесстрастное выражение, пока покупательницы торговались с его лейтенантом Зуру. Женщины-воительницы уважали гханатанцев за их талант вылавливать рабов и ценили их значительно больше своих мужчин.

Когда пришла очередь Чабелы, она залилась краской стыда и на помосте старалась прикрыться руками. Когда Зуру привел ее обратно, она рыдала.

— Пять квиллов, — раздался голос из толпы.

Зуру окинул взглядом толпу тамбурианцев и сказал:

— Продано!

Поскольку оба говорили на испорченном гханатанском, служившим языком торговли в королевстве Куша, Конан все понял. Он удивился, что никто не перебивал такую низкую цену. Квилл представлял собой кусочек пера большой птицы, наполненный золотым песком: в стране Амазонок еще не умели применять монетную систему. Все же Конан удивлялся, что молодая красавица-аристократка была оценена так низко. Женщина, сидевшая в носилках за пологом и назначившая цену, была, должно быть, важной персоной и никто не осмеливался торговаться с ней, подумал Конан.

Он устал, хотел есть и находился в самом мрачном расположении духа. Его избили до потери сознания. Его заставили брести под палящим солнцем не одну лигу, почти не кормили и не поили, и чувствовал он себя, как лев с зубной болью. Так что, когда один из работорговцев дернул его за цепь, чтобы вывести его на помост, он почти, но еще не совсем — вспыхнул.

Еще несколько лет назад, Конан прикончил бы работорговца, не думая о последствиях. Но его кровью добытый опыт сейчас остановил его. Он мог убить этого стражника, и, возможно, еще нескольких, до того, как они, несомненно, одолеют его. Это были суровые люди, которые имели дело со многими непокорными рабами. Десять раз подряд один из них мог попасть метательным ножом в кольцо, сделанное большим и указательным пальцами.

Если Конан атакует их, он сможет нескольких убить, но остальные изрешетили бы его копьями и изрубили ножами, до того, как он успел бы наполнить легкие воздухом, чтобы рявкнуть боевой клич. И тогда — кто будет заботиться о Чабеле? Встав на ее сторону, он — хоть и не хотел в этом признаться — принял на себя ответственность за ее судьбу. Он должен выжить.

Его глаза прищурились, губы сжались в тонкую нить, на шее вздулись вены от еле сдерживаемого гнева. Его руки дрожали, когда пересилив себя, он взошел на помост. Ближайший стражник принял эту дрожь за признак страха, и, улыбаясь, что-то прошептал товарищу. Конан послал стражнику холодный, суровый взгляд, мигом согнавший с лица того улыбку.

— Эй, ты, раздевайся! — крикнул Зуру.

— Помоги мне снять ботинки, — спокойно сказал Конан. — Мои ноги сбились от долгой ходьбы. — Он уселся на помост и вытянул ногу.

Зуру присел и потянул ботинок. Мгновение он возился с ним. И тут Конан мягко подведя

одну ногу сбоку, ударил. Зуру отлетел, как выпущенный из катапульты камень и упал лицом в лужу.

С яростным воплем он вскочил на ноги. Выхватив кнут у стоящего рядом стражника, он с полуулыбкой на мрачном лице приблизился к Конану.

— Я проучу тебя, белый пес, — прошипел Зуру, свистнув кнутом.

Как только бич из кожи гиппопотама обвился вокруг него, Конан протянул руку и схватил его. Затем он, не вставая с помоста, подтянул Зуру к себе.

— Поосторожнее, малыш, — ухмыльнулся он. — Тебе бы не хотелось испортить свой товар, не так ли?

Мбонани наблюдал эту сцену, стараясь подавить улыбку.

— Белый пес прав, Зуру, — сказал он, — пусть его новый хозяин научит хорошим манерам.

Но Зуру был ослеплен яростью, чтобы послушаться даже своего хозяина. Незаметным движением он выхватил свой нож. Конан вскочил на ноги и собрал сковывавшую его руки цепь, намереваясь использовать ее как оружие.

— Стой! — раздался из палантина властный голос.

Его тон остановил даже разъяренного Зуру.

Из-за массивных занавесок, скрывавших пассажира от глаз толпы, показалась черная, вся в бриллиантах рука. Затем из палантина вышла женщина, и Конан в изумлении широко раскрыл глаза.

Женщина была шести с лишним футов высотой — почти такая же высокая, как Конан, и прекрасно сложенная. Черная, как блестящий эбонит, и солнечные лучи отражались от изгибов ее полных грудей, блестящих бедер и длинных мускулистых ног. Ее густые черные волосы были украшены бриллиантами и страусовыми перьями и сверкали голубым, розовым и изумрудно-зелеными цветами. В ее ушах сверкали необработанные рубины и нити жемчуга вокруг шеи испускали мягкое сияние. Браслеты чистого, мягкого золота украшали ее запястья и лодыжки. Кроме этого, единственной одеждой женщины была юбка из шкуры леопарда.

Нзинга, королева амазонок, задержала взгляд на Конане. Над базаром повисла тишина. Медленно ее губы раздвинулись в тонкой улыбке.

— Десять квиллов за белого гиганта, — сказала она.

Других предложений не было.

* * *

Новая жизнь рабыни оказалась для Чабелы почти невыносимой. Было достаточно плохо, что она любимая дочь могучего монарха, должна исполнять все прихоти черных женщин. Еще хуже было то, что рабыни выполняли все работы нагими, одежда полагалась лишь для свободных людей племени.

Она спала на грубой подстилке в комнате для рабынь. Могучая управляющая хриплым голосом и пинками поднимала их с первыми лучами солнца стирать и готовить, мыть и выскребать полы, прислуживать за королевским столом. Ей было тяжело видеть бывшего корсара Конана, лежавшего на возвышении, потягивающего банановое вино, закусывая рыбными пирожками и сладостями.

Ее уважение к неустрашимому киммерийцу пропало. Она не знала такого слова, как «Жигало», но ситуацию понимала достаточно хорошо. Ее отношение к Конану усугублялось еще и тем, что тот, казалось, не сопротивлялся статусу «любовника королевы». Ни один настоящий мужчина, достойный этого имени, думала она, не пал так низко бы, чтобы довольствоваться

таким положением. Опыт еще не научил ее, как научил Конана, принимать навязанные условия, если нет возможности их изменить.

Поскольку Конан был единственным человеком в этом городе, кого она могла бы назвать своим другом, Чабела совсем пала бы духом, если бы Конан в редких нескольких случаях, когда их никто не видел, не подмигивал ей. Это подмигивание значило — по крайней мере, она надеялась что так — «Смелее, девочка! Мы еще выберемся отсюда!»

С другой стороны, даже Чабела должна была признать, что королева Нзинга была великолепная женщина. Девушка старалась представить себе их поведение в постели, однако, при ее деликатном воспитании, ее знаний для этого недоставало. Она не могла предположить, что блестящая львица Тамбуру, будучи повелительницей народа, в спальне была лишь рабыней Конана.

Для королевы Нзинга это было тоже что-то новое. Ее опыт, и вся культура ее королевства предполагали, что женщина является естественным повелителем мужчины. Сотни королев правили до нее с Трона из Слоновой Кости. Все они притесняли и помыкали своими мужчинами, используя их в качестве слуг и машин для получения удовольствия и продолжения рода, сбрасывая со счетов, когда те заболевали или уставали. Так вела себя и она.

Пока гигант не вошел в ее жизнь, она с легкостью управляла мужчинами. Но Конаном нельзя было управлять: его воля была крепче стали, он был даже выше и сильнее ее. В его могучих руках — амазонка познала удовольствие, никогда ранее не испытанное. Она стала ненасытной в своих желаниях.

Она также стала легко ревновать Конана ко всем женщинам, которых он знал до нее. О них он, однако, ничего не говорил, игнорируя ее вопросы. В таких делах Конан проявлял грубое благородство, как она не умоляла и не терзала его, он оставался безмолвен, со слабой улыбкой на губах.

— А что ты скажешь об этой толстой, маленькой девчонке, которую поймали вместе с тобой? — требовала Нзинга. — Она была твоей любовницей, да? Ты находил ее мягкое, ухоженное тело желанным, не так ли? Более желанным, чем Нзинга?

Глядя на нее в моменты страстной ненависти, с пылающими глазами и дрожащими эбонитовыми грудями, Конан должен был признать, что со времени своей первой любви, Черной Пантеры, он не встречал женщины прекраснее Нзинги. Но теперь, когда он знал о ревности к Чабеле, он должен быть осторожнее, чрезвычайно осторожен. Он должен найти возможность рассеять это подозрение, иначе пострадает Чабела. Нзинга была способна отдать приказ размозжить голову любому, мужчине или женщине, вызвавшему ее гнев.

Конан старался сделать все, что было в его силах, чтобы хоть немного облегчить жизнь Чабелы. Теперь, однако, он не мог делать даже этого, чтобы не привлечь внимания Нзинги.

— Чабела? — зевнул он. — Я едва знаю это дитя. Она высокородная зингарка, а этот народ придает преувеличенное значение девственности. Если бы я любил ее, то она была бы не здесь.

— Что ты имеешь ввиду?

— Она покончила бы с собой, как они это делают на родине.

— Я не верю тебе! Ты стараешься защитить…

Конан схватил Нзингу в могучие объятия, опрокинул ее спиной на подушки и стал неистово целовать влажные губы. Только так можно было победить ее плохое настроение. В нынешней ситуации это был единственный выход заставить ее забыть о ревности…

15. ПОД КНУТОМ

Несколько дней прошли без происшествий. И вдруг…

Нзинга нежилась на подушках в своем серале или интимных апартаментах. Два дня назад перед белой рабыней Чабелой была поставлена тяжелая, изматывающая задача. Приказания отдавались на глазах у Конана. Нзинга позаботилась об этом, тщательно спланировав наблюдение за ним.

Зная о внимании королевы, Конан надел маску безразличия, хотя он внутри кипел, видя такое обращение с пленной принцессой.

Не сумев ничего узнать от Конана, Нзинга задумала разыграть финальную сцену, рассчитывая, наконец, узнать настоящие чувства Конана. Она объявила маленький праздник для нескольких ее приближенных амазонок-офицеров, могучих, сурово выглядевших, иссеченных шрамами женщин, в некоторых, по мнению Конана, было столько же женственного, сколько в боевом топоре.

Во время праздника Чабела исполняла прихоти своей хозяйки и ее гостей. Когда она разливала вино, одна из амазонок толкнула ее ногой. Вскрикнув от неожиданности, Чабела потеряла равновесие и опрокинула кувшин вина, обрызгав нескольких гостей. Одна из них, могучая амазонка по имени Тута, вскочила с бранью на ноги и с ужасной силой ударила провинившуюся рабыню ладонью по лицу. Девушка рухнула на земляной пол.

В глазах амазонки вспыхнули искры садистского удовольствия: вид съежившейся нагой девушки, казалось, добавил ей ярости. В мертвой тишине она приблизилась к рабыне, как пантера подкрадывается к своей жертве. В одной руке она сжимала остроконечный бронзовый кинжал.

В комнате было тихо, слышно лишь было, как блеснувшее в свете факелов лезвие с шипением покинуло ножны. С лицом, ставшим кровожадным, Тута наклонилась над рабыней и занесла кинжал.

Как загипнотизированная глядела Чабела за приближающимся оружием. Она знала, что надо вскочить и бежать, даже если ее все равно поймают. Но ужас и беспомощность положения отняли у нее силу ног, так что она лишь могла безнадежно смотреть. В следующее мгновение лезвие войдет в ее полную грудь.

Но тут амазонка застыла, как будто ее запястья сжали тиски. Подавляющая сила могучих рук парализовала ее, как до этого ее приближение парализовало Чабелу. Клинок выпал из ее рук, ударившись о пол со слабым металлическим звуком. Приподняв ее одним могучим движением, Конан швырнул полупарализованную женщину в дальний угол зала.

Конан прекрасно осознавал, к чему стремилась Нзинга. Он не мог позволить умереть дочери короля Федруго. С другой стороны, он понимал, что Нзинга сочтет такое вмешательство подтверждением своих подозрений и обратит свою ревность либо на одного из них, либо на обоих. Он выдавил улыбку.

— Конечно королева Тамбуру не столь расточительна, чтобы позволить убить свою рабыню за несколько капель вина, — сказал он улыбаясь насколько можно любезно.

Королева Нзинга смотрела на него холодно и невыразительно. Затем она сделала знак Чабеле, которая вскочила с пола и выбежала из комнаты. Напряжение спало. Конан вернулся на свое место. Чаша вина снова пошла по кругу, возобновилась застольная беседа.

Конан надеялся, что острый момент прошел. Он постарался утопить свои тяжелые мысли в сладком вине. Он не мог не заметить, что Нзинга время от времени смотрела на него сурово и

задумчиво.

Как только Чабела вышла из зала, могучие черные руки подняли ее и быстро понесли. До того, как она успела закричать, ей вставили и закрепили веревкой кляп. А затем на голову натянули мешок. Руки связали за спиной. Ее быстро понесли по коридорам и лестницам в ту часть дворца, о которой она ничего не знала. Наконец, ей развязали руки, чтобы снова привязать над головой к медному кольцу, висевшему на цепи, свисавшей с потолка. После этого ее оставили одну.

После остановки кровообращения в руках, боль в руках пропала, но руки онемели. Она слабо стонала в тихой комнате, моля, чтобы Конан узнал о се положении.

Но Конан сам в этот момент нуждался в помощи. Он лежал на ковре в обеденном зале, глаза его были закрыты, и он храпел, как далекий гром. Хотя он выпил весьма умеренно, его вдруг охватила неожиданная слабость. Он подумал, с усилием собравшись с мыслями, что, вероятно, Нзинга что-то подсыпала ему — но прежде, чем он успел что-то предпринять, его охватил столь глубокий сон, что и землетрясение не смогло бы его разбудить.

Нзинга скользнула по нему взглядом и приказала вынести из комнаты. Затем она поднялась и пошла по коридорам в комнату, где висела Чабела. Пока она шла, ярость разгоралась в ее сердце подобно пламени в треножнике, и в ее суровых глазах вспыхнуло пламя в предвкушении предстоящего.

С головы Чабелы сняли мешок и вынули кляп. Перед ней стояла хищно улыбающаяся Нзинга. Рабыня в ужасе вскрикнула.

— Кричи сколько хочешь, белокожая тряпка, — ухмыльнулась амазонка. — Это тебе нисколько не поможет!

Нзинга оглядела злорадно прекрасное тело, висевшей перед ней жертвы. Затем она отвернулась и выбрала из висевших на стене пыточных инструментов кнут. Шестифунтовый кнут из великолепного хвоста гиппопотама лежал на полу, как свернувшаяся змея. Чабела смотрела на него с ужасом. Королева вновь неприятно улыбнулась.

— Губы Конана никогда тебя не пугали, — сказала она, — так как напугает поцелуй моего любимца. И никогда его руки не ласкали, как приласкает кнут.

— Что я сделала такого, за что вы меня так мучаете?

— Ты отняла у меня сердце Конана с первой нашей встречи, — крикнула Нзинга. — Я никогда не знала такого мужчины. Но его руки сжимали тебя в ласках, его губы оставили пылающие поцелуи на твоей белой груди… Я знаю это… и я воспользуюсь знанием! Когда тебя не будет, он вернется ко мне и будет любить меня всем своим могучим сердцем. Я сделаю его королем Тамбуру — этого не добивался ни один мужчина за тысячу лет! — она щелкнула кнутом.

— Это неправда, — простонала Чабела, — он ни разу не коснулся меня!

— Ты лжешь, но поцелуй кнута вырвет из тебя правду!

Нзинга отвела руку назад и кнут, свистнув, обвил талию Чабелы. Девушка вскрикнула от острой боли. Кнут оставил алый след, из которого медленно сочилась кровь.

Нзинга медленно отвела руку для следующего удара. В комнате было слышно лишь порывистое дыхание Чабелы.

Снова свистнул кнут и крик страдания вырвался у девушки, когда он обвился вокруг ее бедер. С кровавым вожделением, исказившем ее прекрасное лицо, глядела Нзинга на извивающуюся в своих оковах обнаженную девушку. Она ударила снова, теперь ее эбонитовое тело блестело от мелких капелек пота. Вновь вскрикнула Чабела. Королева улыбнулась, облизав полные губы.

— Кричи в свое удовольствие, хилая рабыня! Никто тебя не услышит, никто не осмелится

придти и спасти тебя. Конан лежит в глубоком сне, из которого ему не вырваться несколько часов. В целом мире нет никого, кто бы помог тебе!

С дьявольским пылающим лицом амазонка ласкала глазами блестящее от пота и крови тело рабыни, отведя руку для следующего удара. Она собиралась продолжать истязание, пока девушка не умрет под кнутом.

Чабела не представляла себе, что кожа может выдержать такие пытки. Привыкшая к роскоши придворной жизни, она никогда не испытывала настоящей боли. К физической боли присоединились и душевные муки. Как единственная дочь старого любящего короля, она привыкла идти своим путем, редко советуясь со своим царственным отцом. И теперь от ударов кнута ее тело страдало от боли, а душа от унижения.

Зингарская знать часто держала черных рабов — их привозили из Куша стигийские и шемитские работорговцы — и Чабела знала, что их часто наказывали за подлинные или мнимые проступки, как это сейчас было с нею. Но в самых диких снах не могла она себе представить, что роли могут поменяться, и черная женщина будет истязать ее, как последнюю рабыню с зингарских плантаций.

Удар следовал за ударом, и Чабела сквозь кровавую пелену вдруг остановила взгляд на блестящем предмете, который лежал у противоположной стены на маленьком табурете: золотом головном уборе, украшенным бесчисленными бриллиантами, в форме свернувшейся змеи. Ну конечно! Она узнала Корону Кобры, которую Конан вынес из черного храма на Безымянном острове. Она попыталась сконцентрировать внимание на короне, чтобы забыть о страшной боли…

Корона, как она помнила, была украдена у Конана в Кулало — когда? Казалось, несколько лет назад. А что потом? Работорговцы, поймавшие ее и Конана, должно быть, отняли корону у первого вора.

Нзинга остановилась, чтобы глотнуть вина. Отдохнув, она снова продолжала кровавую забаву. Приготовившись к следующему удару, Чабела широко открыла глаза. Сквозь спутанные волосы, она наблюдала удивительную картину.

Позади полуобнаженной Нзинги происходили странные вещи. Сперва появилось слабое сияние — фосфоресцирующее излучение, напоминающее болотные блуждающие огни.

Затем зеленое свечение стало ярче и по размерам больше. Через миг в нем появилось сгущение высотой с человека.

Чабела затаила дыхание. Увидев, что девушка рассматривает что-то позади нее, Нзинга обернулась. В это время сияние превратилось в слепящее изумрудное пламя, а затем потускнело и пропало. На его месте стоял человек.

Человек был темнокож, высок и могуч. Его лицо напоминало бронзовую маску с резкими чертами, острыми черными глазами и орлиным носом. Его голова была недавно выбрита, так что кожа почти просвечивала сквозь ежик черных волос. На нем был простой белый хитон, оставлявший руки обнаженными.

С того времени, как Зароно и Менкара увидели его на троне, Тот-Амон заметно постарел. На лбу его блестели капли пота, так как магическая операция перенесшая его тело сюда из оазиса Хаджар, относилась к числу самых могучих, известных братству магов. Лишь несколько волшебников способны были выполнить ее, и это потребовало даже у Тот-Амона наивысшей отдачи. Нзинга была изумлена, что посторонний — к тому же презренный мужчина — неожиданно появился в ее камере пыток. Такое вторжение, бесцеремонное и необъяснимое, заслуживает смерти. Она открыла рот, чтобы крикнуть охрану, одновременно размахнувшись кнутом.

Стигиец смотрел со спокойной, загадочной улыбкой на смуглом лице. Заметив отведенный

для удара кнут, он вытянул руку к черной королеве. Из его пальцев в пространство поднялось ядовито-зеленое сияние, которое становилось все ярче и ярче, пока эбонитовая фигура Нзинги не потонула в ее свете.

Королева слабо вскрикнула и упала на земляной пол. Сияние ослабло и исчезло.

Какое-то предчувствие заставило Чабелу прикинуться потерявшей сознание и беспомощно повиснуть на веревках. Она уронила голову вперед, так что густая масса блестящих черных волос закрыла ей лицо.

Тот-Амон едва взглянул на нее. Она, очевидно, была рабыней, наказанной за какой-то проступок, и была вне его интересов. Он никогда не видел Чабелы близко, и не мог себе представить, что перед ним была принцесса, за которой Зароно и Менкара охотились по всему Черному берегу. Волшебники так же как и простые люди тоже могут промахнуться.

Когда Тот-Амон послал свое КА в мир духов, Конан и Чабела были еще в Кулало: Бвату еще не украл Корону Кобры. В то время будущее было еще слишком туманно возможными альтернативами для точного заклинания.

После того, как его единомышленники отбыли на поиски принцессы, Тот-Амон еще раз решил обратиться к волшебному камню. Прежде чем начинать могучее колдовство, способное перенести его в любую точку земли он хотел и, как можно точнее, определить положение Короны Кобры.

Поскольку он мог оставаться в конечной точке своего путешествия лишь ограниченное время, он не мог себе позволить оказаться на расстоянии нескольких лиг от места поиска.

Между тем, Бвату украл корону и был убит работорговцами. Зуру спрятал Корону и привез ее в Тамбуру, где королева Нзинга обогатила его на всю жизнь. Поэтому после колдовства с кристаллом Тот-Амон с некоторым удивлением узнал, что Корона теперь не в Кулало, а в Тамбуру.

О Конане и Чабеле он не беспокоился. Он полагал, что Чабела была еще в Кулало, где ее и найдут Зароно и Менкара. Во всяком случае, волшебство, перенесшее его в Тамбуру не годится для переноса еще одного человека обратно.

Что касается Конана, то Тот-Амон считал его лишь небольшим неудобством, вроде писка комара. Если Конан встанет на его пути, то он раздавит его как насекомое, но он не свернет со своего пути, чтобы преследовать Конана. В его игре ставки значительно выше, чем жизнь авантюриста-варвара.

Если бы Тот-Амон сфокусировал на Чабеле свой оккультный взгляд, он скоро бы узнал ее. Однако, именно сейчас все его внимание было сосредоточено на Короне Кобры. Его глаза восхищенно вспыхнули, когда он узнал предмет на табурете. Он быстро перешагнул через бесчувственное тело Нзинги и подошел к Короне. Дрожащими от волнения руками он поднял Корону и стал рассматривать ее в свете факела, проводя ласково сильными коричневыми пальцами по изгибам колец и огромным прозрачным бриллиантам, украшавшим ее.

— Наконец-то, — выдохнул он, сверкнув глазами. — С этим вся мировая империя в моих руках. И святое правление Отца Сета восстановится здесь и по всему свету.

Мрачная улыбка осветила его обычно бесстрастные черты. Тот-Амон сказал волшебное слово и сделал странный жест. Пульсирующая паутина зеленых лучей охватила и скрыла его. Сияние ослабло, превратилось в простую зеленую флюоресценцию и пропало.

Оставшись в комнате один на один с неподвижным телом королевы, Чабела освободилась от состояния страха и отвращения. Встав на цыпочки, она почувствовала, что может ослабить давление петли на руки. И хотя запястья были туго связаны, теперь, покрытые потом, они легко скользили в петле. Она попыталась освободить сначала одну руку, а потом другую. После бесконечных усилий одна рука, наконец, выскользнула, а за ней и другая.

Изможденная Чабела рухнула на пол. Ее руки так затекли, что она не могла пошевельнуть даже пальцем. Скоро, однако, кровообращение восстановилось, пальцы стали покалывать. Она сдерживала стоны, чтобы не разбудить своего врага, королеву.

Мало помалу, руки отошли. Она встала, пошатываясь, и склонилась над телом Нзинги. Великолепная грудь королевы мерно вздымалась и опадала, как при обычном сне.

Чабела побрела через комнату, туда, где стоял кувшин с вином, которым освежалась Нзинга. Принцесса пила сладкую жидкость жадными глотками. В ее тело вливалась новая сила.

Ее внимание снова привлекла королева. Глаза Чабелы заметили на ее поясе кинжал. Что мешает ей достать его из ножен и вонзить в грудь королевы? Она дрожала от ненависти к Нзинге. Она вытерпела от нее такие муки…

Но Чабела колебалась. С одной стороны, она не знала, насколько глубок сон королевы. Положим, она достанет кинжал. Но это движение может разбудить Нзингу, которая будучи сильнее маленькой, нежной Чабелы, связала бы ей руки и либо запорола бы ее насмерть, либо крикнула стражу. Даже, если Чабела получит оружие, не разбудив врага, ее первый удар может быть и не смертельным, и тогда королева успеет до второго удара позвать на помощь.

Ее удержало еще и другое. Кодекс чести Зингары, по которому она жила с малых лет, категорически запрещал убивать спящего врага. На самом деле, зингарцы нарушали этот кодекс так же как и другие народы. Но Чабела всегда старалась жить высшими идеалами своей нации. Если бы она смогла убить королеву без опасности для себя, она, может быть, и пересилила свое инстинктивное презрение к измене. Однако, все не так просто.

Она быстро пересекла комнату и отодвинула занавес, закрывавший вход. Собравшись с духом, девушка вступила вперед во тьму.

В комнате слабо светили факелы, их мерцающий свет вспыхивал на свешивающемся с потолка кольце, на кровавом кнуте и на распростертом теле черной королевы.

16. ЧЕРНЫЙ ЛАБИРИНТ

Покинув комнату пыток, Чабела заколебалась. Она никогда не была в этой части дворца и не знала, куда идти. Однако, она намеревалась любой ценой избежать нового плена.

Вглядываясь в пустые каменные коридоры, она решила, что, вероятно, находится в подземельях, расположенных, по слухам под королевскими покоями. Эти подвалы, понимала она, ревниво охраняются от глаз посторонних, поэтому она могла в любую минуту оказаться в руках стражи. Выбрав коридор, который, казалось, поднимался вверх, она устроила короткую передышку.

Тишина была полной, лишь далекие капли воды, слабые шорохи нарушали ее… Факелы из просмоленного дерева, укрепленные в бронзовых держателях, на больших расстояниях друг от друга освещали коридор слабым желтым светом… Но так далеки были эти факелы, что темнота пространства между ними сгущалась в темный мрак. В этой темноте Чабела заметила пару горящих, как рубины, глаз на кровле пола, как будто спешащий грызун остановился поглядеть на нее.

В зловещей тишине сквозь мрак скользила обнаженная девушка, напоминая белое приведение, дрожа от ужаса. Она чувствовала давление незримых глаз — или это были лишь нервы?

Коридоры изгибались и пересекались. Вынужденная пересекать дорогу, Чабела скоро поняла, что заблудилась и скитается наугад. Она без сомнения могла пойти по своим старым следам, но они привели бы ее к страшной комнате Нзинги. Делать нечего, нужно идти, моля Митру вывести ее на чистый воздух.

Пройдя еще немного, Чабела увидела, что достигла тюрьмы. По обе стороны стояли двери с медными решетками. Внутри темных камер виднелись заключенные, некоторые стонали и плакали, но большинство молчали.

Девушка вглядывалась в первые камеры, но вид был столь отталкивающий, что скоро она смотрела только на дорогу перед собой. Некоторые заключенные превратились в настоящие скелеты, как после многолетнего поста. Другие смотрели бешенными глазами сквозь спутанные волосы. Тела были грязные, все в лишаях и коросте, было несколько мертвых, и голодные крысы обгладывали их тела до костей.

Завернув за угол коридора, Чабела удивленно увидела в камере Конана.

Его массивное тело лежало на соломенной подстилке в углу. Она встала, как вкопанная, размышляя, что либо она сошла с ума, либо человек в клетке — могучий Конан.

Это был действительно киммериец. Он лежал так неподвижно, что она сочла его мертвым. Но когда ее глаза привыкли к мраку камеры, она заметила, как дышит его могучая грудь. Он, очевидно, был без сознания.

Поколебавшись, она позвала его, но ответом был лишь храп спящего варвара. Она подергала дверь камеры, но та была надежно заперта.

Чабела задумалась, размышляя, что предпринять. В любой момент стража Нзинги могла выйти из-за угла и найти ее. Самое мудрое было — спешить вперед, и все же она не могла оставить в беде могучего корсара, который рисковал собой из-за нее на Безымянном острове.

Она снова позвала его срывающимся шепотом. Тут она заметила стоящий на земле кувшин. Проверка показала, что в нем была вода. Должно быть, это было предназначено для обитателей камер.

Чабела поднесла кувшин к двери камеры. К счастью, спящий Конан лежал в камере так, что

его голова была у самой двери. Поэтому девушке удалось вылить содержимое кувшина через решетку на голову Конана. Рыча, кашляя, и отфыркиваясь, тот начал тяжело просыпаться. Он с усилием принял сидячее положение и невидящими глазами огляделся вокруг.

— Клянусь ледяными полями Имра, — пробормотал он. Тут его бессмысленный взгляд остановился на бледном испуганном лице Чабелы и он мигом проснулся.

— Вы? Во имя Крома, что случилось, девушка? — прорычал он. Оглядевшись вокруг в изумлении, он продолжал: — Заклинаю адом — где это мы? Что произошло? Моя голова в таком состоянии, как будто все демоны Пира колотили ее целый день…

В нескольких словах Чабела рассказала о своих недавних злоключениях. Конан поскреб челюсть, его львиный взгляд потемнел.

— Значит, Нзинга опоила меня, не так ли? Я мог бы это предвидеть, зная ее черное ревнивое сердце. Она не хотела, чтобы я проснулся и помешал ей в ее планах. Она, должно быть решила, что моя квартира в гареме не слишком безопасна, и приказала своим слугам, чтобы они перенесли меня вниз, в более спокойное место. — Он потрогал подстилку на которой лежал и тихо усмехнулся. — Какая роскошь! Похоже, что она снова собиралась меня использовать по-старому, после того, как сведет с вами счеты.

— Что же нам делать, капитан Конан? — спросила Чабела, чуть не плача. Тяжелое испытание значительно убавило запаса ее смелости.

— Делать? — Конан вскочил и потянулся. — Помешать этому! И сначала открыть дверь.

— Но у меня нет ключей…

— К черту ключи! — рявкнул он, положив руку на один из засовов. — Эти засовы из мягкой меди и стоят здесь целую вечность. Их уже коснулась коррозия, и если она зашла достаточно далеко, мне не понадобится ключ. А теперь отойдите назад!

Поставив ногу против засова, Конан согнул плечи и налег на зеленый от времени засов. Вся сила могучей спины, плеч и коричневых рук слились в одно титаническое усилие. Его лицо потемнело, дыхание стало хриплым. В свете факелов блестели капли пота на его высоком лбу. Его тело сверкало бронзовыми изгибами, как металлическая скульптура.

Чабела затаила дыхание и закусила губу.

Со слабым скрипом засов выскользнул из нижнего паза в дверном переплете, металл согнулся и подался. Затем с сильным треском засов сломался. Звук походил на щелканье огромного кнута.

Конан бросил засов на подстилку. Он прислонился к двери, жадно глотая воздух. Затем он ударом ноги распахнул дверь в коридор.

Чабела смотрела, широко открыв глаза.

— Я никогда не видела такой силы! — выдохнула она.

Конан разминал руки.

— Слава богу, я работаю так не каждый день, — сказал он с улыбкой.

Конан вглядывался в темноту коридора.

— Куда идти? Как нам выйти отсюда? И кто так исхлестал вас? Нзинга?

Она кивнула и в нескольких словах рассказала о событиях после случая в обеденном зале. Конан нахмурился, глаза его сверкали.

— Странная история, — сказал он, — и самое странное в этом волшебное появление стигийского волшебника, я думаю, что это был он. Я встречался с ему подобными в прежних путешествиях. Но я не знаю, как его имя. Вы уверены, что это не скелетоподобный пес Менкара? Он был в одной компании с Зароно в Кордаве.

— Нет, — покачала головой Чабела. — Я видела Менкару на борту «Вестрела» и сразу бы узнала его. Это худой, мрачно выглядевший мужчина среднего роста, который говорит глухим,

шелестящим голосом, как будто ему опротивел весь мир. Этот же человек, хотя, по-моему, и одной с ним расы, слишком отличен от него: много выше, сильнее, довольно красивый, привыкший приказывать.

Слушая одним ухом, Конан между тем осматривал коридор. Он интуитивно чувствовал необходимость действий. Если они и смогут когда-нибудь убежать из города амазонок, то только сейчас, пока королева лежит без сознания. Как долго будет продолжаться действие зеленых лучей стигийца, он не мог сказать.

Конан решил идти по идущему наверх ветренному коридору. Он остановился и вытащил из держателя тяжелый факел. Он довольно взвесил его в руке. По крайней мере, у него теперь есть чем защитить себя. Факел представлял собой палицу из твердого дерева, обмотанную промасленными тряпками. Одной из задач Чабелы было заменять факелы на новые и следить за их износом.

Неожиданный поворот коридора и Конан с Чабелой оказались лицом к лицу с отрядом вооруженных женщин. Это были высокие, суровые женщины, с могучими руками, высокой грудью и широкоскулыми лицами. На них были грубые кожаные нагрудники, окованные бронзовыми пластинами, и кожаные юбки.

— Схватить их! — раздался повелительный голос, и Конан заметил позади угрюмых рядов амазонок Нзингу. Прекрасное лицо черной королевы было искажено яростью.

Он безжалостно улыбнулся: выход был один — драться.

Конан был варваром из Киммерии, и для него многие южные обычаи казались излишне мягкими и смешными. Но у него было свое понятие о благородстве, и ему не нравилась идея драться, и, возможно, увивать женщин. Однако, поскольку это был вопрос жизни или смерти, он дрался.

Он не стал ждать атаки и одним прыжком оказался в гуще амазонок, размахивая горящим факелом направо и налево. Он мгновенно свалил двух огромных женщин, пробив им головы. Разъяренная амазонка замахнулась на него коротким мечом, он сунул ей факел в лицо. Она с криком упала назад: стараясь потушить вспыхнувшие волосы. Ему в грудь уперлось копье, он выхватил его свободной рукой и отбросил в сторону. Двигаясь со скоростью пантеры, он замахнулся факелом для следующего удара — и замер.

Нзинга обошла боровшихся женщин. Теперь она стояла, обхватив одной рукой Чабелу, а другой рукой приставила к ее горлу кинжал.

— Брось факел, белый пес, или твоя сука захлебнется в собственной крови! — скомандовала королева амазонок холодным мертвым голосом.

Конан обреченно выругался, но делать было нечего. Факел ударился о камни.

Амазонки окружили его, связали руки канатами из высохшей травы и привязали к бокам. Металлурги отсталой страны амазонок еще не научились изготовлять сложные замки. Замок из двери камеры, по предложению Конана, оставался от прежних обитателей города.

— Теперь он не страшен, о Королева, — доложила одна из женщин, — почему бы его не прикончить тут же?

— Нет, — сказала Нзинга, задумчиво глядя на сверкающее от пота тело Конана. — Я держу для него что-то получше. Он, растоптавший мою любовь, не достоин легкой смерти. Посадите их до утра в барак рабов. А утром притащите их к деревьям куламту.

Конану показалось, что при упоминании этого неизвестного ему названия, вздрогнули даже суровые амазонки. Но что может быть ужасного в простом дереве?

17. ДЕРЕВО — ЛЮДОЕД

Конан моргнул и прищурился от лучей показавшегося над джунглями солнца. Он с удивлением огляделся.

Амазонки привезли его и Чабелу на центральную площадь Тамбуру. С одной стороны стоял королевский дворец с охранявшими вход древними статуями. Конан лежал в широкой яме посреди площади на песчаном полу. Когда он первый раз увидел яму, она напомнила ему прежние дни в Аргосской долине Мессаните. Но площадь в Мессаните имела двери, через которые на арену выпускались гладиаторы или дикие животные. Здесь этого не было.

Другой непонятной вещью была роща в центре песчаной ямы. Должно быть это и были куламту, о которых говорила королева.

Он пригляделся поближе и заметил, что такие деревья он раньше не встречал, хотя по виду они напоминали банановые. Ствол выглядел мягким и пористым, но вместо того, чтобы разветвляться наверху, он кончался круглой, влажной, похожей на рот воронкой. Ниже ее окружали огромные листья, каждое почти размером с человека — длинные, широкие и толстые, покрытые похожими на волосы наростами с ноготь длиной.

Амазонки, одетые в шкуры леопардов, украшенные страусовыми перьями и примитивными ювелирными изделиями, заполняли каменные скамьи вокруг арены. Среди них было много знатных, которых Конан видел на праздниках Нзинги.

Он незаметно проверил веревки. Груды мускулов на руках напряглись, брови сдвинулись в усилии. Но травяные веревки сопротивлялись его могучим усилиям — немного поддались, но остались на своих местах вокруг ног и рук, связанных в голенях, коленях и запястьях. В этом есть некоторая ирония, подумал он, что он, который разрывал железные цепи, должен лежать связанным травой! Однако, те кто связал его, знали свое дело.

Скамьи были почти заполнены. По приказу Нзинги, сидевшей среди своих офицеров, охрана подтащила Конана и Чабелу поближе к роще странных деревьев. Затем они поспешно отошли, оставив пленников беспомощно лежать на песке.

Сидевшие на скамьях амазонки, громко беседовали, улыбаясь и показывая на них пальцами.

Чабела вскрикнула. В это же время Конан почувствовал прикосновение к ноге и посмотрел в чем дело.

— Кром! — выдохнул он.

Один из огромных листьев куламту опустился вниз и обвился вокруг его лодыжки. Чабела вскрикнула снова, и Конан увидел, что ее руки и ноги исчезли в листве дурного дерева.

Конан сжал зубы. Он не знал этой части Куша. Но много лет назад, когда он путешествовал вдоль Черного Берега с Балит, он слышал ужасные рассказы о джунглях от своего проводника. Эти слухи включали и истории о дереве-людоеде: но Конан принял их за рассказы предубежденных варваров.

Но теперь его загорелое лицо побледнело, потому что он понял происхождение высохших человеческих костей у деревьев. Толстые листья медленно оплели его тело, стараясь поднять к воронке, чтобы потом забросить его туда. Дьявольское дерево сожрет его живым. Кислота, выделяемая внутренними тканями, растворит кожу и, в конце концов, от него останется куча белых костей.

К тому времени его тело обвили три листа, несмотря на его попытки откатиться. Медленно они стали поднимать его наверх. Каждый волосок крепко прилип к его телу. Ужас и злость придали ему прилив силы.

Наконец, сквозь крики со скамеек, Конан услышал слабый звук страшно его обрадовавший. Это был треск лопнувшей веревки. Затем еще одной.

Конана осенило, что листья тоже выделяют разъедающую жидкость, которая растворяет и ослабляет травяные веревки. Он бешено задергался и разорвал оставшиеся путы. Освободившейся рукой, он отодвинул приблизившийся к нему лист. Он оторвал остальные листья и упал на песок. Его тело, там, где прикоснулись листья, было покрыто красными точками.

По реву скамеек, Конан заключил, что такое здесь случилось впервые. Нет сомнения, что прежде амазонки были достаточно осторожны и кормили деревья лишь ослабевшими от пыток жертвами. Они никогда не предлагали растениям-людоедам человека необычного размера и силы, в расцвете своих возможностей. Оторвав последний лист, Конан решил извлечь максимум пользы для себя из их ошибки.

К этому времени, Чабела, спеленатая с головы до ног листьями, как мумия, уже почти достигла воронки. Конан подпрыгнул, ухватился за поймавшую ее крону, и дернул. Его вес листья не выдержали. Они обломились, некоторые наполовину, а другие совсем отвалились от ствола. Конан упал на песок сжимая девушку в руках. Он быстро сорвал облепившие ее листья, которые извивались, как от боли. Как и у него кожа Чабелы была покрыта красными точками. Затем он разорвал ее травяные путы. Они тоже были съедены наполовину, так что больших усилий не потребовалось.

Крики на трибунах превратились в рев. Несколько стражниц спустились на арену и спешили к ним, сверкая бронзовым оружием. Конан снял последний лист с лица Чабелы, чтобы она могла дышать, и приготовился встретить своих лютых врагов.

Они не набросились на него с мечами и копьями, как он ожидал. Вместо того, они встали в нескольких ярдах от него и, потрясая оружием, выкрикивали оскорбления и угрозы. Наконец, он понял, что перед ними стояли не просто безоружные пленники, а деревья за ними. Их колебания могли быть вызваны простым страхом деревьев-людоедов, либо деревья почитались, как божества. Но какова бы ни была причина их колебаний, она подсказала ему мысль.

Повернувшись, он налег плечом на дерево, собиравшееся пожрать его. Теперь оно раскачивало сломанной верхушкой и не пыталось схватить его. Ствол выглядел мягким и пористым и, возможно, был не тверже бананового дерева, которое он напоминал.

Конан всем телом налег на ствол и почувствовал, что тот легко поддается. Еще одно усилие, и из земли показались маленькие отростки, служившие дереву корнями.

Крик возмущения святотатством раздался с трибун, когда Конан сломал дерево. От корня до вершины оно было около десяти фунтов и где-то фунт толщиной, на удивление легкое для своих размеров.

Конан напал на амазонок, используя дерево как таран. От его атаки они растерялись и отступили. Он довольно ухмыльнулся. Амазонки, очевидно, боялись своего священного дерева и предпочитали не приближаться к нему. Поворотом ствола он сбил двух стражниц на землю, а остальные побежали к трибунам.

Но тут на него железным дождем обрушились дротики. Один из них воткнулся в ствол рядом с рукою Конана. Несколько метательных ножей просвистело над головой, как бумеранги.

— Чабела! — крикнул он. — Бери одно из этих копий и следуй за мной.

Они побежали к трибунам. Конан впереди, толпа амазонок перед ним рассеялась, когда он размахнулся верхним концом дерева, брызгая разъедающим соком во все стороны. Они вдвоем выскочили на площадь и помчались по улицам к Западным воротам.

Выскочив из ямы, Конан ожидал увидеть половину Тамбурской армии, собирающейся атаковать его. Вместо этого, на площади была удивительная пустота. По воздуху носились

горящие стрелы, ближайшие крыши пылали. На камнях лежало несколько трупов с копьями в груди. Военный крик потряс город. Город Амазонок атаковали.

Толпа черных воинов, несомненно мужчины, заполнили улицы у Западных ворот. Они встали в ровные ряды и медленно продвигались, осыпая отряды амазонок стрелами и копьями.

Над головой стрелков Конан заметил старого товарища Джуму и окликнул его. Тот заметил его, улыбнулся и крикнул команду своим людям. Шеренга сломалась и стрелки со щитоносцами окружили Конана, размахивающего деревом, и Чабелу. Затем отряд начал отступать с площади, отчаянно обороняясь и не нарушая строя.

Конан улыбнулся и хлопнул Джуму по плечу.

— Я рассчитывал, что ты придешь, — сказал он. — Как раз вовремя!

Джума прикрыл Конана щитом от летящих стрел.

— Не знаю, но мне кажется, что у тебя и так все в порядке!

Пока они продвигались к Западным воротам, Джума объяснил Конану, что его люди в конце концов напали на след работорговцев в Тамбуру, тогда он собрал армию черных воинов и двинулся на столицу амазонок.

— Я боялся, что мы не застанем тебя живым, — закончил он. — Я должен признать, что ты, как обычно, был в центре боя и захватил весь город голыми руками.

Достигнув ворот, Конан увидел золотую бороду и голубые глаза Сигурда, который был оставлен с отрядом моряков держать свободным путь отступления черной армии. Они приветствовали друг друга, но времени для объяснений не было.

Выйдя из ворот, Конан улыбнулся, радуясь, что видит город королевы Нзинги в последний раз. Королева была восхитительной женщиной и любовницей, но Конан не был из тех, кто может удовлетворяться ролью Господина Короля, он подозревал, что до него не один любовник черной королевы был отдан в жертву деревьям-людоедам после того, как Нзинга уставала от их ласк.

— Я вижу, что ты имел в виду, когда говорил, что тренируешь своих стрелков в «Туранском стиле», — сказал он Джуме.

Из ворот вышел преследующий их отряд амазонок, но воины Джумы сплотили ряды и осыпали их дождем стрел, пока оставшиеся в живых не ушли обратно в город.

Скоро они достигли леса. Здесь отряд остановился на отдых и Конан с Сигурдом радостно обнялись. Сигурд посмотрел на Чабелу и преклонил колено.

— Принцесса, — сказал он шокировано. — Клянусь грудью Иштар и бездонным брюхом Кедха, но вы должны быстрее одеться. Что сказал бы ваш отец? Вот возьмите это.

Он скинул рубашку и протянул ее девушке, которая надела ее и закатала рукава. Благодаря огромному росту Сигурда, рубашка его была Чабеле почти до пят.

— Благодарю вас, Мистер Сигурд, — сказала она, — вы правы, конечно, но я так долго ходила нагой среди нагих людей, что стала привыкать.

— Куда теперь, Конан? — спросил Сигурд. — Не знаю, как ты, но с меня достаточно этих джунглей. Если москиты и слепни еще не съели тебя живьем, то львы будут счастливы доесть то, что осталось.

— Назад, в Кулало, — ответил Конан, — а потом, не откладывая, на борт «Вестрела». Если оставленная команда не дождалась нас и уплыла, я сдеру с них шкуру живьем.

— Но вы обязательно должны быть на нашем празднике победы, — запротестовал Джума. — Теперь, когда мои воины победили амазонок, моя империя несомненно завоюет всех соседей. Мои люди жаждут утонуть в банановом вине…

— Благодарю друг, — ответил Конан, — но наше место в Зингаре, где готовится заговор против короля. Наша победа еще впереди.

18. КРУШЕНИЕ «ВЕСТРЕЛА»

Переход через джунгли от Тамбуру до столицы Джумы Кулало и дальше до устья Зикамбы, где они оставили «Вестрел», занял несколько дней. Чабела слишком устала, чтобы путешествовать пешком и поэтому чернокожие быстро сделали маленький палантин из бамбука и грубой материи, в котором принцесса путешествовала в относительном комфорте.

Что касается Конана, то несколько часов отдыха, полбурдюка вина и огромный кусок мяса полностью возродили его. Не в первый раз Конана выручила его поистине звериная воля к жизни, намного превосходившая силу людей тех стран, по которым он путешествовал, но он особо не гордился своим физическим превосходством, полагая, что это дар предков или богов и, следовательно, не является поводом для гордости.

К закату солнца они достигли пальмовых берегов Зикамбы. К тому времени, когда они дошли до устья, показалась луна, похожая на медный щит. Здесь река впадала в море.

Тихо шумел пресноводный поток, темный от морских наносов. И здесь их ждала потрясающая картина.

Сигурд вздохнул, приходя в себя, и пробормотал несколько замысловатых проклятий. Конан молчал, но бесстрастная бронзовая маска его лица потемнела от гнева.

«Вестрел» лежал на киле, полузатопленный, с залитой водой палубой. Вместо мачт с обгорелой палубы торчали черные пеньки. Из этих фактов в виде десятков могильных холмиков на берегу, Конан заключил, что здесь был бой, и что «Вестрел» потерян.

Звук приближающейся братии Джумы, поднял часовых. Послышались предупреждающие крики и шум шагов. Свет факелов сверкал на обнаженных кортиках в руках суровых моряков. Конан отодвинул воинов в сторону и сам вышел вперед.

Они были в жалком виде. На большинстве висели грязные тряпки, головы и тела были неумело перевязаны. Помощник Зелтран торопливо вышел вперед. Его правая рука была перевязана, а кортик он держал в левой.

— Капитан! — вскричал он. — Вы ли это? Утонуть мне в луже, если мы думали, что снова увидим вас. Джунгли, казалось, проглотили вас!

— Я жив, Зелтран, — сказал Конан. — Но что здесь случилось? Были большие неприятности, я вижу, но кто их доставил?

Зелтран грустно покачал головой. Когда-то толстый, маленький помощник, сильно похудел.

— Этот пес Зароно! — прорычал он. — Три дня назад его «Петрел» захватил нас врасплох… Было достаточно часовых, мой капитан, — но все часовые в мире не смогли бы заметить «Петрел». На нас опустился плотный туман — такой плотный, что эти глаза ничего не видели. Видно было, как через гранитную плиту.

— Да, капитан, святая правда, — подтвердил матрос. — Я вам скажу, это было колдовство — Черная магия, сгореть мне на этом месте.

— И под покровом этого таинственного тумана «Петрел» подошел и уничтожил корабль, не так ли? — прорычал Конан.

— Да, сэр, — сказал Зелтран, — именно так оно и случилось. Сперва мы услышали скрип борта Зароно о наш, и тут же его люди перескочили через борт и бросились на нас. Клянусь, мы честно дрались — посмотрите на наши раны, но на их стороне было численное превосходство и неожиданность. В конце концов, они покидали нас за борт. Я старался прикрыть отступление.

— Точно, капитан, — вмешался в разговор другой матрос. — Вы бы только видели — и вы бы гордились — как он работал своим кортиком.

— Но тут что-то стукнуло меня по голове, — продолжал помощник, когда я пришел в себя, то оказалось, что меня привязали к мачте, и эти псы Зароно стоят вокруг и насмехаются. Тут пришел и сам черный Зароно, очень элегантно выглядевший в своем кружевном воротнике, и с ним этот змеиный священник Менкара.

«Эге, мой милый, — сказал Зароно, — а где же твой хозяин, варвар Конан?»

«Ушел на берег, сэр», — ответил я.

Зароно ударил меня по зубам.

«Я это вижу, глупец, — сказал он, — но куда на берег?»

«Я не знаю, сэр, — сказал я, не понимая, что его так могло взбесить. — Он друг предводителя отряда черных воинов, которые здесь живут, и он ушел их навестить».

«А где эта зингарская девчонка, что была с ним?» — спросил Зароно.

«Ушла с ним, насколько мне известно», — ответил я.

«Но куда? Куда и как далеко?» — спросил Зароно.

Я настойчиво твердил, что не знаю, где находится Джума, даже, когда они прижигали мне правую руку раскаленным железом. Я покажу вам ожоги, мой капитан, когда они немного заживут. Потом Зароно и стигийский священник отошли в сторону и шепотом посовещались. Священник установил на верхней палубе волшебный аппарат и бормотал и кружился до тех пор, пока перед ним не вспыхнул красный свет. Наконец, он сказал Зароно: «Я вижу, как ее несут в паланкине могучие воины через джунгли. Больше я ничего сказать не могу».

Это прямо взбесило Зароно, должен сказать. Он несколько раз ударил меня по лицу, просто чтобы выместить свою злобу. «Как, во имя богов, — сказал он, — я смогу прочесать огромные джунгли Куша, чтобы найти девушку, да еще отбить ее потом от армии могучих варваров? Это все равно, что забраться на луну!»

Еще немного посовещавшись, Зароно и Менкара решили сжечь и затопить «Вестрел», и идти в Кордаву. Они собирались по дороге зайти в Стигию, чтобы захватить с собой их союзника, которого зовут, если я правильно понял, Тот-Амон.

— Тот-Амон? — переспросил Конан. — Наши пути пересекались и прежде. Это самый опасный из всех врагов. Но продолжай. Эти псы, кажется, не стеснялись тебя в разговоре.

— Э, капитан, они не собирались оставлять меня в живых, чтобы рассказать вам все эти истории! Зароно отдал приказ. Одна группа матросов села в шлюпку и продырявила корпус нашего корабля ниже ватерлинии. Другая обложила хворостом мачты и подожгла их.

— А ты был привязан к одной из них?

— Точно, сэр, к фок-мачте. Естественно, мне не понравилась идея поджариться живьем, так что пока люди Зароно готовились к отплытию обратно на «Петрел», ведь они не хотели сгореть вместе с нами, — я молил Митру и Иштар, и Асуру, и всех других богов, чтобы они помогли мне отвязаться. Не знаю, были ли услышаны мои молитвы, но не успел «Петрел» скрыться за горизонтом, как начался дождь.

Тем временем «Вестрел» все погружался в воду, пока не лег килем на грунт. А я вертелся и кружился вокруг мачты, пока не освободил руки.

В это время дождь окончился. И когда я совсем отвязался, то стал сбивать пламя, хотя мачты, снасти спасти не удалось. Вот и все.

— С его стороны было бы умнее не пытаться сразу поджечь и потопить корабль, — пробормотал Конан, — либо то, либо другое, — но два способа взаимно исключают друг друга. — Он потрепал Зелтрана по плечу, от чего тот болезненно сморщился. — Я верю тебе и ребятам, что вы сделали все, что смогли. Но теперь мы должны подумать, как сделать «Вестрел» снова годным для плавания, и как можно скорее.

— Нет, мой капитан, — грустно покачал головой Зелтран, — я не вижу способа как это

сделать, если не затратить на это несколько месяцев. Здесь нет верфи, да и кораблестроители в джунглях найти не так просто.

— Мои люди помогут вам восстановить судно, — тихо выступил вперед Джума. — Много сильных рук облегчит задачу.

— Возможно, и я тебе благодарен за это, — задумчиво сказал Конан. — Но что понимают твои воины в восстановлении судов.

— Ничего: мы не народ-мореплаватель. Но нас много и мы сильны, и среди нас много искусных ремесленников-столяров. Если твои люди будут руководить ими и покажут, что делать, они будут работать, как титаны, пока не окончат работу.

— Прекрасно, — сказал Конан бодрым голосом, и обратился к команде. — Друзья, мы проиграли битву, но мы еще не проиграли войну! Черный Зароно, который победил нас благодаря черной магии, плывет сейчас к берегам Зингары, где он надеется свергнуть нашего покровителя и друга старого короля Федруго. Люди короля Джумы помогут нам привести судно в порядок. И тогда, не откладывая, мы поплывем мстить негодяю и спасем нашего короля от его козней. Что скажете?

— Мы потеряли немало добрых моряков, — сказал боцман, кивнув на земляные холмики.

— Но с нами аргоссцы Сигурда! Если вы забудете о вражде, то вместе мы сможем своротить горы. Так что скажете? Скажите громко и ясно!

Моряки заревели, выражая согласие, и их кортики сверкали в лунном свете.

Конан никогда не видел, чтобы люди работали так упорно. Они привязали к сгоревшим пенькам мачт тросы и подняли корабль. Они ныряли в трюм и достали инструменты. Они валили деревья, распиливали их и забивали пробоины в корпусе. Они откачали воду, так что корабль снова смог держаться на воде.

Они свалили несколько деревьев, чтобы, обтесав их, сделать мачты. Пока женщины изготовляли новую ткань, мужчины Кулало добывали деготь из смолы. Работа кипела день и ночь, и даже маленькие дети светили, держа факелы высоко над головой.

Наконец пришел день отплытия. Корсары шатались от усталости или от вина, или от того и другого, но «Вестрел» был готов отплыть с первым бризом. Всю ночь люди Джумы несли через джунгли провизию на берег: бочонки воды, мешки с пирогами, корзины со свежими фруктами, копчеными бататом и ямсом, и другими овощами, провизии было достаточно, чтобы доплыть до другого края земли.

Когда небо на востоке побледнело, Конан попрощался с Джумой. Когда-то бок о бок воевали в легионах короля Юлдиса Туранского, потом вместе шли по бескрайним пескам Такамаса навстречу маленьким узкоглазым воинам с их удивительными кожаными латами и каменному движущемуся идолу из неизвестной долины Меру. В этот раз они вместе дрались в долинах Куша, в душных Кушитских джунглях.

Молча улыбаясь сквозь слезы, они сжали друг друга в могучем объятии. Они не говорили ничего, потому что оба догадывались, что им не встретиться больше в этом мире.

«Вестрел» поднял паруса. Поймав попутный ветер, они натянулись и загудели.

Черные воины с женами и детьми стояли вдоль берега, и махали на прощанье, а «Вестрел» вышел в голубые воды и курс его был на Зингару.

19. В КОРОЛЕВСТВЕ ВСЕ СПОКОЙНО

На закате дня «Вестрел» вошел в Кордавский порт. К ночи тяжелые облака закрыли звезды.

Несколько глаз заметили легкий каркас, молча скользнувший вдоль портовой косы, и приставший к редко используемой пристани вдали от набережной. Конан решил, что надо войти в город как можно незаметнее, так как он не знал, захватил ли Виллагро власть, и как давно Зароно и Тот-Амон в городе. То, что они опередили его, стало ему ясно, когда Зелтран тронул его за руку и показал:

— «Петрел» Зароно! — прошипел он. — Мой капитан, мне кажется, что поскольку никого поблизости и нет, могли бы разбить и потопить его…

— Держи себя в руках, мой боевой петушок, — задумчиво улыбнувшись, пробормотал он. — К чему безрассудство? В нашей игре высокие ставки. Вероятно, наши друзья не здесь, а в замке Федруго, распускают свою паутину, чтобы поймать старика.

— Поспешим же во дворец, капитан Конан, — нетерпеливо тронула его за плечо Чабела. — Ваши люди поспеют потом. Мы должны предупредить отца о готовящемся заговоре, а не то эти предатели Зароно и Виллагро могут…

— Поспокойнее, — сказал Конан, улыбаясь, — спешить пока некуда. Я давно научился не лезть в капкан, если могу обойти его. Мятежный князь и Тот-Амон могли захватить власть, и идти во дворец, все равно, что играть в муху и паука. Нет, у меня другая цель…

— Какая цель? — спросила Чабела.

— Сначала мы должны посетить одно место в Кордаве, где я буду в безопасности: «Девять Нарисованных Шпаг».

— «Девять Нарисованных Шпаг»? — повторила она.

— Это не из тех мест, где бывают девушки вашего круга, но для наших целей оно подходит. Верьте мне, девушка! Зелтран, я беру десять человек. Дай плащи и фонари, и позаботься, чтобы они были все хорошо вооружены.

Улицы были тихи, как в некрополе. Сигурд, суеверный, как все моряки, содрогался, идя рядом с Конаном по булыжникам, и сжимая рукой рукоятку кортика.

— Я уверен, что они все мертвы или заколдованы, — пробормотал он, опасливо оглядываясь по сторонам. Конан приказал ему замолчать из боязни привлечь внимание.

Так, незамеченная никем, кроме кордавских котов, группа моряков, завернувшись в плащи, и пряча под шляпами лица, подошла к «Девяти Нарисованным Шпагам». Когда они вошли, старый Сабран раскинув руки подошел к двери.

— Прошу прощения, но мы закрылись на ночь, — сказал он. — Правительство приказало всем тавернам закрыться этой ночью с заходом солнца. Так что я прошу вас… о!

Конан снял шляпу и плащ, и приблизив лицо к кабатчику, пробормотал:

— В чем дело, мой друг?

— О, как я не узнал вас с первого взгляда… Но, конечно, «Девять Нарисованных Шпаг» всегда открыта для Конана-киммерийца, по закону или без него. Входите, друзья, входите. Я мигом разведу огонь и спущусь в подвал, и вы получите все, что пожелаете.

— Зачем правительству понадобилось закрывать тебя сегодня ночью так рано? — спросил Конан, сев на место, откуда была видна дверь.

— Только Митра знает, — пожал плечами кабатчик, — королевский указ появился вчера вечером… Это было странное время, в самом деле, странное. Сперва капитан Зароно приплыл бог знает откуда, с целым отрядом стигийцев и направился во дворец короля Федруго, как в свой

собственный. Ему не сказали ни слова, как будто он заколдовал королевскую свиту. И потом все эти новые декреты: городские ворота закрываются с закатом и так далее. Князь Виллагро стал маршалом полиции и в городе воцарились железные законы. Странно, капитан, странно и непонятно. И ничего хорошего из этого не выйдет, попомните мои слова!

— Это удивительно, — сказал Сигурд.

— Что удивительно? — спросил Конан.

— Клянусь глазом Дагда и ногой Орвандела! Твой друг сказал, что город закрыт, как барабан, но мы беспрепятственно вошли в порт. Почему Виллагро не поставил своих головорезов охранять порт.

— Они думают, что «Вестрел» все еще лежит на песке в устье Зикамбы, — сказал Конан.

— Ах, да! — вспомнил Сигурд, — я и забыл. Зароно никак не мог предположить, что мы даже с помощью людей Джумы починим корабль так быстро.

— Все правильно, рыжебородый, — кивнул Конан. — Если все пойдет хорошо, король Федруго будет обязан твоим черным воинам, о которых он никогда не слышал и не видел.

— Я раньше ценил чернокожих невысоко, — сказал Сигурд. — Они всегда мне казались набитыми предрассудками и детскими страхами. Но твой друг Джума открыл мне глаза. Он прирожденный вождь, даже не хуже тебя. Да, в каждой нации и у каждого народа есть свои герои и свои предатели.

Но болтать времени не было. Конан расспросил Сабрана, и тот толково объяснил ему многие вещи, которые как предполагал и боялся корсар, могли произойти. Виллагро еще не захватил трон, но это могло быть делом нескольких часов. Верные гарнизоны под тем или иным предлогом были отправлены за границу, или исчезли, или были арестованы и посажены в тюрьмы по смехотворным обвинениям. С вечера сегодняшнего дня дворец был изолирован от города. Ключевые посты заняли люди Виллагро. Некая церемония имела место во дворце, но какая именно, Сабран не знал. Что-то должно было произойти.

— Отречение от престола и я полагаю, — пробормотал Конан, мечась по таверне, как разъяренный лев. — Мы должны попасть во дворец, но как? Виллагро и Зароно полностью блокировали его. Этот Тот-Амон должен держать Федруго под ногтем. Но если нам удастся предстать перед королем с его дочерью, шок может развеять колдовство… И тогда мы сможем победить предателей. А, кстати, где этот чертов Минус?

Сигурд удивленно поднял брови. Конан спросил у Сабрана о здоровье маленького друга — священника. Кабатчик ответил, что тот выздоровел и вернулся к исполнению своих обязанностей в храме. Поэтому Конан поручил матросу привести его в таверну.

— Кто этот Минус? — спросил Сигурд.

— Я знаю его уже несколько лет, — пожал плечами Конан, — с тех пор, как мы были ворами в Заморе. Он вернулся в Зингару, когда даже благословенный город Замора стал слишком опасен для него. Здесь он повстречался с одним миссионером культа Митры, который убедил его, что священники в этом мире только и делают, что гуляют на праздниках и наживаются на глупости прихожан. Будучи одним из тех людей, которые знают куда ветер дует, он мигом впал в религиозность и стал священником Митры. Но если и есть в Кордаве человек, который знает тайный вход во дворец Федруго, так это он! Он был умнейший вор, которого я знал — умнее даже Тауруса Немедийского, которого люди называли королем воров. Он мог найти двери, которые никто…

Напряженные уши Конана уловили звук гонга. Чабела вздрогнула и вцепилась в его руку.

— Колокола башен всех богов! — выдохнула она. — О, Конан, мы слишком поздно!

— Что вы имеете ввиду? — впился в нее глазами Конан. — Да не тяните же!

— Колокола — они извещают, что король собирает аудиенцию! Мы слишком поздно

появились — она почти уже началась…

Конан и Сигурд обменялись быстрыми взглядами и, открыв окно, взглянули на дворец на горе.

Здесь и там вспыхивали огни. Чабела была права, церемония началась.

20. КОРОЛЬ ТОТ-АМОН

Обстановка в тронном зале короля Федруго напоминала напряженную драму. Небо освещалось частыми сполохами, и в высоких остроконечных окнах сверкали серо-голубые молнии.

Зал был большой и высокий. Круглые стены и ряды колонн из серого гранита, украшенные резным мрамором, поддерживали высокий потолок. Этот дворец был архитектурным шедевром королевства Федруго.

Ярко светили толстые, величиной с руку воина, свечи в золотых подсвечниках. Свет факелов и ламп отражался в зеркальных щитах и блестящих шлемах стражников, стоявших вдоль стен зала.

Охраны присутствовало значительно больше, чем в обычных случаях. Это само по себе вызывало неуверенность и подозрение в группе вельмож и офицеров, вызванных королевскими герольдами. Им было приказано тихо и быстро прибыть во дворец, чтобы присутствовать при чтении королевского указа. Была и еще причина для беспокойства — одежда стражи. Хотя некоторые носили мундир Легиона Трона — личной гвардии короля, большинство были цвета Виллагро — князя Кордавы.

В центре зала, на огромном постаменте из блестящего зеленого малахита, стоял трон розового мрамора. На нем сидел Федруго Третий.

Собравшаяся знать в последнее время редко видела своего короля. Они с удивлением смотрели на него, насколько он постарел за это время. Его кожа казалась пергаментом, а руки его дрожали. Щеки впали так, что выступили скулы. Свет ламп бросал глубокие тени на его лицо, и глаза его спрятались в темных впадинах глазниц под седыми бровями. Свет вместе с худобой делали его похожим на призрачного скелета.

На его голове, казавшейся слишком тяжелой для тонкой морщинистой шеи, покоилась древняя корона короля-героя Рамиро, основателя династии. Это был простой эллипсоид из золота, окруженный золотым ободом, и корона напоминала башню замка, окруженную стеной.

В слабых, восковых руках король держал большой пергамент, обвешанный множеством печатей. Слабым дрожащим голосом, король читал этот пергамент. Длинное формальное предисловие, бесконечное перечисление титулов, придворный жаргон, лишь поддерживающий беспокойные мысли собравшихся. Все чувствовали приближение важных событий.

На полу перед пьедесталом, напротив трона стояло два человека. Один из них был Князь Кордавы. В отсутствии принца Товаро, младшего брата короля, Виллагро был после самого короля, самым влиятельным пэром королевства. Выражение на его худом лице могло бы быть описано как смесь ожидания и нервного предвкушения.

Рядом с Виллагро стояла другая фигура, неизвестная для большинства присутствующих. Бритой головой, ястребиными чертами, темной кожей и могучим телом он напоминал стигийца. Он был, однако, хорошо одет, так, что была видна лишь его голова.

На его бритой голове покоился странный головной убор — корона, сделанная в виде золотой змеи, свернувшейся вокруг головы, и украшенная тысячами прозрачных сверкающих алмазов. Некоторые вельможи начали удивленно перешептываться, когда пришелец, откинув капюшон, сверкнул камнями короны. Если, шептали они, камни настоящие бриллианты, изготовление которых было неизвестно в Хайборийскую эру — стоимость короны тогда неисчислима. Когда неизвестный слегка двигался, камни, отражая свет источников, сверкали тысячами лучей всех цветов радуги.

Темнолицый человек производил впечатление глубоко погруженного в себя. Он настолько был поглощен своим занятием, что, казалось, не видел ничего вокруг. Казалось, что вся его энергия была направлена на один объект.

Среди свиты Виллагро можно было заметить мрачное лицо Зароно и закутанную фигуру священника Менкара, которого при дворе называли одним из приспешников Виллагро.

Федруго заметно устал, но уже приближался к концу документа. И здесь все замерли в удивлении, услышав невероятное:

— … итак, исходя из вышесказанного, мы Федруго Зингарский, оставляем престол нашей дочери и наследнице, Королевской принцессе Чабеле, и заочно выдаем ее замуж за ее избранника и вашего будущего короля, высокородного князя Тот-Амона Стигийского! Да здравствует королева и король! Да здравствует Чабела и Тот-Амон, король и королева древнего и нерушимого королевства Зингары!

Все в зале от изумления онемели. Но самый большой шок испытал князь Виллагро. Он выпучил глаза на короля Федруго, его желтое лицо побледнело, как саван. Его тонкие губы раздвинулись в немом ругательстве, обнажив желтеющие зубы.

Виллагро обернулся, чтобы что-то сказать высокой тихой фигуре рядом с ним. Бесстрастный стигиец спокойно улыбнулся ему, и отстранив протянутую руку, начал подниматься на вершину пьедестала, чтобы услышать поздравительные рукоплескания. Но поздравлений не было — поднимался изумленный недоверчивый шум.

Над возраставшим шумом послышался величественный голос короля Федруго:

— На колени, сын мой!

Высокий стигиец подошел к трону и опустился на колени. Он поднял руки, снял корону Кобры и бережно положил ее на зеленый камень рядом с собой.

Федруго вышел вперед и снял с головы простую древнюю корону короля-героя Рамиро. Он повернул ее и дрожащими руками возложил ее на бритую голову Тот-Амона.

Осознав предательство союзника, Виллагро скривился, как от боли, и сжал рукоятку висевшего на поясе кинжала. Возможно, он ее собирался, забыв об осторожности, вонзить в спину коленопреклоненного волшебника. Но тут его глаза остановились на лежавшей рядом с Тот-Амоном короне Кобры, и он опустил кинжал. Он кое-что знал, или думал, что знал о ее силе. В своем отчете Зароно объяснял:

«Из того, что мне рассказал Менкара и что мне удалось узнать за путешествие от Тот-Амона, она действует так: она во много раз увеличивает способность человеческой мысли воздействовать на другого человека. Так Менкара, лучший из средних магов, может контролировать мысли одного человека — в нашем случае — короля. Тот-Амон волшебник большего ранга, может одновременно контролировать несколько человек. Но обладающий короной Кобры, если умеет с ней обращаться, может с помощью короны управлять мыслями сотен и тысяч людей. Он, например, может безрассудно бросить в бой отряды солдат, пока никто не останется в живых. Он может командовать львом, ядовитой змеей, направляя этих страшных зверей на врагов.

Никто не устоит против обладателя короны. Его нельзя убить или отравить, поскольку корона передаст ему мысли убийцы и никто не сможет подойти к нему ближе, чем на выстрел катапульты, без того, чтобы не попасть под его власть. Смертные, как я и вы, Ваша Светлость, не могут даже наказаниями добиться повиновения — мои матросы позволили принцессе сбежать с корабля. Но Тот-Амон не боится неповиновения. Когда он даст мысленную команду, она будет точно выполнена, даже если это будет стоить человеку жизни».

И теперь, чтобы узаконить вступление Тот-Амона на трон, Федруго собственными руками возлагал корону, древнюю корону Зингары на бритую голову стигийца. Но чтобы сделать это,

Тот-Амону было необходимо снять корону Кобры. И здесь был шанс князя Виллагро.

Двигаясь со скоростью, необычной для своего возраста, князь сбросил бархатный плащ и помчался наверх пьедестала. Поскольку волшебник снял корону, он не мог знать о намерениях своего бывшего союзника, до тех пор, пока Виллагро не схватил корону и не надел ее на голову.

Когда Виллагро побежал наверх, он услышал слабый предупреждающий вскрик, в котором он узнал голос Менкара. Надев корону, он обернулся и увидел быстро бегущего вверх Менкара с обнаженным кинжалом в костлявой руке.

Как только Корона Кобры оказалась на его голове, Виллагро почувствовал целый поток ощущений, льющихся в его мозг. Казалось, что все невысказанные мысли людей в комнате, обрушились на его сознание одновременно, в шумном смятении. Не будучи волшебником, Виллагро не мог сортировать эти случайные мысли.

Как только Менкара приблизился к нему, князь в отчаянии сфокусировал свои мысли на нем, вытянув к нему руку, так как по его мнению это был магический жест. Изо всех сил он сконцентрировался на мысленной картине Менкара, падающего вниз, как от сильного удара.

И Менкара действительно скатился по ступенькам вниз. Он лежал на спине, как после сильного удара. Его кинжал со звоном выпал.

Львиный рев сзади заставил Виллагро снова обернуться. Он исходил от Тот-Амона, который встал на ноги и обернулся.

— Собака! Ты подохнешь от этого! — вскричал стигиец на зингарском с сильным акцентом.

— Подыхай сам, — ответил Виллагро, протянув руку в его направлении.

Могучего волшебника было нелегко одолеть даже с помощью Короны Кобры, тем более, что ее нынешний обладатель совершенно не умел ею пользоваться. В напряженной звенящей тишине два человека стояли лицом к лицу в смертельном поединке желаний.

Сила Виллагро в короне грубо равнялась силе Тот-Амона, одного из величайших волшебников своего времени, но без всяких приспособлений. Они стояли в напряжении, шатаясь, но молчали.

Внизу, онемев от удивления, сцену наблюдали вельможи и придворные. Среди них было много храбрых людей, которые знали, на чьей стороне они находились раньше — но в этот хаотический момент, кто мог сказать кто за кого? Неизвестный король, опасный иноземец-волшебник, алчный, коварный князь… кто мог сказать, за кем правда?

Виллагро услышал, как Менкара бормочет внизу заклинания. Он почувствовал, как его мысленная сила слабеет. Перед ним Тот-Амон, казалось, рос в своей силе и могуществе.

Неожиданный каскад звуков обрушился в комнату и приковал внимание и все взгляды к входной двери. Толпа вооруженных моряков неожиданно прорвалась на балкон. Во главе отряда стоял бронзовый гигант с нечесаной гривой черных, как воронье крыло, волос и горящими вулканическими глазами под густыми черными бровями, с огромным тесаком в могучей руке.

— Конан! — в изумлении вскричал Зароно. — Именем всех богов и дьяволов, Конан!

Увидев столь неожиданно появившегося яростного варвара, Зароно побледнел. Затем его худое, волчье лицо помрачнело и суровые черные глаза гневно вспыхнули. Он выхватил из ножен рапиру.

Вмешательство смутило и Тот-Амона, повернувшего к лестнице увенчанную золотой короной голову. Если бы у него была Корона Кобры он узнал бы о приближении Конана и его людей еще до их появления, но он только что упустил ее.

Взглянув на пришедших, Виллагро тут же вернул внимание на Тот-Амона. Он знал, что стигиец пока наиболее опасный враг. Если бы ему удалось, неумело используя корону, одолеть Тот-Амона, Конана он легко победил бы тем же способом. Но если бы он обратил все свое внимание на Конана, то Тот-Амон легко бы раздавил его, как насекомое.

Конан встал на верхней ступеньке и поднял руки.

— Хо, люди Зингары! — рявкнул он, — мерзкий предатель и черный колдун захватили вашего короля в свои лапы! — Загорелая рука указала на стигийца. — Он не принц Стигии, а мерзкое порождение ада! Колдун из глубины Стигии пришел похитить древний трон Зингары из королевского дворца. На Земле еще не было человека, страшнее Тот-Амона! Мысли вашего короля были украдены каким-то колдовским способом, и так, что он не знает, что говорит, он как попугай повторяет мысли, которые нашептывает ему этот узурпатор!

Ассамблея взволновалась: одни поверили словам Конана, а другие нет. Один знатный вельможа крикнул:

— Что это за чушь? Грязный пират с безумными глазами врывается во дворец во время священной церемонии, размахивая мечом и выкрикивая ерунду! Стража! Арестовать этого негодяя!

Волнение усилилось, и Конан крикнул:

— Посмотрите на короля и удостоверьтесь в правильности моих слов, вы, простофили!

Рядом с троном бледный и дрожащий Федруго в волнении пощипывал бороду.

— Что… Что здесь происходит, Господи? — бормотал он. Его безумный взгляд скользнул по лицам придворных. Тут он заметил в руках документ. — Что… что это такое? Неужели я прочел это? Но это не имеет значения…

Было очевидно, что король Федруго не узнает документа, который только что прочитал. Тот-Амон, выбитый из колеи вмешательством Виллагро и Конана, упустил контроль над мыслями Федруго. Сейчас его внимание с новой силой вернулось к князю. Когда Тот-Амон повернулся к Конану, Виллагро направил усиленное в сотни раз желание в могучий мозг стигийца. Тот-Амон покачнулся, как от удара, чуть не упав, и оперся рукой о трон. Зингарская корона, которая была стишком мала для него, упала и громко звякнула о камень пьедестала.

Он снова собрался. Завораживающе сверкнули белки глаз, он послал Виллагро в ответ могучий мысленный удар.

— Отдай мне Корону Кобры, идиот! — прорычал он.

— Никогда! — крикнул Виллагро.

Князь почувствовал увеличение мысленной силы противника. Он, не видя, чувствовал, что сила Менкара прибавилась к силе Тот-Амона. Священник Сета встал на сторону своего повелителя. Виллагро чувствовал, что слабеет и тут его защита рухнула.

Глаза вновь вернулись к Конану и его корсарам. В воздухе повисла подозрительность. Это был один из тех моментов, когда судьбы нации балансируют на лезвии ножа, когда одно слово, взгляд, жест могут изменить течение событий и разрушить империю.

И тогда, в мертвой тишине, слово было сказано. Рядом с Конаном показалась фигура девушки. У нее были округлые формы, оливковая кожа и сверкающие глаза. Хотя ее полное тело было одето в грубый морской костюм, зингарским вельможам показалось, что они видели ее и раньше, в более подходящей обстановке.

— Принцесса! — задохнулся князь.

— Э? Чабела? — пробормотал старый король, нервно оглядываясь. Все увидели, что это действительно она. Но упреждая поток вопросов, она заговорила сама:

— Дворяне Зингары! Капитан Конан говорит правду! Вот тот стигийский колдун опутал моего отца волшебной паутиной. Конан освободил меня от колдуна и вот мы пришли в Кордаву, чтобы пресечь его узурпацию. Стража, хватайте его!

Капитан королевской стражи отдал приказ солдатам, и, выхватив шпагу пошел вперед.

Конан и девять матросов сбежали вниз по лестнице, сверкая обнаженными лезвиями. Чабела осталась наверху вместе с Минусом, священником Митры. Маленький человек упал на

колени и бешено молился.

— О, повелитель Митра, великий принц Света! — завывал он. — Будь с нами в этот час против темной силы Света. Божественным именем Сраоша и немыслимым именем Зурван, повелителем бесконечного времени, умоляем мы тебя. Убей их святым огнем, чтобы Старый Змей рухнул со своего возвышения!

То ли Тот-Амон ослабел от мысленного напряжения, то ли Виллагро научился использовать Корону Кобры, то ли Митра снизошел к молитвам, но Тот-Амон, казалось, побледнел, задрожал и отступил назад. Виллагро открыл рот для торжественного крика.

Перед тем, как крик слетел с его губ, Тот-Амон выложил последнего козыря. Он вытянул по направлению к князю длинный, смуглый палец.

Вокруг него возникло бледно-голубое свечение, превратившееся в изумрудное сияние.

Луч коснулся головы князя Виллагро и алмазной короны, охватив их слепящим изумрудным облаком. Затем красным цветом засветилось и золото короны.

Виллагро издал приглушенный крик. Он отшатнулся назад, тряся головой, как бы пытаясь сбросить корону. Появился черный дым, как будто загорелись волосы.

Тут комната потонула в слепящем голубом свете вспыхнувшей снаружи молнии. Одно окно со звоном распахнулось. Внутрь залетели капли дождя. Некоторым показалось, от испуга неожиданной молнии, что часть молнии проникла через сломанное окно и хлестнула Виллагро, как вселенский кнут.

Виллагро упал на пол лицом вперед. Корона Кобры упала и покатилась по мраморному полу, оставив тело Виллагро с сожженными волосами и почерневшей по месту касания с кожей на голове.

Тем закончились честолюбивые мечты князя Виллагро, который, не довольствуясь княжеским титулом, возжелал королевскую корону и умер, задавленный мыслями.

21. АЛАЯ КРОВЬ И ХОЛОДНАЯ СТАЛЬ

Три удара сердца держало это удивительное событие всех в состоянии мертвого шока. Первым опомнился Тот-Амон.

— Менкара! Зароно! — крикнул он. — Сюда! — Когда явился священник Сета и корсар с рапирой в руке подошли, стигийский маг сказал.

— Соберите своих людей и воинов Виллагро! Действуйте быстро и решительно! Если не успеете, ответите головой! С Конаном на стороне короля вам не удастся жить в мире со старым режимом!

— Где же ваше колдовство? — пробормотал Зароно. — Почему вы не отбросите ваших врагов одним движением руки?

— Я делаю, что могу, но магия тоже имеет пределы. К оружию же!

— Вы правы, — сказал Зароно, поворачиваясь на каблуках. — Воины! — крикнул он. — Князь Виллагро мертв, но стигийский принц жив. Если наши шпаги возведут его на трон, мы все будем пэрами! Ко мне!

— Все верные зингарцы ко мне! — заорал Конан, — постоим за короля и принцессу, и спасем Зингару от правления дьявола из стигийского ада!

В зале произошло сильное движение и партии разделились. Большинство воинов Виллагро устремились к Зароно, а большинство дворян и офицеров столпились вокруг Конана и его матросов. Некоторые, незнающие чью сторону принять, или просто от трусости, выскочили из зала.

Скоро стало видно, что партия Зароно больше. Хотя некоторая часть дворцовой гвардии присоединилась к Конану, большая часть людей Виллагро отошла к Зароно. Все эти солдаты были в легких латах, что давало им в битве преимущество.

— Нас больше! — крикнул с пьедестала Тот-Амон, — сдавайтесь и вам сохранят жизнь!

Конан громко и невежливо ответил ему, что Тот-Амону сделать со своим предложением.

— Шпаги вон за Тот-Амона, короля Зингары! — крикнул Зароно, обрушившись на ближайшего воина из отряда Конана.

Повсюду раздавался звон шпаг. Обе партии смешались. Зал наполнился криками сражающихся людей. Вот упал воин, обливаясь кровью, другой. Кровоточили раны, послышались крики агонии насмерть зарубленных людей.

Конан жестоко улыбался, сверкнув белыми зубами на бронзовом лице. Время для болтовни прошло. Хотя годы научили его ответственности и осторожности, под его налетом зрелости было все то же варварское желание во всем, а здесь, похоже, будет самая славная битва за многие годы.

Он соскочил с лестницы и прыгнул к ближайшему человеку Зароно. Удар был так силен, что у того сломался позвоночник. Приземлившись, как кот, на четвереньки, он ударил следующего головой в живот и сунул тесак между ребер подскочившему на помощь.

Он пошел вперед, двигаясь, несмотря на размеры, легко, как пантера, рубя зингарцев направо и налево. Он, как башня возвышался над ними, и их легкие шпаги не могли сдержать ударов его огромного тесака. За ним, вращая кортиками шли корсары.

Большинство зингарцев с обеих сторон были искусными фехтовальщиками, но Конан всю жизнь провел в сражениях и владел мечом не хуже их. В течение зимовки в Зингаре он совершенствовал свое искусство великого Мастера Аврелио, школа которого была известна далеко за пределами королевства.

Поэтому молодые дворяне из сторонников Зароно были обескуражены, ожидая, что дикого варвара проткнуть будет так же легко, как яблоко маленьким кинжалом. Несмотря на свое сложение, он легко отражал атаки. Он, используя ловкие приемы защиты и нападения, убивал или смертельно ранил одного за другим. Цвет королевства в ужасе отступал перед неистовым варваром, и он как ураган беспрепятственно продвигался вперед.

И тут высокая, худая фигура в черном бархате встала на его пути. Черный Зароно был готов скрестить с ним шпаги. Конан был несколько раз ранен, но управлялся с клинком так же легко, как и прежде.

Зароно был не трус, но безжалостный испытанный боец. Он был подлецом, но никто не сомневался в его силе и храбрости. С другой стороны, он был расчетлив и умен. Он умел использовать удобный случай. Если бы он хорошо подумал, то, вероятно, воздержался бы от встречи с Конаном. Но его ослепила ненависть к Конану, который несколько раз опередил его и помешал осуществлению плана князя Виллагро и его собственных. Он жаждал мести с первой встречи в «Девяти Нарисованных Шпагах», когда удар Конана едва не снес ему голову с плеч.

Зароно не питал иллюзий относительно благодарности Тот-Амона, которую он мог ожидать, окажись стигиец на Зингарском троне. Все значительные посты, несомненно, займут стигийские священники Сета. Но Тот-Амон, вероятно, найдет и для него источник существования, с другой стороны, если победят защитники старой династии, ничего, кроме топора или петли, он ожидать не мог.

Рапира Зароно — лезвие клинка было значительно тяжелее, чем у большинства воинов Зароно — лязгнуло о тесак Конана. Зароно сделал быстрый выпад, но Конан отбил его. Киммериец, в свою очередь, обрушил на него мощный удар сверху. Зароно отскочил в сторону, и тесак просвистел мимо.

Вокруг кипела битва. Многие пали. Битва превратилась в бойню. Стало сказываться численное преимущество партии Зароно. Верные династии были разделены на две группы и оттеснены: одна к лестнице, по которой спускался Конан, а другая, среди которой находился старый король, в угол.

Конан и Зароно все еще сражались. Зароно начал понимать, что совершил ошибку, вызвав Конана на поединок. Хотя, как фехтовальщик он не уступал Конану, но в его руках не было силы и выносливости Конана. Он почувствовал усталость, но ярость и самолюбие поддержали его. Либо он убьет Конана, либо погибнет сам.

Тем временем, как всегда невозмутимый, Тот-Амон спустился с пьедестала. Избегая сражающихся, он спокойно шел по кровавому, усеянному трупами полу, к лежавшей на мраморе короне Кобры. Несколько раз он касался того или иного из воинов Конана, но они даже не пытались убить его. Казалось, что он невидим для них.

На самом деле он, используя мысленную силу, подавлял в них желание причинить ему любой вред. Он был настолько поглощен собственной безопасностью, что не обращал внимания ни на Конана, ни на других вождей вражеской партии. Без волшебных аппаратов и отсутствия тишины и одиночества, необходимых для эффективного колдовства, он ничем не мог помочь своим сторонникам. Использовав зеленый луч, он не мог его применять в течение еще нескольких часов.

Тот-Амон безразлично перешагнул через убитого неизвестной рукой Менкара. Подойдя к короне, он остановился и поднял ее. Она все еще была раскалена, но Тот-Амон сжимал ее без видимой боли. Он быстро осмотрел ее, а затем, выругавшись, отбросил в сторону, как ненужную жестянку. Неожиданно сверху раздался рев еще одного отряда. Команда Конана во главе с Сигурдом и Зелтраном, ринулась вниз по лестнице, размахивая кортиками и шпагами. Когда Конан ушел с Минусом, он послал Сигурда на корабль с приказом привести оставшихся на

корабле корсаров во дворец по секретному туннелю, о котором рассказывал Минус.

Это неожиданное подкрепление изменило ход битвы. Оттесненные сторонники короля снова ринулись вперед. Фронт Стигийской партии дрогнул и распался. Толпа разнесла Конана и Зароно в разные стороны.

Зароно решил держаться до конца и, расталкивая бегущих локтями, пытался остаться на месте. Тут он почувствовал, как кто-то схватил его руку с рапирой. Он попытался стряхнуть чужую руку, но тут увидел, что это был Тот-Амон.

— Мы проиграли, — крикнул стигиец, — Корона испорчена — сгорела.

— Пусти меня! — в ярости закричал Зароно. — У нас еще есть хороший шанс, и я еще не прикончил эту свинью!

— Боги решили, что Конан выиграет эту битву.

— Откуда ты это знаешь?

— Я много чего знаю, — пожал плечами Тот-Амон. — Я ухожу, можешь идти со мной или оставайся.

Стигиец повернулся и пошел к выходу. Зароно нерешительно двинулся за ним.

— Стой! — раздался голос Конана. — Эти две собаки не уйдут так просто!

Тот-Амон вытянул палец с массивным кольцом в виде кусающей хвост змеи к одной из портьер. «Я хок-хай хафайкал фангуг! Нгех хай-хах!»

Портьера ожила. Она вздрогнула, дернулась и оторвалась от державших ее колец. Как огромный нетопырь, она отделилась от стены и полетела над головами дерущихся, повисла над головой Конана и тут же упала на него, полностью накрыв его.

— Поспешим, если не хочешь поплатиться головой, — сказал Тот-Амон Зароно.

За те несколько секунд, пока Конан пытался освободиться от портьеры, Тот-Амон и Зароно пропали. Вокруг, преданные своими вождями, их стражники бросали оружие и сдавались.

Сжимая тесак в руке, Конан выбежал через вестибюль к главному входу. В тишине он услышал лишь удаляющийся звук копыт.

* * *

Утренний бриз был свежий и сильный. Он нес соленые водяные брызги и гудел в парусах вышедшего из Кордавской гавани в открытое море «Вестрела».

На капитанском мостике вымытый, выбритый, одетый во все новое, Конан полной грудью вдыхал влажный морской воздух. Хватит черной магии и сражений с бесплотными тенями! Дайте ему легкий корабль и команду отчаянных головорезов, шпагу за пояс и спрятанное сокровище — и у него будет все, что он мог бы пожелать для полного счастья.

— Клянусь грудью Иштар и черным Нергалом, но ты все же свихнулся! — пробормотал Сигурд Конану.

— Почему? Потому что я не позволил Чабеле выйти за меня замуж? — улыбнулся Конан.

— Она прекрасная девушка, — кивнул головой Сигурд, — и принесла бы тебе прекрасных сыновей, и по первому твоему требованию трон Зингары. Несомненно, что после пережитых потрясений старый Федруго долго не протянет. И тогда эта девушка наследует корону, королевство и все остальное!

— Благодарю покорно, но я не желаю быть мужем королевы, — прорычал Конан. — Я сыт по горло жизнью в Тамбуру. И ведь Нзинга была сильная, зрелая женщина, а не глупая романтическая девочка, в два раза меня моложе. Кроме того, Федруго может протянуть еще довольно долго. Теперь, когда его мысли освободились от стигийского колдовства, он как бы

помолодел на десять лет и приступил к делам с новыми силами. Он сразу же аннулировал свое отречение и помолвку между Чабелой и Тот-Амоном. Что касается Чабелы, то она мне нравится, я даже люблю ее как дочь. Между нами, я даже мог бы принять ее предложение, если бы не видел своего предназначения.

— Как так?

— Это было во время моего выздоровления после битвы. Я несколько раз обедал с королем и его дочерью, и Чабела мне все уши прожужжала своими планами моего перевоспитания. Мой разговор, моя одежда, мои манеры за столом, мой идеал прекрасного — все должно измениться. Я должен был бы стать совершенным зингарским джентльменом, размахивающим перед носом надушенным платком во время представления королевского балета.

Сейчас я быть может и не такой мудрый, как любимый философ короля Родриго, но я знаю, что мне подходит. Нет, Сигурд, если Кром пожелает, я когда-нибудь завоюю себе трон, но получу его на конце шпаги, а не в качестве свадебного подарка.

Кроме того, Федруго был щедр. Он отдал мне корону Кобры, которую я заложил королевскому ювелиру Джулио: вот откуда новая оснастка и снаряжение для ребят. — Конан ухмыльнулся. — И вот я, не дожив еще до сорока, стал почти ростовщиком! Но лучше, пока не поздно, вернуться к честному ремеслу корсара, пусть и не столь прибыльному.

Спасение королей — дело неподходящее для честных разбойников, да не перевелись еще торговцы-толстосумы, бороздящие моря от Аргоса до Шема. И хватит стонать над моим отказом от этой луноликой красавицы, пора подумать и о делах. Пойдем поглядим на карту в моей каюте. Мастер Зелтран! Будьте любезны, зайдите ко мне в каюту.

Конан пошел вниз. Несколько минут Сигурд с открытым от удивления ртом смотрел ему вслед, а затем, в отчаянии махнув рукой, пошел за капитаном.

— Клянусь зеленой бородой Ллира и молотом Тора, — пробормотал он, — с этим киммерийцем спорить невозможно!

Скрипели снасти, и под плеск волн и крики чаек, «Вестрел» шел на юго-восток, неся Конана к новым приключениям.